

И. Курукин

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

ЖЗЛ

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

Игорь
Курукин

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

120 лет
биографической серии
«Жизнь замечательных людей»

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК

11

Игорь Курукин

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2011

УДК 94“17”-055.2
ББК 63.3-284.3
К 93

ISBN 978-5-235-03405-1

© Курукин И. В., 2011
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2011

Предисловие

О «ПРЕДМЕТЕ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕМ СТОЛЬКО УЖАСНОГО И ПОЭТИЧЕСКОГО»

XVIII столетие чарует. Оно вроде бы и близко; его действующие лица по сравнению с людьми Средневековья кажутся понятными, почти такими же, как мы. Но всё же оно достаточно отдалено от нас, чтобы сформировались мифы, и к тому же населено яркими людьми и наполнено масштабными событиями, к которым хочется приобщиться, разгадать их тайны. Кроме того, это время, такое красивое, авантюрное, романтическое, совсем не похоже на наши дни с их сутолокой и стандартизированной бытостью. Иногда бывает трудно понять, почему то или иное имя прочно остаётся в истории и спустя два или три столетия притягивает внимание. Можно, наверное, при желании поискать объяснение этому явлению. Но стоит ли? А может быть, лучше, чтобы загадка притягательности того или иного персонажа «галантного века» осталась неразгаданной?

Так и с нашей героиней. Особа, чьи подлинное имя и происхождение остаются по сей день неизвестными, собственно говоря, ничем не прославилась — не вершила государственные дела, не изменила каким-либо деянием ход истории, не вдохновила знаменитого творца на литературное или живописное произведение, да и сама ничего не создала — а всё-таки её образ продолжает волновать умы и будоражить воображение.

Отчасти такой интерес понятен, поскольку вызван тем, что власти долго скрывали обстоятельства её жизни и смерти. В XIX веке предшествующее столетие с его дворцовыми переворотами, заговорами, не слишком привлекательными фигурами преемников Петра I и их фаворитами представляло особую сложность для авторов и цензоров, а потому обычным приёмом стало умолчание. В ряде учебников конца XVIII — начала XIX века нет «запрещённой» фигуры младенца-императора Иоанна Антоновича; в других — просто упоминается, что его царствование «недолго продолжалось». В официальной истории не упоминались «кондиции», на условиях которых вступила на престол Анна Иоанновна, споры о престолонаследовании после смерти Петра I или перевороты 1762 и 1801 годов. Иногда же информация такого рода переиначивалась до неузнаваемости. Тогда, к примеру, можно было прочесть, что Иоанн Антонович воцарился «беззаконно», поэтому был «добродетельно заключён», а в конце концов, к всеобщему облегчению, лишён «тягостной самому ему и ни к чему не способной жизни», неудачник же Пётр III добровольно отрёкся от престола, как только понял, что «народ не доверяет его поступкам, и вскоре скончался в Ропше» — конечно, по вполне естественным причинам.

Пробелы нашей истории в XVIII веке заполнялись иностранными авторами. П. Ш. Левек, Н. Г. Лекерк, Г. Сенак де Мельян, К. Л. Рюльер, Г. А. Гельбиг и другие сочинители, пытавшиеся познакомить европейскую публику с новой великой державой, поднимали при этом и «неудобные» темы. В 1797 году в Париже вышла книга французского дипломата и писателя Жана Анри де Кастера «*Vie de Catherine II, impératrice de Russie*» — одна из первых биографий великой императрицы, пользовавшаяся большой популярностью даже в самой России, хотя там она долгое время была запрещена. При отсутствии полноценных отечественных работ книга Кастера, переведённая на несколько европейских языков, для образованных читателей долгое время оставалась редким по красочности описаний и информативности источником по истории России второй половины XVIII века. Велика забота, что автор в России никогда не бывал! Сведения он получал из вторых-третьих рук, в результате его сочинение представляло собой смесь увлекательного вымысла и достоверных событий. Но где ещё российский обыватель мог прочесть о тайном браке и детях императрицы Елизаветы Петровны, о драматических отношениях молодой Екатерины с мужем Петром III и об устранившем последнего дворцовом перевороте? В заключение автор представил даже сведения об огромных состояниях, которые получили сподвижники и фавориты императрицы за время её царствования.

Неудивительно, что книгу Кастера в России переводили. Её списки ходили по рукам, их зачитывали до такой степени, что уже и фамилия автора очередным переписчиком забывалась. Зато, указывал большой знаток эпохи и издатель журнала «Русский архив» Пётр Иванович Бартенев, его современники,

неизбалованные сочинениями о новейшей русской истории, «почти исключительно из неё черпали свои сведения и понятия о второй половине осмнадцатого века»¹. Правда, у автора, пользовавшегося порой отнюдь не достоверными слухами, Суворов, к примеру, лично рубил турецких янычаров и отрезал им головы, чтобы высыпать их из мешка у ног своего начальника князя Г. А. Потёмкина. Там же помещался рассказ о дочери Разумовского и императрицы Елизаветы: несчастная принцесса сначала попала в руки польского магната Радзивилла, а потом была обманом захвачена в Италии Алексеем Орловым. От него бедная и влюблённая Елизавета родила ребёнка, а сама трагически погибла в каземате Петропавловской крепости во время наводнения: «...воды невские положили предел её несчастьям — она утонула в тюрьме своей». Имелось в виду разрушительное наводнение в ночь на 10 сентября 1777 года, во время которого потоки воды смывали дома и выбрасывали на берег гружёные суда. Тогда рухнула часть стены Петропавловской крепости и по городу носились слухи, что утонули заключённые казематов.

Столь же драматично поведал об этой истории бывший секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины II Георг Адольф фон Гельбиг. В своей нашумевшей книге «Русские избранники» он объявил загадочную даму дочерью императрицы Елизаветы и её фаворита Ивана Шувалова и, кажется, впервые употребил по отношению к ней фамилию Тараканова, которую она никогда не носила. Обладательница «кроткого нрава» якобы тихо жила в солнечной Италии, вовсе не думала о престоле, но страдала от отсутствия средств. Коварные русские офицеры завоевали её доверие, уплатив её долги, и заманили жертву в ловушку: страдальца была схва-

чена, отправлена в Россию и скончалась в шлиссельбургской тюрьме. Несчастный же отец так и не посмел открыться дочери².

Спустя восемь десятков лет свидетельства о забытой драме Екатерининской эпохи стали, наконец, доступными отечественной публике. В 1859 году редакция московского журнала «Русская беседа» напечатала выдержки из составленной в 1820-х годах «Записки одного трудолюбивого изыскателя». Это были письма итальянского аббата Роккатани о пребывании в Риме в начале 1775 года «неизвестной принцессы Елизаветы», именовавшей себя дочерью российской императрицы Елизаветы Петровны и искавшей поддержки у польского посла и папской курии. В конце своего сообщения аббат, лично знакомый с этой дамой, указал, что она выехала из Рима в Ливорно, где находился в это время российский военный флот. В журнале также были опубликованы копии донесений командующего русским флотом в Средиземноморье графа Алексея Орлова об установлении контактов с самозванкой и рапорт от 14 (25) февраля 1775 года о её аресте. О дальнейшей судьбе «принцессы» составители не знали и предположили, что она умерла в заточении³.

В том же году на эту публикацию откликнулся историк русской литературы Михаил Лонгинов, закончивший свою карьеру главным цензором империи, а на рубеже 1850—1860-х годов бывший либеральным чиновником. Он указал, что приведённые в «Русской беседе» сведения встречались в разных вариантах ходившего по рукам рукописного сочинения о «жизни Елизаветы Алексеевны Таракановой»⁴. Но о самой героине Лонгинов знал немногое — он даже не был уверен в её самозванстве и вслед за Гельбигом допускал, что она могла быть дочерью

императрицы Елизаветы и И. И. Шувалова. Дальнейшую историю автор считал покрытой «непроницаемой тайной» и мог сослаться только на «предания», одно из которых говорило о гибели пленницы во время наводнения в тюрьме; другое — о её погребении в Новодевичьем монастыре⁵. Наконец, правительственный чиновник и литератор П. И. Мельников, отзываясь на обе предыдущие публикации, в газетной заметке впервые связал узницу Петропавловской крепости с не менее загадочной обитательницей московского Ивановского монастыря инокиней Досифеей, проживавшей в нём с 1785 года в полной изоляции⁶.

Чуть позже католик-эмигрант князь Августин Голицын выпустил в Лейпциге маленькую брошюру «О мнимой княжне Таракановой» с подзаголовком: «Известие о пребывании в Риме в 1774 или 1775 годах неизвестной принцессы Елизаветы, именовавшей себя дочерью российской императрицы Елизаветы Петровны. Почерпнуто из оставшихся о ней сведений в Архиве итальянского департамента бывшего Польского королевства». В тексте содержались цитаты из нескольких писем самозванки 1775 года и большая часть имевшегося у неё поддельного завещания Елизаветы Петровны⁷.

Однако настоящую славу этому имени принесла картина молодого живописца Константина Флавицкого «Княжна Тараканова в Петропавловской крепости во время наводнения». На выставленном в 1863 году полотне изображена легендарная история гибели узницы петербургской Бастилии: тюремная камера, кровать с заменяющей одеяло овчиной, деревянный стол с краюхой хлеба; вода, заливающаяся сквозь зарешёченное окно, она уже затопила пол и подступила к краю постели, где почти без чувств от ужа-

са и отчаяния замерла молодая женщина в шёлковом платье. Кстати, именно художник и дал красавице, называвшей себя десятком звучных имён и титулов, фамилию Тараканова, под которой она вошла в нашу историю, хотя сама себя так никогда не называла.

Эффектное творение Флавицкого вызвало живой отклик в обществе. Политическая интрига, тайны двора, несчастная страсть и предательство — всё было, как в романе Дюма. К тому же переданная живописцем обстановка каземата Петропавловской крепости ассоциировалась у современников с арестами и гибелью многих молодых людей, осмелившихся выступить против существующего порядка. Картина сразу стала популярной, а её автор так и остался творцом одного произведения, за которое, кстати, заломил П. М. Третьякову немалую цену в пять тысяч рублей. Хорошо чувствовавший тогдашнюю общественную атмосферу Лонгинов, с одной стороны, отметил «прекрасный сюжет» полотна, «представляющий столько ужасного и поэтического», с другой — отозвался комментарием с опровержением «ложного события».

Он основывался на рассказе к тому времени уже покойного сановника — председателя Государственного совета и по совместительству президента Академии наук графа Дмитрия Николаевича Блудова. В 1820—1830-х годах ему выпала миссия готовить для императора Николая I обзор многих секретных политических дел эпохи дворцовых переворотов и екатерининского царствования⁸, в том числе и следственных материалов о прекрасной самозванке. Из рассказа Блудова Лонгинов почерпнул и впервые привёл дату смерти пленницы от чахотки — 4 декабря 1775 года, то есть задолго до наводнения 1777-го. Теперь он уже не сомневался в самозванстве дочери

безвестной пражской трактирщицы, «служившей орудием» одного из вождей польских конфедератов — Кароля Радзивилла, не знавшей русского языка и никогда не носившей приписываемую ей фамилию Тараканова. Правда, учёный автор тут же дал понять, что не всё так просто — существовали какие-то ещё более загадочные «брат и сестра Таракановы», якобы имевшие прямое отношение к роду Разумовских и безвыходно пребывавшие в монастырях⁹. Сама записка Блудова увидела свет лишь в 1905 году. Он подробно охарактеризовал комплекс следственных документов, хранившихся в Государственном архиве, и нашёл «любопытнейшими» из просмотренных им бумаг «допросы её и лиц, взятых с нею; донесения фельдмаршала Голицына; донесение исповедовавшего её священника; выписки из бумаг её; письма её к Орлову»¹⁰.

Ещё в 1862 году член-корреспондент Академии наук, исследователь московских древностей Иван Михайлович Снегирёв в описании Ивановского монастыря рассказал о странной монахини Досифее, которую «никто не видел, кроме игумении, духовника, причетчика, недавно умершего в глубокой старости, да московского купца Филиппа Никифоровича Шепелева, торговавшего чаем и сахаром на Варварке, от которого мы, за несколько тому лет, заимствовали некоторые сведения об этой таинственной монахини». Жила она на особо выделявшиеся казной деньги, но в изоляции и под постоянным присмотром, так что даже богослужения совершали для неё отдельно в запертой церкви. Досифея проводила свои дни «в безмолвии и подвигах благочестия», но изредка принимала «знатных особ», с которыми беседовала на «иностранном языке». После кончины она удостоилась «торжественного и вели-

колепного» погребения, совершённого в присутствии московского главнокомандующего и высшего духовенства¹¹.

Почти одновременно с Лонгиновым некий А. Самгин в журнале «Современная летопись» опубликовал рассказ своей бабушки Гликерии Ивановны Головиной, которая в юности училась в том самом монастыре и была вхожа в келью таинственной инокини Досифеи. Однажды та и рассказала юной барышне — при условии сохранения тайны — свою историю: «Это было давно, была одна девица, дочь очень, очень знатных родителей, воспитывалась она далеко за морем... образование она получила блестящее... Один раз у неё были гости, и в числе их один генерал очень известный в то время; генерал-то этот и предложил покататься в шлюпках по взморью... Как вышли в море — там стоял наготове русский корабль. Генерал и говорит ей: не угодно ли Вам посмотреть устройство корабля? Она согласилась, взошли на корабль, и как только взошли, её уже силой отвели в каюту, заперли и приставили часовых... Через несколько времени нашлись добрые люди, сжалились над несчастной — дали ей свободу и распустили слух, что она утонула. Много было труда ей укрываться... одета она была в рубище и питалась милостыней, которую выпрашивала на папертях церковных; да, наконец, пошла она к одной игуменье, женщине благочестивой, открылась ей, и та из сострадания приютила её у себя в монастыре, рискуя сама подпасть под ответственность»¹². Кажется, это было первое появление в печати известий о другой таинственной фигуре, которая с тех пор будет связана с пленницей Петропавловской крепости. Так постепенно призрак загадочной «принцессы» стал обретать лицо — точнее, два лица.

Пусть на самом деле и не было гибели от наводнения, однако сила искусства, как это часто случается, победила правду истории, к тому же официально сокрытую. Издательская деятельность Герцена и наступившая в России после смерти Николая I «оттепель» способствовали отмене наиболее грубых запретов на исторические исследования. Правда, цензурное ведомство в постановлении 1860 года предупредило о недопустимости обнародования «сведений неосновательных и по существу своему неприличных к разглашению о жизни и правительственных действиях августейших особ царствующего дома» как раз начиная с 1725 года, не касаясь более ранних времён, чтобы «не стеснить отечественную историю в ее развитии»¹³. Однако во времена либеральных реформ прежнее умолчание становилось неуместным, да и ненужным. Не случайно, по свидетельству издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, граф Блудов в начале 1860-х годов в беседах стремился оправдать действия Екатерины II в отношении самозванки: последняя столкнулась с врагами России, а в тюрьме ей отвели «приличное помещение» и над ней «ни малейших насилий не было»¹⁴.

1867 год стал самым «урожайным» на публикацию прежде секретных сведений о самозванке. Бывший министр юстиции и главноуправляющий Вторым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии граф В. Н. Панин с разрешения Александра II напечатал в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских» подборку документов Тайной экспедиции по делу самозванки: мнимые завещания Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны, некоторые письма «принцессы» и адресованные ей послания поклонников (графа Филиппа Фердинанда Лимбургского, гетма-

на Михала Казимира Огиньского), а также донесения А. Г. Орлова Екатерине II¹⁵. В следующей книге «Чтений» появилась «Краткая история Елизаветы Алексеевны Таракановой», основанная на книге Кастера¹⁶. Одновременно увидела свет и подготовленная директором Государственного архива К. К. Злобиным подборка следственных материалов из дела «Таракановой»: её показания и документы главного следователя — фельдмаршала А. М. Голицына, включая его переписку с Екатериной II и адресованное ему донесение коменданта Петропавловской крепости о смерти и похоронах узницы¹⁷.

В следующем году серию публикаций завершило объёмистое повествование о приключениях загадочной красавицы «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская», вышедшее из-под пера ещё одного чиновника, по долгу службы боровшегося с расколом, а впоследствии известного писателя П. И. Мельникова-Печерского¹⁸. Автор был убеждён, что появление самозванки являлось делом рук иезуитов и магната Кароля Радзивилла, взявшего на воспитание неведомую девушку и финансировавшего её похождения в Европе, хотя и не смог привести убедительных тому доказательств.

Труды Блудова, Панина и Злобина впервые сделали доступными многие важные документы о незадачливой претендентке на российский престол. Маститые авторы стремились показать, что в этой истории нет династических тайн; неизвестная «претендентка» никаких кровных связей с царской семьёй не имела, а потому и наказана была за дело. Однако они не смогли «закрыть» тему — хотя бы потому, что не прояснёнными оставались вопросы о происхождении «княжны», причинах и обстоятельствах «принятия» ею имени российской царицы и её от-

ношениях с деятелями Барской конфедерации М. Огиньским и К. Радзивиллом.

К тому же официозные публикации так и не смогли рассеять романтический ореол «ужасного и поэтического» вокруг несчастной «принцессы». Завершило картину художественное воплощение жертвы екатерининского царствования в знаменитом и многократно переиздававшемся с момента выхода в 1883 году романе Григория Петровича Данилевского «Княжна Тараканова».

Пленительный образ прекрасной авантюристки, жертвы своей любви и деспотического режима, с тех пор окончательно утвердился в художественной культуре. Она стала персонажем романов, повестей, рассказов и пьес, а в XX веке — спектаклей и кинофильмов, имевших немалый успех. И. В. Шпагинский в начале прошлого столетия написал драму «Самозванка (княжна Тараканова)»¹⁹. Первый двадцатиминутный фильм, посвящённый той же героине, был поставлен уже в 1910 году и удостоился похвалы за игру актёров: «Каждый из них дал настоящий исторический тип, начиная с г-жи Александровой в роли Екатерины II и кончая остальными артистами в роли “блестящей стаи славных”, окружавших императрицу. Наибольшее внимание в картине оказывает на себе изображение г-жой Микулиной самой княжны. Очевидно, прототипом для её изображения послужила артистке известная картина Третьяковской галереи, точную копию с которой представляет последняя сцена ленты в версии смерти от наводнения»²⁰.

Из относительно недавних попыток обращения к теме можно назвать постановки театров имени Моссовета и имени Вахтангова по пьесе Л. Г. Зорина «Царская охота» и вышедшую в 1990 году одноимён-

ную картину «Ленфильма». В талантливой драме переплетены ревность, любовь и страсть; загадочная «княжна» и захватившая трон у мужа Екатерина II — непримиримые соперницы, которые ненавидят друг друга, но ни в одной сцене так и не встречаются. Красавица Тараканова влюбляется в царского фаворита Алексея Орлова, а тот по приказу императрицы проводит операцию по пленению опасной преступницы ради государственного интереса: «Остальным государствам нужды нет, что пред ними злодеи, — чрез их посредство им надобно расшатать Россию». Схваченная и заточённая в Петропавловскую крепость пленница умирает, так и не раскрыв своей тайны. Впрочем, недавно поставленный в Уфе мюзикл «Голубая камеш», вопреки традиционному сюжету, заканчивает историю благополучно: циничный фаворит Орлов отказывается от своего положения при троне, а царица освобождает влюблённую княжну из крепости и разрешает графу на ней жениться; все пляшут и поют...

Ещё более основательно призрак Таракановой «прописался» на страницах беллетристических сочинений и всевозможных популярных изданий. К первым принадлежат исторические романы различного достоинства²¹; ко вторым — полухудожественные книги и статьи, претендующие на объективность вкупе с некоторой сенсационностью²². Так, один из авторов противопоставляет кроткую Досифею, то есть истинную Тараканову, ложной — самозванке, выдвинутой иезуитами, которые снабжали её деньгами. Хорошо ещё, что «красивейший мужчина» Орлов влюбил в себя и обезвредил вражеского агента, но зловерные иезуиты пытались его оклеветать и в пику России заказали Кастера написание книги. Другой сочинитель, скорее, сожалеет об участии бедной

девушки, которую заманил и «обрюхатил» Орлов, и убеждён в том, что жертва коварного графа наслала роковое проклятие, от которого якобы погибли его молодая жена и дочь. Третий, наоборот, считает самозванкой постриженную Досифею, а истинной дочерью императрицы — барышню, схваченную Орловым. Четвёртый намекает, что императрица и её дочь ни при чём, а роль последней играла польская еврейка из странной секты Саббатая Цеви²³.

Пишущие всё это особо не утруждают себя доказательствами. Зато таковые наглядно демонстрируют участники телевизионной «познавательной-приключенческой» программы «Искатели» на Первом канале. Авторы передачи «Две смерти княжны Таракановой» не зря обещали публике сенсацию — они на личном опыте доказали, что арестованная могла (подобно дюжему мужчине с соответствующим снаряжением!) перелезть через стену крепости и бежать, чтобы через десять лет объявиться под именем монахини Досифеи.

Пожалуй, наиболее известными из печатных трудов последних лет об истории Таракановой являются книги Э. С. Радзинского и Н. М. Молевой²⁴. Первая представляет собой драматическое повествование о бурных страстях, закончившихся гибелью гордой свободной женщины (хотя бы и властолюбивой интриганки) от рук царского холопа графа Орлова. Полюбив княжну, тот предаёт её в руки безжалостной императрицы, думающей только о собственной безграничной власти, а сам до конца жизни страдает от сознания греховности своего поступка. Во время последней встречи с пленницей граф безуспешно пытается оправдаться:

«— Клянусь на кресте! Я тебя любил.

— Не надо. В любовь мы играли. Оба.

— Я не играл, Алин. Я любил. Я и сейчас тебя люблю.

— Тогда ещё страшнее. Тогда ты даже не дьявол. Ты — никто... Я играла с тобой. И думала, что выиграла. И проиграла, потому что я впервые встрети-лась с любовью раба».

Сочинение Радзинского (и его фильм-монолог о том же предмете), названное «очередным историческим расследованием», на деле оказалось обычной псевдоисторической поделкой²⁵. Однако знойная «лавстори» в антураже «галантного века», пусть даже без «хеппи-энда», имела успех и заслужила восхищённые отзывы поклонниц творчества главного рассказчика России в Интернете: «...читается легко и с удовольствием. Честно говоря, во время чтения я так прониклась описанием княжны этой, что, живи я в XVIII веке и будь женщиной — непременно в неё бы влюбилась».

Известный искусствовед Н. М. Молева давно увлечена сюжетом о Таракановой и свою версию биографии самозванки излагала в опубликованных ещё в 1980—1984 годах рассказах. В отличие от Радзинского, она стремится опираться на источники. Автор резонно не доверяет сложившимся вокруг самозванки «фантазиям» вроде её романа с Орловым и рождения в тюрьме сына, что «не находит никакого отражения в следственных материалах, как и самый факт появления ребёнка». Она не поддерживает также версию о таинственном «спасении» авантюристки из заточения, поскольку в имеющихся свидетельствах о её смерти, «пожалуй, трудно подозревать подделку». Молева отнюдь не увлекается романтической стороной событий, но, скорее, рассматривает сохранившиеся известия суперкритично и явно подозревает если не в лживости, то в заведомой ангажированности главных действующих лиц этой

драмы, а также авторов и публикаторов XIX века, усматривая в их деятельности намерение утаить от публики главное: «Правда, личность следователя не вызывает никаких сомнений: добр, честен, благороден. Правда, соответствие копии несуществующему оригиналу тем более не подлежит сомнению; да и как может быть иначе в изданиях вроде Сборников Русского исторического общества или Чтений Общества истории и древностей российских? Но вот что случилось с оригиналами, откуда родилась уверенность в соответствии им копий, для чего было публиковать не проверенные самими исследователями повторения — эти вопросы никем и никак не поднимались». Императрица Екатерина, считает она, «как будто забывает о своих словах, не добивается подобного выяснения и от следователя»: «Напротив — императрица откровенно заинтересована в прекращении разговора с неизвестной, каких бы то ни было допросов и встреч». Ей кажется странным, что главный следователь А. М. Голицын «называет узнанные имена, обстоятельства, достаточно реальные, вполне доступные для проверки, и словно ждёт соответствующего разрешения — на запросы, переписку, вызов свидетелей. Ждёт и не получает ответа». Но при этом он якобы лишён доступа к бумагам самозванки: «Голицыну этих писем увидеть не довелось никогда».

Исследовательница считает подозрительной даже непротиворечивость источников, полагая, что она является результатом если не фальсификации, то как минимум тщательного отбора. «Официальные историки, официальная точка зрения. Самое любопытное, что они ни в чём не опровергали друг друга. Публикации появлялись расчётливо, очень точно по времени и всегда дополняя друг друга. За всем этим не могла не угадываться рука дирижёра:

что, когда, о чём. Блудов? Не случайно же его имя мелькало обрывками красной нити даже на страницах печати. Но тогда тем более надо было разгадать, чем занимался довереннейший из доверенных». Не вызывает у неё доверия и П. И. Мельников. Далёкий от исторических трудов чиновник, считает автор, вряд ли смог бы сам сочинить подробное жизнеописание самозванки. Но откуда, в таком случае, были заимствованы детали? «Кто, когда и при каких обстоятельствах успел составить подобную головоломную биографию? В лучшем случае воображение писателя могло наполнить одну коротенькую человеческую жизнь — всего-то двадцать три года! — таким нескончаемым потоком приключений. Учёному, чтобы собрать подобное количество разнородных, к тому же связанных с разными местами и государствами фактов, потребовались бы годы и годы».

Под прицел Молевой попал даже Флавицкий, «обязанный Академии художеств как бы авансом полученным званием профессора. За звание следует отблагодарить, в нём необходимо утвердиться для получения соответствующей должности в академических стенах. По всем расчётам, Флавицкий должен предельно точно выполнить поручаемое ему задание: княжна Тараканова в том варианте, который был предложен М. Н. Лонгиновым». Правда, по Молевой получается, что живописец не оправдал оказанного ему доверия: «...не понял ли он смысла полученного указания, увлёкся собственными поисками, дополнительными сведениями, которые могли пополнить картину событий далёкого прошлого, или поступил совершенно сознательно, как его в том и подозревала академическая администрация? Вместо благонадежного Лонгинова источником художественного решения Флавицкого становится публика-

ция в “Русской беседе”, та самая, с которой началась публичная полемика. Осуждение и разоблачение сменяются симпатией и сочувствием. Преступница превращается в жертву, акт справедливости — в акт вопиющего беззакония и насилия»²⁶.

Помимо коварства и насилия, в истории самозванки Н. М. Молевой на каждом шагу чудятся сокрытие и фальсификация документов. Хотя её книга содержит множество цитат и подлинных документов эпохи, в том числе материалов следствия и писем «принцессы», автор при всём том, кажется, искренне сожалеет, что, «несмотря на все розыски, никаких следов фонда Таракановой найти не удавалось». Впрочем, и некоторые другие сочинители как будто искренне убеждены, что «никакими подлинными российскими документами о самозванке мы не располагаем» и что если они и есть, то обретаются за границей²⁷. На самом деле бумаги авантюристки и материалы следствия над ней благополучно хранятся в Российском государственном архиве древних актов и давно доступны исследователям.

Недоверие к источникам восполняется обращением к «чисто логическому построению». А оно приводит к гипотезе, что отцом странствовавшей по Европе «принцессы» являлся не Разумовский, а другой фаворит Елизаветы — Иван Иванович Шувалов, который, в свою очередь, «был сыном Анны Иоанновны». А потому, по Молевой, «в расчёте генеалогических колен рода Романовых “побродяжка” оказывалась в одном колене с Петром III и правительницей Анной Леопольдовной и, соответственно, выше малолетнего Павла и зарубленного Иоанна Антоновича», то есть являлась опасной претенденткой на российский трон, в которой соединились две линии потомков царя Алексея Михайловича. По-

пытка не удалась, однако, «как брызги от брошенного в воду камня, её частицы рассыпались в народной памяти, чтобы, минуя всякие документы, публикации, псевдоисследования, сложиться в свой приговор — легенду о безвинно замученной красавице княжне, ещё одной жертве насилия и произвола, легенду, которую в конце концов подтвердили факты».

Лишь немногие работы о «княжне Таракановой» можно считать действительно научными исследованиями. Ещё в начале XX века польский историк Эрнест Лунинский получил доступ к материалам, хранившимся в Государственном архиве, и опубликовал свою книгу с приложением подлинных документов: писем самозванки турецкому султану Абдулгамиду I, А. Г. Орлову, А. М. Голицыну и обращённых к ней посланий Орлова и М. Огиньского²⁸. В 1966 году появилось сообщение о судьбе Таракановой в журнале «Вопросы истории»²⁹. В последнее время вышли обстоятельная статья В. А. Дьякова³⁰ и работы С. Р. Долговой, которой удалось обнаружить в Российском государственном архиве древних актов некоторые новые сведения о бумагах самозванки и обращении к ним российских государственных деятелей в первой половине XIX века³¹.

Попробуем и мы ещё раз взглянуть в одну из загадочных историй XVIII столетия. Для этого вновь обратимся к материалам следствия и подлинным бумагам самозванки, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов. Благодарим за помощь в работе коллег-архивистов, прежде всего главного специалиста отдела научной информации и публикации документов РГАДА А. Б. Плотникова и начальника того же отдела Е. Е. Рычаловского. Особую признательность выражаем Е. В. Колодочкиной за перевод с французского языка писем самозванки.

Глава первая
ДВОРЦОВЫЕ ТАЙНЫ

Всё это, монсеньор, очень похоже на роман.

Донесение французского
консула в Дубровнике Дериво.
18 августа 1774 года

«Тысяча сказок», или Девица ниоткуда

«Век Просвещения» на редкость богат любовно-приключенческими романами, и героиня нашего повествования во многом напоминает благородных и несчастных принцесс из старых изяшных книжек в кожаных переплётах — к примеру, юную Аврелию, дочь некоего «леонского* короля», который в сражении с маврами «подвергается тысяче опасностей, лишается своей жизни и умирает героем». Её овдовевшая мать, спасаясь от преследователей, «решилась скрыть Аврелию в кучу овса, недалеко от них находящуюся, приказала ей не выходить оттуда до

* Леон — средневековое королевство в северо-западной части Пиренейского полуострова на территории современной Испании, образованное в 910 году в результате раздела Астурии — первого тамошнего христианского государства после мавританского завоевания. В 1230 году Леон вошёл в состав королевства Кастилия. (*Здесь и далее, кроме особо оговорённых случаев, примечания редактора.*)

ночи и, естли выйдет, то удалиться в какую-нибудь бедную хижину, не сказывая о своём имени: “Ты будешь, — говорила она, — в тысячу раз несчастливее”. По произнесении сих слов она обняла её и убежала».

Сама же королева не спаслась, а вместе со служанками «пожелала утопиться». Но некий мавр всё же обнаружил девушку: «...бьёт её и, отнявши у неё все вещи, хочет утолить ещё страсть свою, которую красота её ему вдохнула. Аврелия сколько может защищается. Удвоенные удары не могут принудить оную к повиновению. Она желает лучше лишиться своей жизни, нежели удовольствовать порочное его влечение. Сей бешеной солдат, будучи раздражён отказами и имея в руках обнажённую саблю, хочет, чтоб непременно ему повиновались, но, видя, что его не слушают, и сберегая жертву свою для своего удовольствия, употребляет телесные свои силы: он несколько раз повергает её на землю, обременяет ударами, щадя однако ж жизнь её — но ничто не может принудить несчастную Аврелию ему повиноваться».

Неожиданно появляется благородный спаситель: «Сие трагическое действие, будучи уже близко к окончанию, происходило подле одной деревни; оно мерзило всех тут живших людей. Они дрожали, взирая на сие зрелище, и сожалели, что не были в состоянии предупредить сии печальные следствия: их только и было, что две молодые девки, два бедных старика и молодая вдова, имеющая у себя сына, которой один мог подать помощь несчастной и сожаления достойной Аврелии. Сей молодой человек назывался Алфонсом...» Храбрец, «будучи весьма тронут участию сей молодой девицы, спешит убить варвара, хотевшего принести в жертву своему бешенству, удовольствовавши наперёд скотское своё желание. Он бросается на сего солдата, не смотря что

тот был вооружён. Увы, бедный Алфонс едва только подошёл к нему, то и получил уже смертельную рану; но мужество его, оживляемое сопротивлением, смелость и жестокость сего злодея препятствуют ему чувствовать своё нещастие. Алфонс не для чего иного дышет и старается удержать жизнь свою, как чтобы умертвить противника. Аврелия, сделавшись свободною, тотчас убегает; Алфонс же, сражаясь с своим неприятелем ещё жесточе прежнего, обезоруживает его, повергает на землю, освобождается из рук его и, наконец, наносит ему смертельный удар».

Герой одерживает победу — но едва не погибает; «кровь течёт у него со всех сторон», а от исчезновения девушки он «в превеликое погрузился уныние и лишился чувств». Но спасённая красавица не забыла своего избавителя: «...тысячекратно хотела его видеть, и желание её сказывалось вздохами. Не говоря никогда, кто она такова, она заставляла чрез сие сомневаться, чтоб была из знатной фамилии». Алфонс же, едва очнувшись, отправляется на поиски предмета своей страсти: «...будучи не известен о её участи, не был её спокойнее. Она денно и ночью ему представлялась, и он не почитал себя в безопасности, не видя там Аврелии. Бедной молодой человек... против воли своей испускает об Аврелии нежные вздохи, представляет её несчастною и достойною сожаления; занимаясь сими мыслями, он говорит, остановившись: “Бедная девица, я тебя люблю; я тебя буду искать”»³².

Здесь мы на некоторое время оставим в печали юную Аврелию, чтобы вернуться к «нашей» принцессе. Она, в отличие от героини романа, персонаж исторический, но без настоящего имени и происхождения. Кажется, об этом никто толком и не узнал — ни поклонники этой барышни, ни её покров-

вители, ни следователи Екатерины II. Правду сказать, последним это было не очень-то и нужно. Запутанная история российского престолонаследия XVIII века не располагала к генеалогическим изысканиям — как бы не узнать чего лишнего. Когда в 1742 году в Тобольске при принесении присяги наследнику престола Петру Фёдоровичу флотский лейтенант Иван Дириков заявил о своих правах на трон, только что вступившая на престол Елизавета отказалась от проведения расследования (а вдруг в Воронеже обнаружатся «грехи молодости» Петра, на чём настаивал Дириков?); было приказано считать самозванца «помешанным в уме»³³.

Наша героиня неизменно представлялась по-разному: госпожа Франк, она же Шелль, экзотическая Али Эмете, княжна Волдомир, принцесса Азовская, графиня Пиннеберг и, наконец, Елизавета. На этом имени она настаивала, уже находясь в тюремном застенке, но и в нём ей было отказано — в официальных документах следствия её именовали «известной женщиной» или «известной дамой».

Вот только фамилии, под которой самозванка вошла в историю, она сама никогда не употребляла. Её присвоили авантюристке французские сочинители XVIII столетия, а вслед за ними — европейские и отечественные романисты. «Кто и откуда была самозванка, осталось неразгаданным. Английский посланник в Петербурге неизвестно на каком основании утверждал, что она дочь пражского трактирщика. Джон Дик (английский консул в Ливорно в 1775 году. — *И. К.*) говорил Раксалу (своему соотечественнику-мемуаристу. — *И. К.*), что отец её был булочник в Нюрнберге. Бумаги, отобранные у самозванки, тоже ничего не объясняют касательно её происхождения; из них с вероятностью можно заключить толь-

ко, что она немка или, может быть, еврейского происхождения», — докладывал в записке Александру II граф В. Н. Панин в июне 1865 года, при этом также не объясняя мотивы указанной «вероятности»³⁴.

Никто не знал и точный возраст «принцессы Елизаветы». Сама она на следствии в 1775 году утверждала, что ей 23 года; следовательно, годом её рождения можно считать 1752-й. Однако эта дата ничем не подтверждена, и похоже, что, указывая возраст, узница Петропавловской крепости лукавила. В письме 1773 года к министру трирского курфюрста-архиепископа она сообщила, что родилась в 1745 году; следовательно, тогда ей было от роду 28 лет, а ко времени начала следствия — и все 30³⁵. Так что сейчас мы можем лишь говорить, что ей было от двадцати до тридцати лет.

Современники же имели разные мнения на этот счёт, как и по поводу её внешности. «Росту она среднего, сухощава, статна, волосы имеет чёрные, глаза карие и несколько коса; нос продолговатый с горбом, почему и походит лицом на италианку», — по военному коротко описал облик своей подопечной следователь по её делу фельдмаршал А. М. Голицын, в юности служивший в качестве волонтёра в войсках Австрийской империи на Рейне, а потому имевший представление о сопровождавших армию дамах разных национальностей. Но о возрасте пленницы он ничего сказать не мог. Ещё одно описание самозванки дал польский посол в Ватикане маркиз Античи, встречавший её в Риме: «Она вообще миловидна, очень стройна, имеет грудь прекрасную; бела отменно, лицо её оживлено нежным румянцем, но немного обезображено тем, что она левым глазом коса», — но также не упомянул о возрасте собеседницы.

В 1911 году в майском номере художественного журнала «Старые годы» историк и знаток живописи А. А. Голомбиевский опубликовал загадочный портрет молодой женщины с вуалью, закрывающей нижнюю часть лица, одетой не то в тюремное платье, не то в маскарадный костюм. Портрет принадлежал тверскому коллекционеру П. Ф. Симсону, утверждавшему: на нём изображена именно «княжна Тараканова», а писал её, как указывала надпись на обороте холста, художник «Григорей Сердюков 1770 году октября 19 числа в С.ПБурге». Голомбиевский резонно усомнился в такой атрибуции, поскольку в 1770 году самозванка не могла позировать художнику в столице Российской империи. Он предположил, что изображённый на картине персонаж в восточной одежде, скорее всего, является действующим лицом французской оперы «Калмык», которая как раз в этот день шла в «Оперном доме» и которую слушали императрица и её гость — принц Генрих Прусский³⁶.

Спор так и остался неразрешённым, тем более что полотно было впоследствии утрачено, а о самом художнике известно весьма немного. Григорий Сердюков (1745—?) в 1760 году поступил на службу в Канцелярию от строений учеником третьего класса. Через несколько лет он был «аттестован во второй класс живописцем с прибавкой жалования», служил в той же самой канцелярии, пока не стал «вольным художником». До нашего времени дошло всего около полутора десятков работ живописца, среди них — портреты государственных мужей (канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, адмирала И. Л. Талызина, генерал-аншефа Р. И. Воронцова, сенатора И. И. Воронцова, графа П. И. Панина) и прекрасных неизвестных дам.

В начале XX века имелось ещё одно изображение самозванки, которое Голомбиевский считал более достоверным, хотя и эта атрибуция подтверждалась лишь семейным преданием. В собрании двоюродного дяди императора Николая II, великого князя Николая Михайловича, хранился сделанный неизвестным зарубежным мастером из итальянского мрамора барельефный профиль миловидной дамы с высоким лбом и изысканной причёской. На обороте барельефа предыдущим владельцем была вырезана надпись: «Головка княжны Таракановой, привезена из Италии, досталась от бабушки Анны Феодоровны Орловой, дочери графа Фёдора Григорьевича Орлова и племянницы графа Алексея Орлова-Чесменского*, от которого она головку и получила. А. Ф. Орлова вышла замуж за моего родного деда сенатора Александра Николаевича Безобразова, прямой внук которого я сам, Николай Фёдорович Безобразов». Если признать это изображение подлинным и сделанным с натуры, то заказать его изготовление мог либо Кароль Радзивилл, либо Алексей Орлов. Впрочем, в реляции Екатерине II граф упомянул, что преподнёс «княжне» свой портрет; следовательно, она могла сделать ему ответный подарок. Не исключена также возможность того, что Орлов захватил мраморную вещицу в Пизе, обнаружив её при обыске дома своей пленницы.

Все остальные биографические данные, представленные князем Голицыным Екатерине II, известны только со слов его подследственной: «Имя ей Елизабета, от роду двадцать три года; какой она нации,

* В ознаменование победы в Чесменском морском сражении у западных берегов Турции в 1770 году командовавший русским флотом граф А. Г. Орлов получил право присоединить к фамилии наименование Чесменского.

в котором месте родилась и кто её отец и мать, того она не знает. Воспитана она в Голштинии, в городе Киле, у госпожи Перет или Перан, однакож подлинно сказать не помнит; тамо крещена она в самом младенчестве в веру греческого исповедания, а когда и кто ее крёстный отец и мать, не знает».

«В Голштинии, — показала арестованная, — жила она до девяти лет, и когда пришла в смысл, то спрашивала иногда у своей воспитательницы, кто её отец и мать, однако она об них ей не сказывала, но говорила только, что она их скоро узнает. По прошествии сказанного времени воспитательница её послала её из Киля, с одною женщиною (коя родом из Голштинии, а именем Катерина), при ней с самого начала в няньках находящеюся, и с тремя человеками мужчин, — а какой они нации и что за люди, не знает — в Россию, куда она и ехала чрез немецкую землю, Лифляндию, Петербург и далее, нигде не останавливаясь, даже до границ персидских.

При отъезде её из Киля и в дороге ей того не сказывали, что везут в сие место, а говорили только, что едут к её родителям в Москву; но кто они таковы, и того не упоминали. Но как в сей город они привезены не были, то нянька её, приметя, что их обманули, на то огорчилась, сетовала; а потом ей обещалась, что она её никогда одну не оставит, уговаривая, чтобы она не грустила: может быть, им Бог поможет. По приезде на персидские границы оставили её с нянькою в одном доме, а в которой провинции и городе, того она не знает; только то ей памятно, что около того места, в расстоянии на шесть или на семь вёрст, была орда, а в том доме жила одна неизвестная старуха и при ней были человека три стариков, но какие они люди — ей неизвестно. Старуха, сколько она помнит, была, кажется, хорошего воспитания, и слы-

шала, что она в том месте жила более двадцати лет; почему и думала, что она также по какому-нибудь несчастию в то место привезена. В сём месте жила она год и три месяца, находясь во всё сие время в болезни, о которой она иногда такое делала заключение, что, может быть, испорчена была ядом. Скучив сею жизнью и угнетающими её несчастиями, стала она плакать, жаловаться на своё состояние и спрашивать, кто тому причиною, что её в том доме посадили. Однако ж всё это было бесполезно; только иногда из разговоров оной старухи она слыхала, что её содержат тут по указу покойного императора Петра Третьего»³⁷.

Это повествование сильно смахивает на эпизод из чувствительного романа XVIII века. Правда, в отличие от несчастной Аврелии, наша героиня вроде бы не знала своих родителей, но, без сомнения, была не простого происхождения. Она будто бы оказалась в связанном с Россией династическими узами герцогстве Голштинском, была крещена по православному обряду, а затем тайно доставлена в Москву. После чего по какой-то причине (как раз в 1761 году умерла императрица Елизавета Петровна, а после неё престол полгода занимал её племянник, сын голштинского герцога и дочери Петра Великого Пётр III) её отправили на глухую азиатскую окраину империи, к одинокой, но тоже явно знатной старушке. Бедная девочка страдала, подозревала, что предпринимались попытки её отравить, а в ответ на жалобы о своей горькой участи слышала, что такова была императорская воля.

Рассказ о таинственном путешествии из Германии в Россию, а затем отправке на «персидские границы» по распоряжению российского императора не вызвал у Голицына доверия. Он вынужден был

признать: «История её жизни наполнена несобытийными делами и походит больше на басни; однако ж, по многократном увещевании, ничего она из всего ею сказанного не отменяет».

Может быть, «княжна Тараканова» и вправду слишком мало знала о своём происхождении, чтобы что-то намеренно скрывать. Но что перед нами: обрывочные и путаные, но подлинные детские впечатления (с поправкой на то, что барышни обычно плохо знают географию и степь на «персидской границе» могла располагаться на русской или польской Украине, на Дону или в Поволжье — везде могли говорить на языке, который, по словам самозванки, «походит на русский») — или её собственные фантазии либо измышления людей, придумавших для девушки легенду и выдававших её за знатную особу, имеющую отношение к русскому императорскому дому?

Признаемся, ответа у нас нет. Ясно, пожалуй, только одно: «принцесса» — кто бы она ни была — выросла в окружении иностранцев. Она не знала ни «родного» русского, ни польского языков. Напротив, она хорошо владела немецким, но писать предпочитала по-французски; Голицын отметил, что на этих двух языках «говорит она совершенно с чистым обоим произношением». Думается, нет также оснований связывать фамилию «претендентки» (уже говорилось, что та её никогда не носила) с генералом Таракановым, который будто бы в 1750-х годах служил на кавказской границе и мог взять на воспитание ребёнка императрицы³⁸. Генерал-майор Алексей Иванович Тараканов действительно был послан в Кизляр, но пробыл там всего несколько месяцев, до ноября 1742 года. После этого он «на персидских границах» не бывал — вначале служил в Москве

«у сочинения новых баталионов», потом получил отпуск на два года, а в 1750-х годах не состоял на действительной службе³⁹.

Уже находясь в тюрьме, самозванка в собственноручной записке привела «список лиц, которых, сколько помню, я видела в моём детстве». Но и эти данные никак не проясняли её историю. Завесу тайны своего рождения она едва ли не намеренно делает ещё более непроницаемой: «От меня таили всё, и я вовсе не старалась узнавать то, что для меня было совершенно бесполезно и, сверх того, мне никогда не говорили, кто я была; мне говорили тысячу сказок, которые не касаются ни до кого, потому что это сказки»⁴⁰.

Но затем она сама стала рассказывать настоящую восточную сказку. После долгого пребывания в непонятной ссылке, наконец, настал час освобождения. Нянька сговорилась с татаринном из ближайшего села, и однажды ночью они «ушли и шли четверы сутки пешком», пробираясь среди лесов и пустынь, пока жители одной из деревень не дали им лошадей, на которых беглецы «приехали в Багдад, город персидского владения». Правда, с 1638 по 1917 год Багдад находился во владении Османской империи, и едва ли принцесса не могла различить две ближневосточные державы. Но, впрочем, не будем слишком строги.

В Багдаде беглянки каким-то образом устроились: нашли «богатого персиянина, именем Гамет, к которому нянька её и пошла, и что она ему об ней сказывала, того она не знает; только после того вскоре Гамет, пришед к ней в домик, показывал знаками, что он ей очень рад, сожалел об её состоянии и потом тотчас взял её к себе в дом, в котором обходился с нею учтиво и содержал очень хорошо». Но лучшее —

враг хорошего, и «по некотором времени узнала она, что во оном доме имел убежище один персидский князь Гали, имевший большую власть и великое богатство в Испагане. Сей человек, вошед также в её состояние, обещал не оставить; почему и действительно, по прошествии года, когда он поехал в Испань, то её и с нянькою взял с собою».

Для девушки началась новая жизнь в Исфахане, тогдашней столице Ирана. Когда её покровитель Гали вынужден был на некоторое время отправиться в Ширван «для смотрения провинции», то оставил её на попечение новообращённого мусульманина Жана Фурнье, «которого предки природою были из Франции, а он, в Испагане поселяся от давнего времени, имел персидский закон, у которого она и жила». Возвращение благодетеля сопровождалось новым открытием: «Когда Гали возвратился в Испань, то тотчас взял её к себе в дом, и содержа её весьма отменно, почитал так, как знатную особу, тем более что он уверен был о настоящей её природе, сказывая ей неоднократно, что она дочь покойной государыни императрицы Елисаветы Петровны, что подтверждали не только живущие в его доме, но и приходящие к нему люди, а об отце её рассуждали различно: кто называл его Разумовским, а иные сказывали, что кто-нибудь иной, только имени сего последнего не упоминали».

Но чудеса только начинались. По рассказу «княжны» на следствии, персидский вельможа явил неслыханное благородство и «столь много ей благодетельствовал, что неоднократно ей отзывался, что он готов всё своё имение употребить в её пользу с тем, чтобы оно способствовать ей могло в том, дабы утвердить настоящую её природу. Но за что он делал ей такое благодеяние — она не знает». В 1769 году

(впервые в своих показаниях самозванка назвала точную дату) «происходившие в Персии беспокойствия не позволяли князю Гали тамо оставаться, то он, убегая всякой опасности, вознамерился, оттуда уехав, вояжировать в Европе и для того, в одно время, сделал ей предложение, хочет ли она ему последовать или, переменяв закон (то есть веру. — *И. К.*), остаться в Персии, где может быть великою госпожею».

На это предложение барышня ответила, что в ислам переходить не будет, а поехать в Европу согласна, «однако с тем, чтобы он не возил её в Россию, ибо она никогда ехать туда отнюдь не намерена для того, чтобы избежать всякой опасности, ибо, как ей известно, что содержана она была по указу императора Петра Третьего с великою строгостью ещё во младенчестве, то кольми паче должна была ожидать такого же жребия во своём возрасте, если б только узнали настоящую её природу». Благородный вельможа обещал красавице провезти её «безопасно чрез всю Россию, нигде не останавливаясь, так что никто её не узнает, почему она и положилась во всём на его благоразумие».

В том же 1769 году Елизавета (на этом имени она настаивала на допросах), по её словам, отправилась в путешествие с Востока на Запад через Россию, близкую ей и одновременно опасную для неё. Ехали скромно, без свиты, всего с двумя русскими слугами; в Астрахань её спутник прибыл «под именем персидского дворянина Крымова, а её называл своею дочерью»⁴¹.

Мог ли кто-либо в Тайной экспедиции поверить в эту сказку? Во всяком случае, дело «княжны» не содержит известий о том, что следователи подавали какие-то запросы в Коллегию иностранных дел — например, чтобы выяснить, кто такой «князь Гали»

или не проезжал ли некий персидский подданный со спутниками в 1769 году из Астрахани в Петербург, для чего необходимо было получить соответствующие документы.

Даже если принять на веру чудесную историю о превращении беглянки в знатную госпожу, идентифицировать вельможу Гали с какой-либо реальной фигурой весьма трудно. После убийства в 1747 году «грозы Вселенной» — шаха Ирана Надира — его государство распалось на куски; претенденты полтора десятка лет воевали друг с другом за опустевший престол, по очереди захватывая власть. В этой смуте медленно, но верно побеждал Керим-хан Зенд со своим кланом, членами которого были двоюродный брат Керим-хана Шейх Али-хан и ещё один его родственник, Али Мухаммед-хан. Оба поднимали мятеж против Керим-хана, но были прощены им⁴². Однако у нас нет оснований предполагать, что эти предводители полукочевых племён были в курсе дворцовых тайн Романовых и пригрели под своим крылом самозванку для дестабилизации ситуации в соседней державе.

Правда, иногда и в действительности бывают странные случаи: в огне усобиц сгинули Надир-шах и его династия Афшаров, но волею судьбы один из её представителей оказался в России. В 1762 году из Оренбурга был прислан в столицу вышедший «искиргис кайсацкого полону» и уже принявший крещение Василий Ильин, который оказался «персианином отродия афшарского», племянником Надира Мухаммедом Сафи Мамет Алиевым. Неожиданному гостю по его просьбе выдали паспорт и отправили на родину⁴³, но «спонсировать» залётного «принца Василия» никто не спешил. В случае же Елизаветы едва ли было возможно рационально объяснить фан-

тастический поворот судьбы никому не известной барышни, и уж тем более убедить в его реальности чиновников Тайной экспедиции Сената.

Однако даже в романах всё так удачно сразу не складывается. Несчастливая Аврелия, после долгих поисков всё-таки найденная неутомимым Алфонсом в соседнем Гранадском королевстве, которая при встрече «не может произнести ни слова перед своим молодым избавителем, спустя минуту упадает к ногам его, проливает источники слёз и говорит ему: “Ах! Я должна вам своею жизнью и знаю, что получила оную ценою вашей”», не хочет назвать герою своё имя и раскрыть тайну своего происхождения: «Прошу тебя, Алфонс, не принуждай меня сказать оное, потому сие сколько для вас, столько и для меня опасно. Останемся неизвестными в стране сей, будем помогать один другому и усладим участь нашу, которая для всех нас сделалась весьма печальною». Алфонс же, в отличие от информированного персидского «князя», не знает, кем на самом деле является полюбившаяся ему девушка, но только подзревает в ней августейшую особу: «Я по справедливости предчувствую, что она какая-нибудь принцесса крови королей наших»⁴⁴.

Героиня же нашего повествования внезапно оказалась, опять же по её словам, отпрыском российского императорского дома — правда, с туманными перспективами «утвердить настоящую её природу» с помощью персидского хана. В этом смысле не так уж важно, кем на самом деле была несчастная «побродяжка», подробности биографии которой скорее всего так и останутся неизвестными, где и при каких обстоятельствах она самостоятельно или по чужому внушению «всклепала» на себя имя якобы законной наследницы престола. Важно, что тем са-

мым она перешла в новое качество, что рано или поздно могло для неё плохо закончиться.

Конечно, дело здесь не в смехотворных правах самозванки на трон да и, честно говоря, вообще не в ней. Придуманную ею (или кем-то ещё) сказку, сохранившую закулисные интриги могущественных персон, аресты, ссылки и счастливые «восхождения» к престолу, уже давно разыгрывали на политических подмостках Москвы и Петербурга. Основатель могущественной империи своими руками заложил мину под безопасность своего потомства на троне.

Чехарда на троне

Одним из последствий петровских преобразований стал явный разрыв с прежними московскими нормами и обычаями в том, что касалось «имиджа» монарха. Пётр I путешествовал инкогнито за границей, демонстративно нарушал придворный этикет, владел далеко не «царскими» профессиями, в том числе токаря и мастера-корабеля, провозгласил себя главой церкви — «крайним судьей» духовной коллегии (Святейшего синода) — и развлекался в составе кошуновского «Всеппянейшего собора». Главный идеолог Петровских реформ, член Синода, епископ Феофан Прокопович обосновывал право государя изменять по своей воле культурно-бытовые нормы, включая «всякие обряды гражданские и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях и прочая». Следствием подобной установки стал и «Устав о наследии престола» 1722 года, отменявший давно сложившуюся, но нигде не закреплённую юридически традицию пе-

редачи власти по нисходящей линии — от отца к сыну.

Царь, понятно, хотел как лучше: чтобы законный, но негодный наследник уступил место достойному — и в этом смысле шёл до конца. Вместе с «Уставом» появился трактат того же Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей», призванный разъяснить подданным пользу нового порядка престолонаследия, и его автор доказывал необязательность самого принципа наследственной монархии. Государь, стоящий выше любого «человеческого закона», писал Феофан, в выборе наследника волен не принимать в расчёт даже само «сыновство» и сделать преемником любого «честного и умного юношу». Чем не сказочная история о добром молодце, получавшем в награду за подвиги царскую дочь и царство в придачу?

Однако сам император так и не воспользовался своим правом — то ли не успел это сделать перед кончиной, то ли умиравшему самодержцу не дали высказать свою волю. В результате вместо «пира на весь мир», которым обычно заканчиваются сказки, в стране начался длительный династический кризис. После смерти Петра все члены семьи Романовых имели права на престол — а за их спинами создавались «партии» приближённых, ориентировавшихся на тех или иных равно законных претендентов. С 1725 по 1762 год на российском престоле сменились семь императоров и императриц, чьё «восшествие» и правление сопровождалось большими и малыми дворцовыми «революциями». С лёгкой руки историка второй половины XIX века В. О. Ключевского за этим периодом прочно закрепилось название «эпоха дворцовых переворотов».

Придворные «верхи», а вслед за ними и гвардия быстро вошли во вкус дворцовых интриг. В начале

эпохи о власти спорили министры и представители генералитета, но в ноябре 1740 года гвардейский караул под командованием фельдмаршала Миниха выволок из дворца, закатав в одеяло, регента империи герцога Бирона, а через год уже простые гренадёры без всякого участия начальства арестовали законного императора Иоанна III Антоновича и его регентшу-мать и на руках внесли во дворец и посадили на царство дочь Петра I Елизавету.

Реакцией «снизу» на заговоры вельмож и гвардейских офицеров стало выдвижение самозванцев — XVIII век был на них весьма урожайным. Свергнутые или умершие императоры и их реальные и мифические дети постоянно «воскресали» в лице не только «народных вождей» вроде Пугачёва, но обычных мещан, разночинцев или военных. Механизм появления таких «претендентов» ещё не ясен: его трудно однозначно отнести как к (по терминологии Н. Я. Эйдельмана) «нижнему», народному самозванству, так и к «верхнему», свойственному правящему слою.

Списки «клиентов» Тайной канцелярии свидетельствуют о появлении при Елизавете целой группы «детей» Петра I. Кроме названного выше Дирикова, сидевшего в заточении в Иверском монастыре, «неисходно до смерти» размещались по монастырям объявивший себя в 1747 году сыном императора подпоручик гвардии Дмитрий Никитин и проходившие вместе с ним по ведомству Тайной канцелярии два «Петра Петровича*» — однодворец Аверьян Калдаев и канцелярист Михаил Васильев. В Калязинском Троицком Макарьеве монастыре был заключён «ца-

* У Петра I от второй жены Екатерины было шестеро сыновей — три Петра и три Павла, все они умерли в младенчестве. Младший из них, Пётр Петрович, скончался в 1719 году в возрасте трёх с половиной лет.

евич Александр Петрович» — канцелярист Василий Смагин⁴⁵. В 1755 году в Варшаве объявился ещё один «брат» императрицы Елизаветы Петровны и «крестник» французского короля Луи Петрович, которого русские дипломаты тщетно пытались заманить на российскую территорию⁴⁶. Периодически возникали слухи и о «живом» Петре II^{*47}.

К тому же «женское правление» порождало нежелательные проблемы, тем более что одним из следствий реформ стало устранение в умах подданных непроходимой разницы между положением «земного бога» и «рабов». Уже при грозной Анне Иоанновне в народе болтали про её связь с Эрнстом Иоганном Бироном. Казалось бы, государь постоянно на виду, однако обстоятельства семейной жизни императрицы Елизаветы, предполагаемой «матушки» самозванки, ещё более таинственны. Давно исчезли усадьба и дворец в тогдашнем подмосковном Перове; свою тайну хранит церковь Иконы Божией Матери Знамение, где, по преданию, состоялось венчание императрицы Елизаветы и Алексея Разумовского. Когда-то рядом с ней стоял созданный по проекту восходящей звезды российской «архитектуры» Бартоломео Франческо Растрелли нарядный усадебный дом на невысоком цоколе; к его центральному входу, выделенному портиком на шести колоннах, вели два широких расходящихся марша парадной лестницы, а по обеим сторонам затейливого фронтона располагались две группы амуров — символов любви. Между небольшими выступами по краям фасада размещались большие окна, наполнявшие залы светом.

* Старший внук и полный тёзка Петра Великого (1715—1730).

Здесь протекали счастливые дни императрицы и её избранника (по всей видимости, всё же не просто возлюбленного, а супруга), которому Елизавета подарила милые ей дворец и парк. Влюбчивая и капризная царица не успела ещё проникнуться собственными веку Просвещения рационализмом и снисхождением к слабостям и была по-дедовски набожна: всё же краткие «любы телесные» — это одно, а многолетнее «блудное» сожителство — совсем другое. Очень вероятно, что духовник государыни Фёдор Дубянский сам совершил брачный обряд в перовской церкви. Но окружение Елизаветы, посвящённое в тайну её личной жизни, умело молчать. Лишь через пять лет саксонский резидент И. Пецольд написал: «Все уже давно предполагали, а я теперь это знаю достоверно, что императрица несколько лет тому назад вступила в брак с обер-егермейстером».

Много лет спустя тайна чуть было не вышла наружу. После дворцового переворота, возведшего на престол Екатерину II, отставного фаворита посетил срочно прибывший из Петербурга канцлер М. И. Воронцов. Он прибыл к Алексею Григорьевичу, чтобы тот по просьбе новой императрицы подтвердил или опроверг слухи о его тайном браке с Елизаветой. Особенно это было важно для Григория Орлова, намеревавшегося стать мужем государыни. В ответ Разумовский задумался, а потом достал из шкатулки грамоту с печатями, дал её прочитать гостю — и бросил в горящий камин...

Конечно, содержание беседы екатерининского вельможи с елизаветинским фаворитом не было за протоколировано. Эта история известна только по рассказу представителя младшего поколения Разумовских. Фамильным преданиям полагается изображать предков великими и благородными. Таковым и

предстал Алексей Григорьевич — со слов А. К. Разумовского, пересказанных его зятем, известным министром Николая I С. С. Уваровым: благородный вельможа подтвердил подлинность своего брака с государыней — и тут же уничтожил драгоценный документ, чтобы не связывать руки нынешней императрице: «Я не был ничем более, как верным рабом ее величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих. Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов»⁴⁸.

Однако, кажется, никто, даже немец Бирон, в годы своего счастья не вызывал такой ненависти, как пробившийся «из грязи в князи» православный украинец Алексей Разумовский — бывший певчий, добродушный сибарит и далеко не худший из монарших фаворитов. Обласканный сказочной царской милостью казак хоть и бывал иногда буен во хмелю, но свою истинную роль понимал — в государственные дела не лез и чинами не кичился. Но чего только не приписывала ему завистливая молва — даже использование его матерью колдовства. Поручик Николай Крюковский в изрядном подпитии обвинял родительницу царского любимца: «Ведьма кривая, обворожила всемилостивейшую государыню». Арестант Муромской воеводской канцелярии Фёдор Бобков был уверен, что фаворит у самой благодетельницы велел «подпилить столбы» в спальне, чтобы её «задавить». «Колодница» Аксинья Исаева «с сущей простоты» полагала, что Разумовский хотел «утратить» наследника престола — будущего Петра III⁴⁹.

В доносе на капитан-поручика Василия Маркевича солдат Моисей Березинский в 1747 году описал, как господин офицер, валяясь на кровати и «за-

жмури́в глаза», мечтал: «...будем всех Разумовских бить», сам он представлял, как будет пороть кнутом брата фаворита — «графа молодого Кири́ла Григо́рьевича... за его излишнюю спесь и гордость». Елизавета лично рассматривала такие доносы, касавшиеся приближенного к ней семейства. Офицер запира́ться не стал и инкриминируемые ему обвинения подтвердил, «понеже редко случалось, чтоб когда он был трезв»; для окончательного отрезвления от опасных мыслей он был пострижен в монахи на Соловках⁵⁰. Степенный подпрапорщик Преображенского полка Иван Полозов в 1755 году был отправлен в серпуховский Влады́чный Введенский монастырь за высказанное недовольство, что «отставлен девкою, и оной бы девке не надлежало владеть армиею»⁵¹.

Рядовой личной охраны государыни, лейб-компанец Игна́тий Мере́нков, считавший себя ничем не хуже приятеля, гренадера Петра Лахова, по-дружески позавидовал ему: «...с ея императорским величеством живёт блудно»⁵². «Каких де от милостивой государыни, нашей сестры бляди, милостных указов ждатель?» — сомневались жёнка Арина Леонтьева и её подруги не слишком строгих нравов в сибирском Кузнецке⁵³. Про интимную жизнь государыни «с самой сущей простоты» сложили развесёлую песню:

Государыню холоп
Подымя ногу гребёт.

Её прямо в тюрьме при Сибирской губернской канцелярии, «сидя на нарах», распевал шестнадцатилетний молодец Ваня Носков, взятый по подходящему делу о «растлении» крестьянской девицы Степаниды Русановой⁵⁴. Подпоручик Иван Сечихин был сослан в Валдайский Иверский Богородицкий мо-

настырь на Новгородчине за публичное — на паперти Кремлёвского Благовещенского собора — осуждение личной жизни Елизаветы: «Какая она государыня — она курва, блятка, с Разумовским живёт». А в питерской богадельне ту же актуальную тему обсуждала одна из самых пожилых «клиенток» Тайной канцелярии — 102-летняя Марина Фёдорова. Даже на границе «польские мужики» Мартын Заборовский с товарищами могли себе позволить пожелать: «Кабы де ваша государыня была здесь, так бы де мы готовы с нею спать», — за что получили от российских служивых «в рожу»⁵⁵.

Придворный унтер-экипажмейстер Александр Ляпунов был уж совсем не снисходителен к слабостям императрицы: «Всемиловитейшая де государыня живет с Алексеем Григорьевичем Разумовским; она де блядь и российской престол приняла и клялася пред Богом, чтоб ей поступать в правде. А ныне де возлюбила дьячков и жаловала де их в Лейб-компанию в порутчики и в капитаны, а нас де, дворян, не возлюбила и с нами де совету не предложила. И Алексея де Григорьевича надлежит повесить, а государыню в ссылку сослать»⁵⁶. Схваченному болтуну не помогли попытки оправдаться «беспамятством», «пьянством» и болезнями — такой вредной «ипохондрией» государыня не прощала. Правда, по доброте души она не последовала совету начальника Тайной канцелярии А. И. Шувалова, предлагавшего наказать виновного кнутом с рваньем ноздрей и отправить в Сибирь, но всё же приказала поместить заблудшего в дальний монастырь — сначала в Вятский Успенский Трифонов, а затем в Кирилло-Белозерский, где он скончался в 1760 году. По иронии судьбы, остававшаяся в имении жена придворного моралиста родила в 1754 году дочку в «блудном гре-

хе» с дворовым человеком Алексеем Кузнецовым, о чём также было доложено в Тайную канцелярию.

Документов о браке Елизаветы и Разумовского никто не видел, и об их детях мы до сих пор ничего определённого утверждать не можем. Биограф Разумовских, любитель искусств, писатель и гофмейстер двора Александр Алексеевич Васильчиков доказывал, что потомства у императрицы с Разумовским не было. Появление мифической «Таракановой» он объяснял перелицовкой украинской фамилии Дараган, которую носили сестра фаворита и её дети*, отмеченные в камер-фурьерских журналах царского двора как «Дарагановы». Эти-то воспитывавшиеся при дворе отпрыски впоследствии обучались за границей в закрытом пансионе, что и вызвало появление толков о тайных детях русской императрицы, которые скрывались под фамилией *Tarakanoff*⁵⁷.

Зато у современников, кажется, сомнений не было; даже далёкие от дворца люди со знанием дела обсуждали детали интимной жизни своей государыни и количество её детей⁵⁸. Рождественской ночью 1742 года капитан-поручик Преображенского полка Григорий Тимирязев, возвращавшийся по Петербургскому тракту из отпуска с молодым солдатом Иваном Насоновым, после ужина во время разговора с попутчиком расчувствовался на предмет судеб дворянства: «Жалуют де тех, которые не токмо во

* Вера Григорьевна Разумовская вышла замуж за бунчукового товарища Ефима Дарагана, впоследствии киевского полковника. У них родились две дочери — Екатерина и Софья и три сына — Василий, Иван и Григорий. В начале царствования Екатерины II Василий Ефимович был уже камергером, а его младшие братья, записанные в Конную гвардию, находились «в науках» в Швейцарии вместе с другими племянниками Разумовского — Андреем и Григорием Закревскими. (Прим. авт.)

оной чин годились, но прежде бы де ко мне в холопы не годились. Возьми де это одно — Разумовской де был сукин сын, шкаляр местечка Казельца, ныне де какой великой человек. А всё де это ни што иное делает, кроме того, как одна любовь».

Бывалый гвардеец рассказал приятелю обо всех сердечных увлечениях государыни Елизаветы Петровны, начиная с «Аврамка арапа... которого де крестил государь император Петр Великой. Другова, Онтона Мануиловича Девиера, третьего де ездова (а имяни, отчества и прозвища ево не сказал); четвертова де Алексея Яковлевича Шубина; пятова де ныне любит Алексея Григорьевича Разумовского. Да эта де не довольно; я де знаю, что несколько и детей она родила, некоторых де и я знаю, которые и поныне где обретаются»⁵⁹. Как было не огорчаться офицеру: одним счастье, можно сказать, само в руки идёт и спальня царевны являет собой проходной двор к почёту и богатству, а у него, Тимирязева, начавшего службу рядовым в 1723 году, карьера не задалась — за 20 лет он стал только капитан-поручиком. Как было не позавидовать «сукину сыну» Разумовскому?

Скандалный поручик Ростовского полка Афанасий Кучин, разжалованный в солдаты, в 1747 году потребовал представить его императрице для объявления ей доношения по «первому пункту», то есть в «оскорблении величества». После долгих уговоров офицер пояснил: из надёжного источника ему стало известно, что «её императорское величество изволит находиться в прелюбодеянии с его высокографским сиятельством Алексеем Григорьевичем Разумовским; и будто он на естество надевал пузырь и тем де её императорское величество изволил довольствоваться», кажется, впервые отметив появившуюся при дворе новинку в области противозачаточных средств.

Можно только гадать, как бы реагировала впечатлительная Елизавета Петровна на такое признание бывшего офицера при личной встрече с ним, но сам подследственный держался непринуждённо: позволил себе выражать неудовольствие казённым питанием на две копейки в день и потребовал немедленно выдать незаконно задержанное жалованье, каковое и было ему выплачено в размере 48 рублей 73 копеек. Кучина держали под следствием несколько лет, но ничего не добились; отпустить же столь информированного и невоздержанного на язык подданного на свободу не представлялось возможным. И уж совсем немислимо было проверить справедливость его показаний, тем более что объявленный им информатор к тому времени скончался. В итоге сведения офицера были официально признаны ложными: «...тому ево, Кучина, показанию поверить и за истину принять невозможно, потому что, слыша... оные важные непристойные слова, долговременно... не доносил, да и доносить о том он, Кучин, стал не от доброжелания, но будучи уже... под караулом закованной в железах». За осведомленность в деликатном вопросе он был сослан «до кончины живота» в Иверский монастырь и заточён «под крепкий караул в особливом месте», а в 1763 году по приказу Екатерины II пострижен с распоряжением никуда не выпускать, кроме церкви⁶⁰.

В 1751 году в Тайную канцелярию угодила крестьянка Прасковья Митрофанова — за красочный рассказ о том, что «государыня матушка от господа Бога отступилась, что она живёт с Алексеем Григорьевичем Разумовским да уже и робёнка родила, да не одного, но и двух — вить у Разумовского и мать-та колдунья. Вот как государыня изволила ехать зимою из Гостилицкой мызы в Царское Село и как приехала

во дворец и прошла в покои, и стала незнаемо кому говорить: “Ах, я угорела, подать ко мне сюда истопника, который покои топил, я ево прикажу казнить!” И тогда одного истопника к ней, государыне, сыскали, который, пришед, ей, государыне, говорил: “Нет, матушка, всемилостивая государыня, ты, конечно, не угорела”, — и потом она, государыня, вскоре после того родила робёнка, и таперь один маленькой рождённый от государыни робёнок жив и живёт в Царском Селе у блинницы, а другой умер и весь оной маленькой, который живёт у блинницы, в неё, матушку всемилостивую государыню, а государыня называет того мальчика крёстным своим сыном, что будто бы она, государыня, того мальчика крестила и той блиннице много казны пожаловала»⁶¹. За этот рассказ Прасковья Митрофанова была наказана кнутом и отослана на житьё в Сибирь.

Простодушная болтовня крестьянки содержит не только легенду о матери-колдунье, которая приворожила императрицу, но и вполне реалистичные подробности дворцового обихода. К тому же именно доверенным слугам знатные персоны традиционно отдавали на воспитание своих незаконнорождённых детей. Так поступила и сама Екатерина, поручив заботам своего камердинера Фёдора Шкурина родившегося в 1762 году от Григория Орлова сына — будущего графа Алексея Бобринского.

Сборник дел Тайной канцелярии под названием «О лицах, суждённых за поступки и слова, которые делались и произносились в умопомешательстве», демонстрирует, что само таковое «умопомешательство» в России порой принимало отчетливо политический характер. Бывший кавалергард майор Сергей Владыкин в 1733 году составил письмо императрице, в котором называл её «тёткой», а себя «Божией

милостью Петром Третьим»; просил определить его в майоры гвардии и дать «полную мочь, кому голову отсечь». Магази́н-вахтер Адмиралтейства князь Дмитрий Мещерский поведал, что офицеры уговаривали его поближе познакомиться с принцессой Елизаветой: «Она таких хватов любит — так будешь Гришка Рострига»⁶².

Стоит ли этому удивляться? Повести Петровской эпохи рисуют образ нового русского шляхтича, который мог сделать карьеру, обрести богатство и повидать мир от «Гишпании» до Египта. Вот, к примеру, герой появившейся в кругу Елизаветы Петровны, в ту пору ещё царевны, «Гистории о некоем шляхетском сыне» в «горячности своего сердца» смел претендовать на взаимную любовь высокородной принцессы: «...понеже изредкая красота ваша меня подобно магнит железо влечёт». Далее герой переходил к решительным действиям: «...как к ней пришёл и влез с улицы во окно и легли спать на одной постеле...»⁶³ В этой дерзости не было ничего невозможного: в «эпоху дворцовых переворотов» литературный образ удачливого красавца стал реальностью. Ведь теперь от личных усилий таких кавалеров в значительной степени зависело их поощрение в виде чинов или «деревень», не связанное, как прежде, с «породой» и полагавшимся по ней «окладом».

Смелее стали и дамы. Современница Таракановой, вдова флотского капитана 1-го ранга Ивана Корсакова в марте 1779 года явилась во дворец за помощью, объявив остолбеневшему генерал-адъютанту Якову Брюсу, что она — не кто иная как дочь императрицы Елизаветы Петровны. На допросе у генерал-прокурора женщина показала, что якобы лишь воспитывалась у своего формального отца, капитана Василия Rogozинского, будучи отдана ему ка-

мергером Петром Борисовичем Шереметевым; «настоящая ж её мать покойная государыня императрица Елисавет Петровна, а отец её граф Алексей Григорьевич Разумовской». Покойная императрица будто бы в 1754 году «изволила объявить, что она подлинно её дочь и графа Разумовского», о чём хорошо известно и нынешней государыне, при этом «объявлении» присутствовавшей.

39-летняя вдова была скромна: на престол не претендовала, но слёзно жаловалась на своих родственников, которые с недавнего времени начали её преследовать, обокрали и даже похитили двух её дочерей. Спешно проведённое расследование показало, что после внезапной смерти мужа в 1770 году «полковница» впала в «несносную печаль»; её поведение становилось всё более странным: она раздавала собственные вещи, а дочерей хотела зарезать, отчего их пришлось у матери забрать. В былые времена не миновать бы несчастной вечного заточения в монастыре «под крепким караулом»; но теперь женщину высочайше велено было считать «повреждённой в уме». Состоявший при Тайной экспедиции поручик Яков Веденяпин доставил её не в каземат, а в Тверскую губернию под надзор родственников⁶⁴.

При таких «конъектурах» нельзя отрицать существование детей у Елизаветы и Разумовского — как и стремление родителей пристроить их, дать образование и обеспечить будущее. Во всяком случае, многие были уверены в их существовании. О наличии таковых указывал сын екатерининского фаворита граф М. А. Дмитриев-Мамонов в заметках на книгу Кастера. А. С. Пушкин 4 декабря 1833 года после разговора со старой двоюродной бабушкой жены, княгиней Н. К. Загряжской, сделал запись в дневнике: «У Елизаветы Петровны была одна побочная

дочь Будакова» (речь идёт о Прасковье Григорьевне Будаковой, в 1761 году вышедшей замуж за барона С. Н. Строганова. — *И. К.*⁶⁵). Собеседница поэта знала об этом от «прежних елисаветинских фрейлин». Сам император Николай I рассказывал Пушкину, что у Елизаветы Петровны было двое детей — «умерший ребёнком» сын и постригшаяся в монастыре дочь⁶⁶.

Но вот имела ли к ним отношение наша загадочная незнакомка? Честно говоря, это вызывает большие сомнения — слишком уж путаной выглядит рассказанная ею история. Трудно представить, чтобы дочь Петра и её супруг «сдали» своё дитя совершенно чужим людям и к тому же иноземцам, тем самым лишив дочь родного языка и отлучив от православной веры. Неутомимый собиратель сведений о частной жизни российских монархов К. Валишевский в XIX веке писал, что французские авторы насчитали у российской императрицы восемь детей, но относился к этому скептически, считая: хотя Елизавета не стеснялась своих отношений с Разумовским и «милостиво раскрывала обществу эту сторону своей интимной жизни, но никогда не обладала материнскими чувствами»⁶⁷. Ещё более странными выглядят последующие приключения «принцессы» на диких окраинах империи и скитания по Азии и Европе — при живом отце, который до самой смерти в 1771 году находился в чести и жестокосердием не отличался, тем более если учесть, что в 1763 году императрица Екатерина разрешила выдать ему из банка «заимообразно 80 тысяч рублёв на два года без процентов» и выполняла другие его просьбы⁶⁸. Можно вспомнить, что незаконнорождённый сын самой Екатерины II, Алексей Бобринский, получил достойное образование и без каких-либо осложнений вошёл в ряды российской знати.

Глава вторая
ЯВЛЕНИЕ «ПРИНЦЕССЫ»

*Всё прошлое её — сплошная
цепь нелестных походов.*

И. В. Шпажинский.
Самозванка (княжна
Тараканова)

Европейские странствия — в романе...

Вернёмся, однако, к нашим героям — жившим в XVIII столетии и литературным. По закону жанра, для последних должны начаться странствия с неизбежными приключениями. После чувствительного свидания романый Алфонс решил вернуться в отечество и «возбудить всех людей отмстить» злодеям, причинившим его даме сердца «столько несчастий». Он решительно берётся за дело борьбы с маврами, «дыша против них бешенством, бегает по всем местам, в которых спрятались жители, не могли работать и спасаясь насилия, и там увещевает их ободриться и соединиться против гонящих их мавров. “Ступайте, любезные товарищи, — говорил он, — ступайте, смотрите на их жестокость и бешенство”. Говоря таким образом, он повёл их к своему несчастному дому, где все родственники, находясь ещё не погребены, в самом жалостном виде представляли зверство, оказанное ими злодеями».

Люди не поверили в победу и восстановление законной королевской власти. «Всё войско, им собранное, сказала с печальным видом: “Ах! Что ты говоришь нам... Нет уже никого на свете из сего славного и доброго поколения”. — “Обманываетесь, — сказал им Алфонс, — королева наша не в плену и не убита, она жива ещё; сего для вас довольно — сразимся за неё!” По сих словах печаль уступила место мужеству. Сие множество крестьян клянутся или победить или умереть; они клянутся побить сих столь жестоких людей; просят предводителем себе Алфонса, хотят увеличить число своё и отправляются в дорогу. В самом деле почти все деревни взбунтовались, и весь народ сей, обладаем будучи гневом, негодованием и храбростию, принимается за своё победоносное оружие».

Это войско герой повёл на освобождение столицы от мавров. «Ему повинуются, но в то же самое время он взят в плен, а всё его войско разогнано». Враги уже собирались отрубить Алфонсу голову, но «при сём виде крестьяне вдруг бросились на мавров, вырвали у них Алфонса, получившего уже опасную рану в самое то время, когда хотели освободить его. И причинили великий беспорядок и кровопролитие. Алфонс, хотя и тяжело был ранен, но будучи обладаем гневом и яростию, везде предводительствовал. Неприятели, потерявши половину людей своих, отступили в великом беспорядке». После победы «все те места наполнились радостным криком, и граждане требовали, чтоб он показал остаток королевской фамилии». Алфонс сказал им, «будучи в великой радости: “Чтоб всё было спокойно, а я пойду и вскоре покажу вам отрасль ваших государей”. Сей бедной молодой человек был на верху своей радости, он думал, что уже всё исправил, и видя всех, великое участие в Аврелии

принимающих, не сомневался, чтоб её не приняли с удовольствием и не объявили своею государынею».

Бедную скрывавшуюся принцессу со спутницей — матерью героя надо было найти и представить народу. Алфонс пешком отправляется в соседнее Гранадское королевство на поиски; «он бегаёт по пустыням, по горам, крича в сих безмолвных местах из всех сил своих и призывая двух весьма для него любезных женщин. Но они не показываются; он почитает их мёртвыми или... он не знал уже, что и думать, но один пастух уведомил его об их участи: “Сии две женщины, — сказал он ему, — захвачены по повелению нашего короля; и незадолго до взятия их прибыло сюда множество курьеров из Леона, которые, кажется, привезли письма, до сих женщин касающиеся. Я думаю, однако ж, что мать сия находится при нашем дворе. И носится ещё слух, что дочь полюбила нашего наследного принцу и назначена ему супругою”».

Алфонс был в растерянности: то ли ему возвращаться за войском, чтобы силой «требовать Аврелию», то ли самому «узнать, как поступают с любезными для него особами». В итоге он рискнул проникнуть в Гранаду, «наблюдая всегда благоразумную осторожность». На заднем дворе королевского дворца увидел он свою любимую — и с огорчением услышал, что мавры предлагают гранадскому королю выдать Аврелию замуж за его сына и таким образом завладеть Леонским государством. Алфонс, поражённый этим известием, «с превеликой скоростью из сих мест уходит и удаляется в самую скрытную и отдалённую пустыню»⁶⁹.

Реальной «принцессе» также предстояло путешествие — менее опасное, но не менее захватывающее. Как упоминалось выше, в 1769 году «спонсор» де-

вушки, по её словам, предложил ей совершить поездку в Европу через территорию России. Елизавета под видом дочери вояжёра благополучно проследовала со своим покровителем до Астрахани. «Тамо были они не более как дни два, а оттуда, переодев её в мужское платье, поехали в Россию чрез разные города, в которых Гали останавливающим их показывал бумаги, о коих она думает, что это был пашпорт, а откуда он его получил, она не знает. По приезде в Петербург ночевали они только одну ночь в неизвестном ей доме, а может быть, это было и в трактире. Из Петербурга поехали они в Ригу, а оттуда в Кёнигсберг, в котором жили шесть недель...»

С прусского Кёнигсберга начиналась Европа. Странствующий персидский князь посетил сначала Берлин, а затем Лондон. Там он якобы получил известия, которые потребовали его немедленного возвращения, и отбыл на родину. Но, поскольку «сей человек богатейший был в Персии, и как в Индии, Китае, так и в разных местах, чрез купцов, интересован был в коммерции, торги его столь обширны, что у него было кораблей до шестидесяти», то «при отъезде своём из Лондона оставил он ей драгоценных камней, золота в слитках и наличными деньгами великое число, так что она сама не только делала большие издержки, но и за других платила по сту тысяч гульденов долгу». По отъезде своего благодетеля барышня пребывала в Англии пять месяцев. «...а потом вздумалось ей ехать во Францию, где жила она около двух лет, называясь так, как и в Англии, персидскою принцессою Гали. В сие время была она в разных городах и селениях сего королевства и имела знакомство с людьми знатными, от коих принимана она очень хорошо; иногда некоторые ей выговаривали, что хотя она и скрывает настоящую свою

природу, однако же они знают, что она российская принцесса, дочь покойной императрицы Елисавет Петровны, но она от того отрекалась».

Из Франции «принцесса Гали» перебралась в Германию с серьёзными намерениями — «чтобы в Голштинии или в другом месте купить себе землю и жить тамо спокойно». Здесь её и встретил прекрасный принц — его сиятельство владетельный граф Лимбург-Штирумский, который не только предложил барышне жить в его землях, но и «сделал ей чрез своих советников формальное предложение о своём намерении, что он желает её взять за себя».

Казалось, о чём ещё могла мечтать барышня-содержанка? Однако наша героиня, как благородная особа, не могла побежать под венец, «не зная ничего подлинно о своей породе». Прояснить этот вопрос можно было только в России, но, по мнению Елизаветы, явиться туда следовало только с серьёзными деловыми предложениями. А потому она «думала, чтобы, приехав сюда, предстать к её величеству и сделать достаточные объяснения в пользу российской коммерции касательно до Персии, потому что она, по долговременной её там бытности, обо всём сведение имеет, чему она, живучи у лимбургского князя, сделала свои примечания и план, который и послан был, при письме от князя, к здешнему вице-канцлеру, чрез находящегося в Берлине российского министра». То есть, говоря современным языком, она желала предстать перед русскими вельможами в качестве эксперта по иранской экономической конъюнктуре и представить нечто вроде бизнес-плана освоения тамошнего рынка, рассчитывая получить в благодарность «приличное название (титул. — *И. К.*), по которому бы она могла выдти за князя Лимбургского».

«Принцесса Гали» уже собралась было отправиться в Россию и даже получила от жениха «полную мочь», «которая также находится между её бумагами, с тем, чтобы ей ходатайствовать по претензии его, в рассуждении княжества Шлезвиг-Голштинского». Но тут подоспело известие «о размене одного княжества на Ольденбург и Дельменгорст, почему не оставалось ему надежды получить удовольствие по своей претензии». Да и сам князь вначале отправился по делам в Аугсбург, а возвратившись, объяснил, что сильно нуждается в деньгах, поскольку должен рассчитаться по долгам.

События, о которых идёт речь в этих показаниях самозванки, можно соотнести с известными историческими фактами и, соответственно, датировать. 21 мая (1 июня) 1773 года наследник российского престола Павел Петрович подписал в Царском Селе договор с Данией, торжественно подтверждавший достигнутое ещё в 1767 году соглашение: великий князь отказывался от наследственных прав на Голштинию в пользу датского короля Христиана VII, а вместо этого получал право наследования графств Ольденбург и Дельменгорст, переданных младшей ветви Гольштейн-Готторпского герцогского дома в лице любекского епископа Фридриха Августа. По условиям договора в конце 1773 года был произведён формальный обмен владений.

Граф фон Лимбург-Штирум оспаривал у Павла Петровича наследственные права на Голштинию, но, естественно, после достижения двумя державами соглашения остался ни с чем. Елизавета же немедленно решила выручить жениха и, «имея кредит в Персии, — ибо князь Гали, при отъезде своём из Лондона, в том её обнадежил, — надеялась деньги

занять в Венеции, куда она, взяв с собою двух женщин и одного полковника, барона Кнора, чрез Тироль и приехала под именем графини Пимберг, и, зная по газетам, что князь Радзивилл тамо находится, послала к нему билет, чтобы он назначил место, где с нею видеться, думая, что как он поедет в Константинополь, то бы послать с ним кого-нибудь из своих людей через Турцию в Персию». Правда, вскоре, усмотрев в польском вельможе «человека недалекого разума», она передумала — решила «ехать с ним самой до Константинополя, чтобы оттуда продолжать путь свой в Персию».

Молодая особа на венецианском судне совершила вояж в Рагузу (нынешний Дубровник). Оттуда она направила одного из своих спутников-поляков в Венецию «с полною от себя мочью, для негоцирования о деньгах», а сама долго — целых пять месяцев — ожидала «турецкого пашпорта». Вдруг, по её словам, «получила она из Венеции, чрез нарочного, 8 июля прошлого 1774 года, пакет с письмами, между коими было одно без имени и без числа такого содержания: усильнейшим образом просили её, чтоб она поехала в Константинополь и что там спасёт она жизнь многих людей; чтоб она, приехав туда, предстала прямо в сераль пред султана ж, вручила ему пакет, приложенный при оном письме, а другой пакет, тут же приложенный, отослала бы она с нарочным к графу Алексею Орлову в Ливорно, который она, распечатав, сняла с находящихся в оном писем копии и, запечатав оный своею печатью, к нему отослала; а пакет султанский оставила у себя, равным образом распечатала и, в рассуждении содержания включённых в оном писем, отменила свою поездку в Константинополь».

Отвлечёмся на некоторое время от рассказа прелестной барышни. На страницах её показаний — сюжет, который достоин не одного, а нескольких авантюрно-любовных произведений. Правда, сама допрашиваемая отнюдь не стремилась представить себя роковой женщиной и тем более авантюристкой — скорее, она хотела выглядеть добропорядочной леди, цель которой — обретение (путём делового сотрудничества с российскими властями на коммерческой почве) достойного положения в обществе и заключение законного брака с безденежным, но всё же настоящим германским владельческим князем мелкого немецкого государства. Для достижения этой цели якобы и было намечено путешествие сначала в Россию — получить титул, а затем в Венецию и Турцию — добыть деньги для будущего супруга.

Однако в рассказе Елизаветы промежуток между её появлением в Европе в 1769 году и подробно описанными событиями 1773—1774 годов занимает совсем немного места и посвящён исключительно знакомству с Филиппом Фердинандом Лимбург-Штирумским. О прочем она предпочла умолчать. Упоминание в показаниях ждавшего её в Персии богатства — золота, драгоценных камней и «великого числа» денег, — больше смахивавшее на эпизод восточной сказки, скорее всего, явилось всего лишь результатом мечтаний бедной, но весьма предприимчивой девушки. На деле прекрасная путешественница вовсе не была богата, а история её странствий — совсем не так красива.

О местах пребывания, образе жизни и занятиях девушки до начала 1770-х годов точных известий

нет — все её бумаги относятся ко времени не ранее 1772 года. Из них следует, что примерно в 1770 году она находилась в Берлине под именем девицы Франк, но вынуждена была срочно покинуть прусскую столицу. В 1771 году она оказалась в Генте — уже как девица Шелль. Здесь она встретила и покорила сердце молодого, но женатого купца Ван Турса. Жизнь на широкую ногу, которую вели любовники, быстро ввела негоцианта в долги; чтобы не отдавать их, парочка вовремя ускользнула из города.

В том же году, когда исчезла девица Шелль, в Лондоне объявилась молодая госпожа де Тремуйль с тем же голландцем Ван Турсом. Купец помог своей даме получить кредит у лондонских банкиров, но красивая жизнь закончилась, как только Ван Турса разыскали кредиторы. Он бежал во Францию, а его спутница познакомилась с неким бароном Шенком и жила с ним, пока у него имелись деньги. Скоро капитал барона иссяк, и парочка в начале 1772 года перебралась в Париж, где к ним присоединился Ван Турс, скрывавшийся под звучным именем барона Эмбса. Откуда-то взялись и средства, на которые бароны сняли для своей содержанки дом, обеспечили ей обстановку и выезд.

Прибывшая во Францию дама — восточная красавица Али Эмете, она же *princesse de Voldomir*, быстро обзавелась связями в свете — её друзьями стали маркиз де Марин и находившийся в эмиграции литовский великий гетман Михал Казимир Огиньский. Последний одно время даже претендовал на польский престол, но шляхтой в 1764 году был избран его соперник Станислав Понятовский. В 1768 году в украинском городе Баре образовалась Барская конфедерация — союз польского дворянства, направленный против короля и стоявшей за его спиной

России. Конфедераты выступали за сохранение привилегий католической церкви и шляхетских вольностей, против реформ государственного устройства Речи Посполитой и законодательного провозглашения равенства политических прав шляхтичей православного, протестантского и католического вероисповеданий. Повстанцы при поддержке Франции начали борьбу с королём и оказывали вооружённое сопротивление введённым на польскую территорию российским войскам.

Гетман долго колебался, прежде чем в 1771 году издал манифест о вступлении в конфедерацию. Однако любитель искусства и талантливый музыкант оказался плохим командиром. В бою под Столовицами в сентябре того же года войско Огиньского было разгромлено небольшим отрядом генерал-майора А. В. Суворова. Пока гетман развлекался, русские солдаты лихой атакой ворвались в местечко. «Застигнутый среди ночи 700-ми русских, он имел в своем распоряжении 2500 человек. Полковник Беляк настаивал, чтобы послать его вперёд для того, чтобы избежать неожиданного нападения, но Огиньский не послушался его совета, поставил всё и всё потерял. Если бы не мужественная оборона двадцати человек, которые стерегли его дом, он был бы пойман в кровати со своей любезной госпожой *d'Assert*. Он едва успел выскочить чрез окно. Девица же попала в руки русских, которые вырезали всех солдат, секретарей, ксендзов, слуг, всё, что не могло спастись. Канцелярия, касса потеряны. Великий гетман скрылся в Пруссию», — докладывал саксонский посланник в Варшаве Эссен⁷⁰.

Огиньский объяснил своё поражение изменой и трусостью подчинённых и объявил, что не теряет мужества и желания помочь угнетённому отечеству:

«Всюду я ношу это чувство с собой и, может быть, наступит время, когда Провидение выслушает мои желания», — после чего отбыл в Париж. Там он и познакомился с очаровательной дамой с Востока. Она явно интересовалась громким именем польского вельможи, и Огиньский не остался равнодушным к её прихотливой судьбе и всепобеждающим чарам. В адресованном ей письме он восхищался честным сердцем «особы из Азии» и выполнением ею «божественного дела» как благодетельницы ближних, в сравнении с которой «вся Европа, к своему стыду, не могла бы произвести подобной личности».

Знакомство «княжны» с Огиньским перешло в любовную привязанность — похоже, платоническую. Чувствительный гетман писал своей избраннице эпистолы, наполненные вздохами и комплиментами. «Печально, — говорит он в одной записке, — сколько мы теряем, принуждённые разговаривать при помощи писем, вместо того чтобы восхищаться личной беседой. Будемте, однако, благословлять и вместе с тем проклянем Великое Божество — стечение обстоятельств, потому что только это нам остаётся сделать. Что же касается меня... то я не могу его проклинать в настоящую минуту, так как оно вплетает моё счастье и благополучие в вашу дружбу и знакомство, развивает в вас и во мне симпатию и пробуждает, наконец, надежду во многих моих делах».

«День, в который вы меня поздравили, ваше сиятельство, является в моём воображении днём счастья, гармонирующего со всей природой. Вы, со свойствами вашей души, должны быть их распределительницей!» — так звучало ещё одно послание той же адресатке. В третьем он признавал, что «сердечные чувства действуют так же, как шлюз, удерживающий воду. Он её удерживает некоторое время, но если уже открыт,

то пропускает поток, который трудно удержать. Поистине, всё на свете составило против нас заговор, но это временно, и в этом единственное утешение»⁷¹.

Как воспринимала этот поток фраз красавица с восточным именем Али Эмете, неизвестно, тем более что лишённый всех своих владений поклонник едва ли представлял для неё интерес в финансовом отношении. Скорее всего, она рассказывала беглому гетману уже знакомую нам сказку о персидских сокровищах своего загадочного покровителя и даже обещала помощь. Это можно предполагать не только исходя из знания характера «княжны» и излюбленных приёмов, которые она пускала в ход, чтобы заставить очередную жертву пасть к её ногам. В одном из посланий Огиньский учтиво и с изяществом благодарит красавицу за поддержку, полученную, правда, только на словах: «Что бы вы, ваше сиятельство, думали обо мне, если бы я не был к вам привязан после раскрытия предо мной перспективы счастья, которое вы желаете сделать мне кредитом у вашего дяди?» Однако перспективы так и не раскрылись — «особа из Азии» сама была вынуждена покинуть Париж, спасаясь от кредиторов. На прощание она всё же воспользовалась любезностью Огиньского — выпросила у него для Ван Турса диплом на звание капитана литовских войск, в который и вписала имя приятеля — «барон Эмбс».

Впрочем, честной компании это особо не помогло. «Принцесса» переехала во Франкфурт-на-Майне, где её со свитой вскоре выселили из гостиницы, а Ван Турс угодил в тюрьму. Но тут, на счастье авантюристки, появился граф Филипп Фердинанд, которому о знатной восточной даме поведал его гофмаршал граф Рошфор де Валькур, влюбившийся в неё ещё в Париже.

Бегти из Оберштейна, или Лимбургские страсти

Его сиятельство Филипп Фердинанд де Лимбург (1734—1794), Божией милостью герцог Шлезвиг-Гольштейна (каковой ему не принадлежал, но на который он имел претензии), Стормарена и Дитмарена, владелец Фризии и Вагрии, граф Лимбург-Штирума, Гольштейн-Шаумбурга и Пиннеберга, Брокгорста, Штернберга, сеньор Виша, Боркелоз, Гемена, Оберштейна и Вилхермсдорфа и великий магистр Ордена древнего дворянства, жил, как и подобало владетельному немецкому князю. В его крохотном государстве были свой двор, армия и послы в Париже и Вене. Сам граф занимался политикой: судился с Пруссией за драку своих подданных с прусским офицером, то есть за оскорбление суверенитета, предъявлял права на Голштинию, а также за умеренную плату раздавал награды — ордена «Голштинско-Лимбургского льва» и «Четырёх императоров и древнего дворянства». Одной из главных целей князя было прибрать к рукам Оберштейн, который он вынужден был делить с курфюрстом Трирским, но для выкупа у него никогда не хватало денег.

И тут судьба послала ему очаровательную Али Эмете. Её красота и романтическая история подействовали неотразимо: граф заплатил все её долги и поселил в одном из своих замков. Знакомство князя Лимбургского с «княжной Волдомир» (в литературе переименованной во Владимирскую) перешло в любовную связь. Барышня разорвала помолвку с графом Рошфором, а Филипп Фердинанд от греха подалше отправил предшественника в тюрьму по обвинению в государственной измене.

Она же, теперь именовавшая себя Элеонорой, а заодно «владетельницей Азова», временно находящегося под управлением Российской империи, обещала своему новому поклоннику золотые горы, ждущие её в Персии, чтобы он мог выкупить желанный Оберштейн, который она, кстати, просила уступить ей вместе с титулом оберштейнской графини. Согласиться на такую комбинацию Филипп Фердинанд был не готов, но и жить без обожаемой им принцессы уже не мог. Для влюблённого графа она была «любимым ребёнком», «божественной Бетти» или «маленькой Али», а он — её «верным рабом».

Подобно Филиппу Фердинанду, романтический Алфонс стремился соединить с прекрасной Аврелией свою судьбу. По закону жанра, на этом пути героев обязательно должны подстерегать неодолимые, казалось бы, препятствия. Оставив возлюбленную в Гранаде, герой возвратился в отечество и «нашёл оное в великом беспорядке; королевство опять разделилось на многие части; простой народ, будучи обманут, начинал уже терять мужество, и весьма мало осталось таких, которые, держась Алфонсовой стороны, ожидали молодую государыню». Герой обратился к народу с пламенной речью: «Сия моя государыня жива ещё, она в Гранаде, я её видел; она не хочет идти замуж за тамошнего принца и желает лучше умереть, нежели на оное согласиться».

Не имея возможности одновременно спасти любимую и обезопасить отечество от козней гранадцев и мавров, Алфонс призвал для начала истребить последних. Призыв возымел действие: «...после сего столь живого изображения всех объял ужас; они тотчас хотят освободить из невольничества Аврелию и, кроме сего, ничему не внимают. Весь Леон оплакивает сию государыню, весь Леон желает её видеть

и просит небо, чтоб сохранило дни её». Вскоре войско леонцев уже маршировало к границе.

Между тем юной принцессе грозила страшная опасность. Гранадский король поставил ей ультиматум: брак с его сыном — или «неволя». К тому же он, желая избавиться от дерзкого предводителя леонцев, пытался погубить того руками самой девушки: «...чтоб я ввергла его в расставленные ему сети и отравила при его глазах собственными моими руками». Благородная принцесса отвергла такое коварство, и король уже собирался отдать строптивницу маврам — но тут узнал, что его собственная дочь для спасения пленницы благородно сдалась в плен леонцам и просила обменять её на Аврелию. Гранадский владыка согласился на это предложение. Но так быстро мытарства героев завершиться не могли — сын короля по подстрекательству подлых мавров увёз леонскую принцессу в неизвестном направлении, и несчастный Алфонс должен снова её разыскивать⁷².

Героиня реальной интриги, наоборот, была доступной во всех отношениях — но трудности возлюбленному создавала сама. Восточная «принцесса» внезапно сообщила его сиятельству пренеприятную новость: богатый родственник требует её немедленного возвращения в Персию, чтобы выдать замуж за нелюбимого. На прощание безутешная красавица обещала графу прислать кучу денег на покрытие его долгов и выкуп Оберштейна. Филипп Фердинанд потерял голову — сделал предмету своей страсти предложение, был готов ради неё отказаться от престола и, как настоящий рыцарь, собирался отправиться за возлюбленной на Восток, чтобы охранять её от всех покушений.

Это было совершенно излишне — красавица и так немедленно согласилась на брак. Но возникли дру-

гие препятствия. Друзья и советники стали объяснять влюблённому графу нелепость его поведения. Услышав от графа рассказ о его матримониальных планах, его родственник князь Гогенлоэ подумал, что речь идёт о сюжете какого-то романа. «Когда же я настаивал на своём, — признался Филипп Фердинанд владычице своего сердца, — он назвал меня влюбчивым дураком, который нашёл себе в Азии героиню, убегая от любви в Европе. Я был вынужден познакомить его с частью скандальных историй во Франкфурте, чем он был так разозлён, что я не мог воспользоваться случаем, чтобы убедить его в правде».

Упрёки родственника ещё можно было вытерпеть. Князь был согласен оставаться «влюбчивым дураком», но непременно безупречной «породы». А потому он просил представить документы о происхождении «княжны Волдомир». В ответ «принцесса» объявила, что никогда не покинет своего рыцаря, а от «дяди» (опекуна) будет требовать нужные бумаги. Документы, однако, всё не приходили. А тут ещё граф, как искренний католик, вознамерился вернуть невесту в лоно истинной веры. «Принцесса» считала себя православной, что не мешало ей посещать в Оберштейне протестантскую кирху и одновременно уверять министра трирского курфюрста Горенштейна в том, что она прилежно изучает догматы римско-католического учения. Лимбург советовал прекрасной даме довериться Провидению. «Дал на обедню и сам читал молитвы, — писал он «княжне», — чтобы Бог вас благословил, освятил и смягчил то сердце, которое ищет только темноты и любит пребывать в пустоте и злобе».

«Принцесса» же менять веру не торопилась и предложила отложить заключение брака до окончания

Русско-турецкой войны*, потому что тогда российская императрица якобы должна будет признать её права на никому не известное «княжество Волдомир». Она благородно освободила графа от всех обязательств и даже обещала отдать ему свои владения в управление. В то же время она сумела обаять и другого владельца Оберштейна — трирского курфюрста-архиепископа Клеменса Венцеля, который также надеялся обратить заблудшую душу в католичество и иногда подкидывал «владетельнице Азова» небольшие субсидии. От «наследницы древнего рода Волдомир» он узнавал подробности её судьбы: её владения были якобы секвестрованы (реквизированы) российскими властями на 20 лет, а сама она увезена к дяде в Персию, а теперь вынуждена странствовать по Европе. «Прошу господина, — прибавляла она, — утвердить князя в его начинаниях и уверить его, что я не могу изменить».

Самому же поклоннику — чтобы не очень заносился — она отправила копию письма, якобы посланного ею российскому вице-канцлеру князю А. М. Голицыну. В нём «княжна Волдомир» писала о желании разделить с Филиппом Фердинандом свою судьбу, возмущалась сплетнями о её долгах и похождениях, заверяла в привязанности к императрице и заботе о благе России и выражала готовность немедленно прибыть в Петербург. К посланию был приложен обещанный «мемориал» о коммерции — состоящее из общих слов сочинение о торговле Венеции и о необходимости для России обеспечить свои экономические интересы в Азии и «Черкесском крае».

Одновременно она поддерживала переписку с Огиньским, который безуспешно пытался попра-

* Речь идёт о Русско-турецкой войне 1768—1774 годов.

вить своё плачевное финансовое положение займом. «Княжна» — теперь *Elisabeth de Voldomir* — сообщала о своей жизни в прекрасном замке немецкого князя, хотя уверяла гетмана, что мысленно всегда пребывает с ним. Она и ему обещала свою помощь. Огиньский уже не знал, верить ли сказкам о персидских богатствах. «Ваши поступки, — писал он, — трогают меня до глубины души, и хотя бы даже их исполнение не совершилось, признателен вам даже за образ мыслей до конца моей жизни. Вы мне жертвуете очень значительную сумму в своём письме, не знаю, не ошибка ли это? Она доходит до громадной суммы полутора миллионов флоринов, чего с излишком хватит на мои потребности, вызванные разорением после моего благосостояния, за которое я только благодарен Провидению». Впрочем, «княжна» и здесь не забывала о политике — она выслала «мемориал» о польских делах с просьбой вручить его версальскому двору, что гетман справедливо счёл абсолютно бесполезным.

Несчастный Филипп Фердинанд искренне страдал. «...Я не могу ничего сказать вам о наших делах, разве что я выбиваюсь из сил, чтобы их поправить и изыскать средства, дабы не выставить вас вновь на посмешище завистникам. Моя любовь к вам, моё дорогое дитя, с каждым днём становится всё больше, несмотря на всё то зло, что вы мне причинили; я умираю от горя, когда на меня находят мысли о том, что разум мог бы этому воспротивиться; постарайтесь же вы, воплощение мудрости, это исправить», — писал граф возлюбленной из Франкфурта 10 сентября 1773 года. Он то грозился сам уйти от греха в монастырь, то требовал от неё немедленно креститься. Ни документов, ни денег из далёкой Персии не приходило, и сильно потратившийся граф в

конце концов — и, очевидно, не без влияния более трезво смотревших на его роман советников — объявил, что вынужден расстаться с любовницей навеки. Но тут она использовала другой приём из своего богатого арсенала: гордая «принцесса» мгновенно превратилась в бедную и несчастную девушку, призналась в долгах и грехах прошлых лет и объявила себя беременной. Приём сработал: граф, не ожидавший такого поворота, поклялся в верности ей и даже пожаловал особым дипломом со своим титулом и печатью крохотное владение Оберштейн⁷³.

Кажется, Филипп Фердинанд уверовал в высокое происхождение и политические возможности дамы сердца — особенно после того, как до него дошли слухи, что она — внучка российского императора Петра I. Сейчас уже трудно установить, стал ли инициатором этого «открытия» влюблённый шляхтич Доманский, инкогнито посещавший даму в Оберштейне (на следствии он показывал, что ещё в Польше слышал рассказ о детях императрицы Елизаветы от русских офицеров), или оно родилось в окружении самой Али Эмете — Элеоноры, чтобы таким образом подправить её сомнительную репутацию и подтолкнуть графа Лимбурга к браку.

Сам же Филипп Фердинанд как будто не возражал против такого поворота дела и даже содействовал распространению слуха. «Много было говорено об 65, и я сильно удивился, когда 57 сразу мне сказал, что, по всей видимости, 65 — дочь покойной 4 и казачьего гетмана; что 45 хвалебно отзывался об её поведении, и все умирают от желания познакомиться с этим шедевром», — с заговорщическим видом сообщал он новости даме своего сердца в зашифрованном письме, в котором под цифрой 65 скрывалась она сама, под цифрой 57 подразумевался некий

Бартенштейн, цифра 45 обозначала лейтенанта французской королевской полиции Сартина, а цифра 4 — российскую императрицу Елизавету»⁷⁴.

В декабре 1773 года граф наделил её официальными полномочиями для переговоров с российским вице-канцлером по поводу претензий на крохотное графство Гольштейн-Пиннеберг, которое по договору с Данией отходило к Ольденбургскому дому. В бумаге после титула *madame la princesse* было оставлено пустое место, чтобы она могла вставить нужную ей фамилию. В том же 1773 году наша героиня стала именовать себя Елизаветой...

Переговоры, конечно, так и не начались, да и роман с упрямым графом Лимбургским подходил к концу. В марте 1774 года «принцесса» в письме сообщила поклоннику, что её планы поменялись и теперь она надеется играть важную политическую роль в судьбе поляков и Польши. Филипп Фердинанд в письмах осыпал любовницу упрёками: ведёт себя безрассудно, мало того что разоряет его, но к тому же опять впутывается в какие-то политические интриги. Граф даже впервые намекнул ей, что пора и честь знать — при дальнейшем участии в сомнительных авантюрах ей, возможно, придётся покинуть Оберштейн⁷⁵.

Но человек слаб — как только граф явился к ней, его решимость порвать отношения куда-то улетучилась (кстати, как и беременность его подруги). Он, кажется, поверил теперь уже в русское происхождение своей возлюбленной, которой будто бы сам французский король Людовик XV подал идею отправиться через Венецию в Турцию с одним из предводителей польских конфедератов — Каролом Радзивиллом, чтобы заставить султана энергично воевать с Россией, а самой поднять новую «революцию» в

Польше, а заодно предъявить свои права на российскую корону и свергнуть с престола узурпаторшу Екатерину II — благо в самой России как раз началось мощное восстание, которое под именем Петра III возглавил донской казак Емельян Пугачёв.

Благородная «принцесса» объяснила жениху, что впоследствии непременно принесёт ему в жертву свою блестящую будущность, а пока должна предпринять путешествие для устранения препятствий к их союзу и возвращения графу потраченных на неё средств. Он умолял её отказаться от подобной жертвы — но сам же и добыл своей пассии денег на дорогу и лично проводил в путь из Оберштейна. «Если бы я знал, как я тебя люблю, я никогда не позволил бы тебе уехать. Нет, я не переживу, если так будет продолжаться. Дайте мне верный адрес. Прощай, моё дорогое дитя», — писал неутешный граф. Наивный Филипп Фердинанд ещё продолжал хлопотать о предстоящей свадьбе со знаменитой иностранкой, а она уже начала новую главу биографии — уже в качестве претендентки на российский престол.

«Пане коханку»

Героем этого этапа жизненного пути «принцессы» стал Кароль Станислав Радзивилл (1734—1790), князь Священной Римской империи и одна из самых колоритных фигур среди польских и литовских магнатов — некоронованных королей Речи Посполитой. Выходец из знатного и древнего рода, он получил в наследство почти все имения трёх ветвей своей фамилии и стал одним из самых богатых князей Европы. В его столице — белорусском Несвиже — и других резиденциях гремели знаменитые пи-

ры, на которых даже самый захудалый шляхтич мог сесть за один стол с самим князем Радзивиллом. Ко всем знакомым и гостям хозяин обращался: «Пане коханку» («Любименький мой»), и эта присказка стала его прозвищем, приклеившимся на всю жизнь.

Один из последних балов во дворце князя произвёл на молодого шляхтича Яна Охотского незабываемое впечатление:

«Три огромные бальные залы соединили в одну и в ней поставили обеденный стол, такой огромный, что с одного конца до другого нельзя было узнать гостей в лицо. Четыре боковые залы заставлены были тоже столами, а в пятой зале, возле громадного круглого стола, в сорок локтей в окружности, сидел король и княжна Курляндская (Бирон), а с ними двадцать две дамы из первых фамилий королевства. Посредине королевского стола помещалось хрустальное украшение, изображавшее взятие Гибралтара, саксонской фабрики Мейсен. Вилки, ложки, ножи и тарелки на этом столе были золотые. В большой зале, на столе, который казался бесконечным, весь столовый прибор был из великолепного серебра, филигранной работы. Вдоль обеих стен стояли буфеты и буфетные столы, заваленные серебром, огромными серебряными лоханями для бутылок, кубками и посудой, носившей все признаки древности времён Ольгерда*. Подносов, канделябров, ножей, вилок, ложек, тарелок и прочего, вероятно, было несколько сот дюжин; в зале было в серебряных подсвечниках и люстрах более двух тысяч свечей. Кроме залы, где был король, ещё три смежные залы были завалены серебром и иллюминированы на диво. Бо-

* *Ольгерд Гедиминович* — великий князь Литовский (1345—1377).

гатство и пышность всего мною виденного вообще трудно описать. Всё здание для этого бала было заново отделано и выбито обоями из шёлковой адамашковой* материи с золотыми галунами и кистями. Диваны и кресла везде были обиты материей соответственного с обоями цвета.

Танцевали в театральной зале, и король с княжной Курляндской открыл бал. В десяти смежных с танцевальной залой комнатах любители карт играли в разные игры. Когда подали ужин, вся масса народа двинулась из танцевальной и других зал в столовую. Мы входили как в волшебный замок, так всё было великолепно. Кто вошёл прежде и успел занять кресло, ужинал сидя. Но около трети гостей ели стоя у боковых столиков. Я тоже ужинал стоя; таким образом виднее было всё происходившее; нельзя было сделать шагу, чтобы не встретить какого-нибудь честного литвина с блюдом, упрашивавшего кушать больше. Заглянул я в королевскую залу. Ужин начался устрицами, привезёнными из Гамбурга на почте. Несколько сот блюд их, вероятно, съели. Обилие угощений было баснословное; едва исчезало одно блюдо, являлись сейчас же другие; шампанского выпили несколько тысяч бутылок, не считая множества других старых вин и водок. На боковых столиках поставлены были головы дичи, окорока, целые серны, рыбы на холодное и т. п. Под конец ужина подали десерт. В одно мгновение всё серебро, покрывавшее столы, исчезло и заменилось бесчисленными десертными приборами.

Князь Радзивилл рассказывал по всем комнатам, где ужинали, повторяя одни и те же слова: “Пане

* Адамашка — шёлковая материя, первоначально привозившаяся в Европу из Дамаска.

коханку! Не едите, не пьете — не любите Радзивилла, не милостивы к нему”. В ответ ему кричали: “За здоровье князя!” — и выпивали бокалы»⁷⁶.

При таких возможностях Радзивилл не мог не участвовать в бурной политической жизни республики. Вся жизнь «Пане коханку» прошла в интригах и не слишком удачных авантюрах. Князь считал себя настоящим патриотом, а потому от желавших ему понравиться дворян требовал верности родным вкусам и традициям: «Пане коханку, пойдите-ка посмотрите: с косою он? В немецких ли плюндрах (во фраке и узких брюках)? Под немецкою одеждою не может биться литовское сердце», — и не принимал у себя тех, кто изменил национальному платью.

Он и сам искренне старался выглядеть образцом лихого шляхтича былых времён. Очевидец писал: «Князь Карл росту был менее даже чем среднего, очень толстый и одевался всегда по-старопольскому, чаще всего являлся в мундире виленского воеводы: гранатного цвета кунтуш, жупан* и отвороты малиновые и золотые пуговицы. Сабля, осыпанная крупными бриллиантами, в золотых ножнах, лосинные перчатки за поясом, а на голове малиновая конфедератка**. Носил он длинные усы и подбрасывал

* Кунтуш (контуш, кунтыш от польск. *kuntusz*) — верхняя одежда, кафтан ниже колен с отрезной приталенной спинкой, открытый на груди, застёгивавшийся в талии на крючок, с рукавами, свободно свисавшими или закидывавшимися за плечи; шился из сукна, позже из шёлка, иногда на меховой подстёжке. Жупан (польск. *zupa*, ср.: тюрк. чапан, рус. зипун) — верхняя одежда, полукафтан или короткая шуба из сукна, обычно серого или голубого, с отложным воротником и застёжкой на пуговицы.

** Конфедератка — здесь: польский национальный четырёхклинный мужской головной убор без козырька с кисточкой наверху, который носили члены Барской конфедерации с 1768 года.

лоб. На темени у него был нарост величиною с волошский орех. И сам воевода, и все литвины носили широкое и даже мешковатое платье, это у них считалось старосветскою модою, которой все охотно придерживались».

Действовал князь соответственно. Выдвигая свою кандидатуру в качестве посла на сейм, он выкатил на несвижский рынок бочку с вином и, сидя на ней в костюме Бахуса, излагал свою программу, угощая всех желающих. В 1762 году Радзивилл получил должность виленского воеводы, но не удовлетворился этим — и пожелал стать гетманом Великого княжества Литовского и для достижения этой цели в средствах не стеснялся. Кароль Станислав со свитой явился в Вильно и стал наводить свой порядок на выборах Трибунала Великого княжества; его люди нападали с саблями на тех, кто осмеливался перечить. Сам Радзивилл появлялся на заседаниях в подпитии и оскорблял присутствующих. Подчинив Трибунал своей воле, воевода добился осуждения на нём своих политических противников Чарторыских, которых считал неродовитыми выскочками.

Радзивилл выступил против избрания на трон ставленника Чарторыских и России — Станислава Понятовского. На избирательный сейм он прибыл с личной «армией» в несколько тысяч человек, но у его оппонентов сил было не меньше, к тому же их поддерживали введённые в Польшу русские полки. Радзивилл двинулся обратно, но под Слонимом в июне 1764 года был разбит. Его пехота попала в плен, а сам князь бежал в Молдавию, а затем в Дрезден. Все его имения перешли под управление его противников. Поняв, что проиграл, «Пане коханку» в письмах заверял в своей лояльности короля Станислава и российскую императрицу — и в итоге добил-

ся прощения, поскольку любимец литовской шляхты оказался нужен российскому послу в Польше князю Николаю Репнину.

Петербург был обеспокоен тем, что король и «партия» Чарторыских стремились провести реформы, ограничивавшие шляхетскую «демократию» в Речи Посполитой (в том числе право *liberum veto*, когда голос даже одного шляхтича, поданный против, мог блокировать любое решение сейма) и призванные упорядочить финансы и укрепить армию королевства. Российская дипломатия подняла вопрос о правах «диссидентов» (православных и протестантских шляхтичей), но сейм 1766 года отказался решать этот вопрос. Тогда Репнин в союзе со своим прусским коллегой способствовал организации ответственно православной и протестантской конфедераций и поднял на борьбу с королём недовольных его реформами магнатов, и в первую очередь недалёкого «Пане коханку».

Ему посулили возвращение в отечество с восстановлением во всех правах и должностях, но при условии действовать в отношении диссидентов в интересах императрицы, а также выдавать русских перебежчиков и по возможности вести себя прилично. Князь был доволен — ответил Репнину из Дрездена, что, «проникнутый чувством самой живой признательности к императрице за предлагаемое покровительство, покорный её великодушной воле для блага республики и всех добрых патриотов, провозглашает и обещает, что будет всегда держаться русской партии; что приказания, которые угодно будет русскому двору дать ему, будут приняты всегда с уважением и покорностью и что он будет исполнять их без малейшего сопротивления, прямого или косвенного».

В июне 1767 года Кароль Радзивилл под охраной русского отряда и специально приставленного к нему русского полковника Кара вернулся в Речь Посполитую и торжественно въехал в Вильно. Он был провозглашён маршалом соединённой польско-литовской конфедерации, собравшейся в Радоме под Варшавой формально для защиты привилегий католиков в противовес Слуцкой и Торунской конфедерациям диссидентов, в действительности же — против Станислава Августа и сторонников государственных реформ. В этом смысле фигура любимца шляхты «Пане коханку» оказалась как нельзя кстати. Для него и других вождей Радомской конфедерации главными целями были ликвидация «деспотии» Понятовского и свержение его с престола. Однако король в деле о диссидентах пошёл навстречу Репнину, поэтому теперь не было никакой необходимости свергать его. «Сие собрание в такое вошло упорство, что не хотели никак подписать требуемый акт конфедерации. А как при производстве оной был приставом полковник Кар, то оный с согласия принужден был привести тут батальон пехоты с пушками, чем уже и заставили её всё по предложению нашему подписать!» — так по-военному оценил итог заседаний Радомской конфедерации в своих мемуарах генерал А. А. Прозоровский.

На короткое время Радзивилл почувствовал себя на коне. Конфедерация сняла с него все обвинения, вернула владения с выплатой денежной компенсации за нанесённый ущерб. Князь развернулся вовсю. «Великолепие его образа жизни было поразительно. Двадцать пять поваров едва успевали готовить ежедневно кушанье для огромного числа посетителей его дома. В день рождения Екатерины он дал праздник, на котором было около трёх тысяч замаскированных

гостей, и при этом было выпито, кроме множества других вин, тысяча бутылок шампанского. Ему было тогда около 35 лет; он носил всегда польский национальный костюм, не умел говорить по-французски, а в нравственном отношении стоял не выше последнего из своих вассалов. Он был великий глупец и такой жестокий пьяница, что князь Репнин, чтобы воздержать такое важное лицо от безобразного поведения по крайней мере на то время, когда сейм был в сборе, поставил в его доме полковника с командой из 60 человек», — писал о «подвигах» «Пане коханку» английский посол в Петербурге Д. Гаррис⁷⁷.

Собравшийся в конце 1767 года в окружении русских войск сейм в итоге утвердил предоставление православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавление их от юрисдикции католических судов, частичное уравнивание в гражданских правах представителей всех конфессий. Протестующие представители польской знати — епископы К. Солтык и Ю. Залусский и краковский воевода В. Ржевусский — были арестованы и отправлены в Калугу. Избранная сеймом делегация выработала договор, по которому римско-католическая религия оставалась господствующей, но диссиденты получали право на все должности, за исключением королевского достоинства, а при межконфессиональных браках дочери должны были исповедовать религию матери, сыновья — отца. Россия гарантировала Польше неприкосновенность её «кардинальных прав» (отказ подчиняться королю, *liberum veto*, политическая и экономическая монополия шляхты и её власть над крепостными) — теперь они не могли быть изменены без согласия России, что, в свою очередь, гарантировало сохранение шляхетской анархии.

Двадцать первого февраля 1768 года сейм утвердил решения комиссии. Довольная императрица Екатерина объявила республике о своём всемилостивейшем согласии заботиться о её благе, а князю Репнину — о пожаловании ордена Александра Невского и пятидесяти тысяч рублей. Панин, поздравляя князя Репнина с достигнутыми успехами, написал ему, что сделать дело лучше, чем оно сделано, было невозможно. Однако успехи князя Репнина вызвали бурю возмущения. Обманувшиеся в своих расчётах конфедераты и масса консервативно настроенной шляхты выступили в защиту привилегий католической церкви: как можно, чтобы нечестивые диссиденты заседали в сейме и сенате рядом с правоверными католиками! Недовольные собрались в том же феврале в подольском городке Бар и создали новую конфедерацию — против короля и России. Один из её вождей, маршалок Юзеф Пулавский, обнародовал манифест, в котором призывал магнатов и шляхту бороться за «истинную римско-католическую веру» и шляхетские золотые вольности, попираемые русской императрицей и польским королём. Повстанцы видели себя настоящими крестоносцами — ревнителями веры: на своих знамёнах они вышивали изображение Богородицы, а на мундирах — кресты. В Литве основными фигурами конфедерации стали члены её Главного совета маршалок Михал Пац и командующий войсками Юзеф Сапега.

Радзивилл в феврале получил из рук короля пост виленского воеводы, но литовским гетманом стал уже знакомый нам Михал Огиньский. «Пане коханку» свою роль сыграл и теперь стал лишним. «Он, быв нам нужен, чтоб именем его, богатством и репрезентацией пользоваться в делах против мелкого дворянства, сам собою дела, однако ж, никакого не

поведёт и партии почтенной не составит», — докладывал Репнин ведавшему иностранными делами Н. И. Панину 11 декабря 1767 года⁷⁸. Крепко загулявший ещё на сейме князь поначалу не понял, что конъюнктура изменилась. На другой день после закрытия сейма англичанин Гаррис сам видел, как Радзивилл явился совершенно пьяный к Репнину и хвастался тем, что опять имеет право напиваться сколько душе угодно. Но постепенно он прозрел и, обиженный, отбыл к себе в Несвиж, где продолжил свои загулы, не стесняясь ругать посла. Открыто выступить он не смел (русские войска стояли неподалёку) и даже согласился действовать вместе с королевскими отрядами против конфедератов. Но в то же время «Пане коханку» принимал у себя эмиссаров Барской конфедерации, увеличивал численность своей «милиции», создавал запасы военного снаряжения, о чём находившиеся в его окружении информаторы исправно докладывали Репнину.

Князь мечтал превратить Несвиж в местный «Бар», тем более что Бар подольский был взят штурмом русских войск. От генерал-майора Измайлова Радзивилл вельможно потребовал не нападать на конфедератов близ Несвижа, потому что он не может быть равнодушным свидетелем пролития крови сограждан своих и, если битва произойдет подле его замка, выведет свое войско. А Репнину он писал, что не имеет намерения воевать с русскими, но принимать повстанцев обязан, будучи членом народа, «в котором господствуют вольность и равенство и ревность к своей вере»...

Измайлов же вместо ответа обложил Несвиж. Гордый князь оказался плохим политиком и негодным полководцем. Имея подготовленный к осаде замок с провиантом, боеприпасами, тридцатью дву-

мя пушками и гарнизоном в 800 человек, Радзивилл при первых вражеских залпах стал думать о капитуляции. Он написал Репнину покаянное письмо, в котором заверял в лояльности и обещал не выступать против России. Прибывший вскоре полковник Кар объявил князю прощение в обмен на сдачу Несвижа и Слуцка, роспуск «милиции» и выдачу всего военного снаряжения. «Пане коханку» на переговорах извинялся за свои «невольные ошибки», в которых винил «чертей из Бара», принял предложенные условия и несколько месяцев жил под «охраной» Кара и его казаков, пока не выехал в июне 1769 года за границу, в австрийские владения⁷⁹.

Там Радзивилл сразу же примкнул к конфедератам, рассчитывая занять важный пост в «генеральности» — эмигрантском «правительстве». Однако вожди конфедерации более скромно оценили его возможности и назначили послом при султанском дворе, куда Радзивилл ехать не пожелал, полагая, что завистники хотят удалить его от политики. Князь Кароль посылал турецкому визирю послания, в которых объявлял членов «генеральности» предателями и врагами турок и предлагал создать — с турецкой помощью — новую польскую власть во главе с ним самим.

Впрочем, и другие лидеры Барской конфедерации политическими талантами явно не отличались: начали восстание, не дождавшись обещанного вывода русских войск, не скоординировав действия в масштабе страны и не получив помощи извне. Серьёзным их промахом стало и выступление против короля, которого они объявили узурпатором и тираном; для Потоцких или Радзивилла борьба со сторонниками Чарторыских была важнее, чем противодействие политике Екатерины II. Разногласия среди руко-

водства, слабое вооружение и недисциплинированность отрядов были причиной поражений шляхетских отрядов, которые не могли противостоять регулярным полкам. Русские и коронные войска без труда громили храбрых, но неорганизованных конфедератов.

Единственное, что им удалось — устроить «информационную войну» в Европе с распространением свидетельств о русских насилиях в Польше. С подачи одного из эmissаров конфедерации, Михала Виельгорского, знаменитый просветитель аббат Габриель Мабли издал в 1771 году «Манифест о конфедератской республике Польше». «Удачи вам, храбрые поляки», — писал Жан Жак Руссо в «Соображениях об образе правления в Польше» и призывал их сохранять свою конституцию, пусть даже и с *liberum veto*. Зато в поддержку российской политики выступал не менее знаменитый Вольтер: в своём обращении к полякам он спрашивал, желают ли они «быть рабами и вассалами теологического Рима». Тем, кто жаловался на введение в Польшу войск, философ объяснял: «Я отвечаю вам, что это то право, по которому сосед тащит воду в горящий дом соседа»; русские солдаты, считал он, посланы императрицей Екатериной установить в стране просвещённую терпимость.

Однако, как говорил тот же Вольтер, «Польша — всего лишь прекрасный предмет для разглагольствований». «Памфлетная война» предназначалась для общественного мнения просвещённой Европы, но не могла повлиять на ситуацию в самой Польше. С началом Русско-турецкой войны 1768—1774 годов конфедерация несколько воспряла, имея поддержку Турции и Франции: последняя прислала полякам в качестве командующего полковника Шарля Дю-

мурье и нескольких офицеров-инструкторов, которые, однако, не смогли переломить ход кампании. Дюмурье, чтобы создать пехоту и инженерные части, попробовал было нарушить «кардинальные права» и доверить ответственные посты крестьянам, но ни один помещик не хотел их давать; знатные шляхтичи не желали подчиняться иностранцу. В 1771 году Суворов под Краковом разбил Дюмурье, а затем и корпус храброго лидера конфедератов Пулавского; в Литве при Столовичах потерпел поражение примкнувший к конфедерации гетман Огиньский. Объявив о низложении короля, конфедераты обрекли его на подчинение императрице. Россия, не добившись собственного протектората над Польшей, с подачи прусского короля Фридриха II склонилась к разделам Речи Посполитой, первый из которых состоялся в 1772 году.

«Пане коханку» и в Венгрии жил на широкую ногу, поил и кормил шляхту — пока позволяли вывезенные с родины средства, займы и заклад драгоценностей. Он снарядил и послал в Польшу эскадрон драгун, но сам теперь стремился держаться подальше от военных авантюр. Князь переехал в Германию и предпочитал искать поддержки как у европейских монархов, так и, прежде всего, у султана, который после ряда поражений от русских войск и потери Крыма всё ещё продолжал вести с Россией тяжёлую войну. Поездка осенью 1773 года в Париж успеха не принесла — французский король отказался рекомендовать Радзивилла в Стамбуле. Тот, однако, не унывал, вновь соблазнял турок перспективой сотрудничества и даже обещал им помощь. Наконец, «Пане коханку» решился лично отправиться на Восток и в феврале 1774 года прибыл в Венецию — отсюда он вновь обратился к только что вступившему на пре-

стол в момент наибольшего упадка Османского государства султану Абдулгамиду и просил разрешения присоединиться к действовавшей против русских турецкой армии.

Здесь к Радзивиллу присоединилась наша героиня. Встреча их не была совсем уж случайной — «по газетам», как пыталась она представить на следствии. Видимо, проживая то в Страсбурге, то в Мангейме, он узнал про загадочную то ли персидскую, то ли русскую «княжну» из Оберштейна. В конце 1773 года её стал посещать некий молодой человек — скорее всего, шляхтич Михаил Доманский из окружения князя. Встречи быстро переросли в новый роман. Знакомство с Радзивиллом открывало для «княжны» более заманчивые перспективы, чем отношения с надоедливym и нерешительным графом Лимбургом.

Можно, конечно, рассуждать на тему, кто на кого первым «вышел», являлся ли шляхтич Доманский тем самым «мосбахским незнакомцем», который посещал Оберштейн в конце 1773 года, и встречался ли сам Радзивилл с «княжной» в специально нанятом для этого свидания доме в пфальцском городке Цвайбрюккене. Но, право, детали этого маскарада не являются такими уж существенными. Более важным представляется другое — то, что нет оснований полагать, будто самозванка была «выращена» польскими кругами, враждебными Екатерине II и её варшавскому ставленнику Станиславу Понятовскому. До конца всё того же 1773 года она была обычной искательницей приключений и путешествовала в поисках подходящего содержания и богатых «спонсоров», что само по себе занятие не слишком благородное, но к европейской политике отношения не имеющее.

Но объявление таинственной дамы из Оберштейна российской принцессой, кто бы ни был его инициатором, оказалось выгодным как ей самой, так и Радзивиллу. В марте 1774 года несостоявшаяся графиня объявила Филиппу Фердинанду о том, что теперь с помощью поляков будет играть «политическую роль». «Княжна» рассчитывала на блестящего польского вельможу, чьё окружение и образ жизни выгодно отличали его от «жениха» — зануды и скупердяя. Да и само сближение со знаменитым литовским магнатом поднимало её престиж — хотя бы в глазах графа Лимбурга и кредиторов. Радзивилл же получал дополнительный козырь в игре с Парижем и Стамбулом в качестве покровителя загадочной русской «принцессы». Ведь не мог же князь не знать историю о том, как при поддержке доблестной шляхты достиг российского престола Лжедмитрий I в 1605 году и как это почти удалось сделать Лжедмитрию II в 1608-м.

К тому же чудесные превращения восточной «княжны» вполне соответствовали стилю «Пане коханку», любившему поражать слушателей фантастическими историями о своих приключениях: «Он, например, рассказывал, будто служил поварёнком у некоего Галецкого, с которым ежедневно ходил пешком на охоту; при взятии Гибралтара, уверял, будто вскочил на крепостной вал на половине лошади, а другую половину, заднюю, в это же время оторвало ядром. “Ведь это справедливо?” — свидетельствовался князь кем-нибудь из своих приближённых — Боровским или Володкевичем. “Очень может быть, князь, что именно так и случилось, — ответил однажды который-то из них, — но я свидетельствовать не могу: я в то время был уже убитым”. Князь Радзивилл любил описывать, как он на верёвке влез раз

на небо и виделся там с Иисусом Христом, Богородицею и с святыми... Иногда с тоски и от нечего делать в нём проявлялась фантазия Нерона и Гелиогабала: он воевал с небывалыми неприятелями, с ума сходил, врал и сумасбродничал, точно пробуя, до какой границы может дойти придворная низкопоклонность. Он так отлично привык к своим выдумкам, что как будто и сам уверовал в их правду»⁸⁰.

Как же князю было не заинтересоваться прибывшей из Персии инкогнито русской «принцессой»? В этом смысле они подходили друг другу, а потому и должны были договориться, тем более что в общественном мнении просвещённой Европы поддержка страдающей Польши пользовалась большей популярностью, чем мелкие территориальные притязания столь же мелкого германского владетеля. Однако политический роман не обязан был становиться любовным; во всяком случае, польский биограф князя отрицает увлечение «Пане коханку» авантюристкой и полагает, что она была только средством для осуществления его не менее авантюрных планов союза с турками⁸¹.

Поляки и казаки

Итак, в мае 1774 года в Венецию прибыла знатная дама — теперь уже графиня Пиннеберг — с небольшой свитой. Потом, в петербургском застенке она объясняла, что всего лишь собиралась отправить с Радзивиллом в Стамбул и далее в Персию кого-то из своего окружения. Князь же «ответствовал ей письмом, что он, почитая её за персону, полезную для его отечества, за удовольствие сочтёт с нею видеться и что он для того уже и дом одного тамошне-

го сенатора назначил, в который она в уречённое время и приехала и, разговаривая с ним, нашла, что он человек недалёкого разума и что дела его никакого основания не имеют, почему и отменила посылать с ним своего человека. Между тем сестра его, познакомься с нею, усиленно просила её, чтобы она, как сведущая о обычаях восточных, не оставила его своими советами. Почему она рассудила: лучше ехать с ним самой до Константинополя, чтобы оттуда продолжать путь свой в Персию. Сие намерение предложила она Радзивиллу, и он тем был доволен. И так, оставя в Венеции помянутого полковника Кнора, для пересылки к ней от князя Лимбургского писем, поехали они, на венецианском судне, в препровождении некоего Гассана, сродника князя тунисского, да другого турки алжирского капитана Мегемет Баши, в Рагузу» (нынешний курортный Дубровник, а в то время — торговую республику под властью Османской империи).

Можно полагать, что многое в этом рассказе — правда. Едва ли оборотистая «княжна» не заметила, что «Пане коханку» — мужчина ума невеликого; командующий конфедератов Дюмурье так и вовсе аттестовал его «совершенным животным». Но отчего бы и не сыграть с богатым дураком в свою игру, пусть даже «дела его никакого основания не имеют»? В конце концов, изящная русская принцесса Елизавета куда больше подходила на роль союзницы доблистных поляков, чем томная персидская княжна Али Эмете. Князь же подошёл к делу с размахом, благо в Венеции он жил с привычным блеском: устраивал праздники, водил знакомство с дожем республики, завёл себе капеллу музыкантов. Заезжую графиню поместили в доме французского посланника, и князь во всём старопольском блеске явился

к ней с официальным визитом. Вместе с ним были его сестра графиня Теофила Моравская и дядя князь Радзивилл, глава конфедерации граф Потоцкий, пинский староста граф Пржездецкий и польские офицеры, в том числе Ян Чарномский и Михал Доманский. Графине Пиннеберг были оказаны царские почести согласно придворному этикету.

Шестнадцатого июня 1774 года в статусе дочери русской императрицы инкогнито бывшая «княжна де Волдомир» вступила на корабль, который после двухнедельного плавания доставил её и Радзивилла со свитой в Дубровник. Французский консул Дериво отбыл на дачу и временно уступил свой дом польскому магнату, который поселил там свою гостью под надёжной охраной. Сам воевода со своими людьми ежедневно обедал у «принцессы» и обеспечивал её всем необходимым.

Но ещё раньше в этот порт прибыли офицеры князя, в том числе состоящие на французской службе. Маршал его двора Радзишевский должен был передать турецким властям пожелание Радзивилла о включении в будущий мирный договор с Россией пункта о вознаграждении за убытки в отношении «имущества, утвари, библиотеки, так же и обиженной чести и славы декретами, конституциями и разного рода предписаниями». Как сообщал консул, другой агент князя «собирается заложить имения этого последнего за два миллиона золотых венецианских цехинов и получить разрешение на набор корпуса в шесть тысяч человек среди христианского населения провинций Боснии и Албании. Пулавский (сын Юзефа Пулавского Казимир, один из наиболее видных предводителей конфедератов. — *И. К.*) рассчитывает также достать денег и собрать корпус в две-три тысячи человек, с которым он, по

соглашению с князем Радзивиллом, вторгнется в Польшу. Эти офицеры уверяют, что к ним тотчас примкнут 25—30 тысяч недовольных, как только они появятся на границе своего отечества».

Некий пан Ключевский, ещё одна лихая голова, даже «заложил свои земли приблизительно за 40 тысяч цехинов и, кроме того, заключил условие с венецианским графом Смешиа, который со своей стороны снабдил его двенадцатью-пятнадцатью тысячами на условии службы у него в корпусе и обещал доставить разрешение правительства Венеции на сбор войск в Далмации». С этими пока ещё не существующими войсками бравый шляхтич собирался двинуться «на помощь бунтовщикам России: “Он пройдёт через Грузию, где, по его словам, силы его значительно увеличатся, так как к нему примкнёт большое количество кубанских калмык<ов>. И, наконец, по его словам, он с значительной воинской силой прибудет в Казань, где его ожидает господин де Чоглоков, незаконный сын покойной императрицы Елизаветы и графа Разумовского; этот Чоглоков стоит во главе бунтовщиков под именем Петра III, а в газетах назван Пугачёвым”»⁸².

Фантастическая картина «крестового похода» против России католиков-хорватов, турецкоподданных албанцев, боснийцев, большая часть которых являлись мусульманами, и примкнувших к ним православных грузин и *calmoucs du Kuban* — выглядит вполне «по-радзивилловски». Трудно сказать, какая часть этих планов обсуждалась участниками «похода» всерьёз, а какая была порождена буйным воображением и щедрым княжеским угощением под вольным венецианским небом. Усугубить сей кураж могла разве что «необычайная ненависть этого польского офицера (Ключевского. — И. К.) к русским,

которые в продолжение 14 лет держали его в ссылке и в тюрьмах в Сибири, его обещание помочь господину де Чоглокову и несчастья отечества, за которое он мстит... три причины, что придают ему громадное мужество, настойчивость и храбрость». Эти похвальные качества, вероятно, настолько застили ему глаза, что даже якобы проведённые в страшной России годы не помешали принять казацкого атамана за благородного российского дворянина, со шпагой в руке ведущего преданных ему *moujikes russe* против коварной узурпаторши...

Неизвестно, откуда претендентка на русский престол получила известие о «предводителе» восставших, дворянине Чоглокове. Ещё в царствование Елизаветы Петровны при «молодом дворе» наследника престола великого князя Петра Фёдоровича и будущей Екатерины II служил в качестве камергера и обер-гофмейстера Николай Наумович Чоглоков (1718—1754). У него имелись не отличавшиеся благонаравием дети, о преступлениях которых говорила составленная для Екатерины II в 1783 году записка⁸³.

Наум Николаевич Чоглоков дослужился до подполковника, однако, находясь на Кавказе, отказался подчиняться командующему генералу Г. К. Тотлебену, называя его «изменником», а себя — «третьей в России персоною». В 1771 году военным судом он был приговорён к лишению всех чинов и ссылке в Тобольск, откуда через десять лет безуспешно просил о прощении. Только после воцарения Павла I ему было разрешено жить под надзором губернатора в Новгороде.

Майор Николай Николаевич в 1775 году за покушение на жизнь своего начальника, ревельского коменданта барона Унгерна-Штернберга, был заключён в Шлиссельбургскую крепость, где сидел до

1794 года, после чего жил в ссылке в Пошехонье Ярославской губернии.

Фурьер гвардейского Преображенского полка Самуил Николаевич в 1767 году за «поносительные слова» в адрес Екатерины II и «против особы её императорского величества намерение» был выпорот розгами и отправлен солдатом в Сибирь. Там он выслужился в прапорщики, но в 1774 году за дурное поведение был вновь разжалован и умер в заполярной Мангазее.

Однако есть известия и о некоем Иване Николаевиче Чоглокове, прапорщике Владимирского пехотного полка, который в 1771 году, не поделив с сослуживцем «непотребную девку», устроил дуэль, после чего бежал и стал разбойничать на Волге. Схваченный и сосланный в Нерчинск, Чоглоков совершил побег и объявился у Пугачёва⁸⁴. Являлся ли он одним из отпрысков камергера Николая Наумовича и что с ним произошло впоследствии, неизвестно.

Реальный донской казак Емельян Пугачёв, как известно, принял имя императора Петра III и в сентябре 1773 года обнародовал манифест, которым призывал казаков к себе на службу и жаловал их вольностями и привилегиями. Сами казацкие вожаки не очень-то верили в подлинность воскресшего царя, но он быстро собрал под свои знамёна целую армию, способную биться с правительственными войсками на далёкой окраине империи. Восстание охватило земли Яицкого войска, Оренбургский край, Урал, Прикамье, Башкирию, часть Западной Сибири, Среднее и Нижнее Поволжье; к казакам присоединились башкиры, татары, казахи, уральские заводские рабочие и крепостные крестьяне. Пугачёвский бунт перерос в настоящую крестьянскую войну, которая продолжалась до середины 1775 года, несмотря на

поражение и выдачу соратниками самого вождя в сентябре 1774-го.

Но из Парижа происходившие в уральских горах и башкирских степях события виделись в несколько ином свете. Официозная «Газетт де Франс» в марте 1774 года известила читателей о том, что вождь повстанцев в России Пугачёв в молодые лета являлся «пажом при дворе её императорского величества и был послан в чужие края для учения, после чего служил в прусской армии и, наконец, был камер-юнкером при его императорском высочестве» (наследнике Павле Петровиче). Только после протеста российского посланника князя Барятинского газета отказалась от этой версии, но зато стала намекать на «воскресение» настоящего императора Петра III. Другое парижское издание «*Courier du Bas-Rhin*» 23 марта 1774 года опубликовало сообщение из Гамбурга с новыми подробностями мнимой биографии донского казака: тот якобы был в детстве привезён в столицу Кириллом Разумовским и назначен пажом императрицы Елизаветы, впоследствии послан в Берлин для получения образования, а вернувшись, состоял в свите великого князя Павла Петровича. Парижские новости подхватывали различные «Ведомости» и «Куранты» в других европейских странах; иные из них сообщали читателям, что Пугачёв — ставленник вождей конфедерации и ведёт борьбу на турецкие деньги.

В 1775 году в Лондоне вышло в свет на французском языке занимательное сочинение «Ложный Пётр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачёва». Героем этого опуса был доблестный молодой казак: «По описанию чувств и действий Емельки в различных периодах его жизни, нами проходимых, нетрудно будет нашему читате-

лю представить себе душу нашего героя. Родившись к великому, она столь же удобно могла бы стремиться к славным добродетелям, сколько к самым жестоким преступлениям, и если бы опасный друг его, которого счастье соединилось с ним, при всех познаниях имел честную душу, тогда б Пугачёв в руках его мог, без сомнения, сделаться истинным героем. Если счастье отказало ему в некоторых дарах своих, как то в богатстве, знатном имени, то природа, напротив того, щедро наградила его своими. Будучи высок и строен, он имел в себе нечто благородное, нечто величественное. Вид его был приятен, и прежде, нежели приучил он дух свой к злодеяниям, в его глазах, которые обыкновенно оживляемы были огнём храбрости, дышала та кроткая простота, то любезное приятство, та чувствительность, кои все соединяются в одних людях, которых природа, кажется, предпочитает особенным преимуществом привлекать к себе всех сердца симпатическою силою сей добродетели, непонятной и однако ж известной, которую можно назвать магнитом души. С такими средствами быть великим, добродетельным, быть, наконец, украшением человечества, тот, которого натура сотворила героем, по несчастному стечению обстоятельств оставляет по себе память злодея!»⁸⁵

Литературный «Емелька» был лихим авантюристом, изъездившим под именем «графа Занарди» многие страны Европы и проводившим время в любовных приключениях и грабежах. Но однажды он «наиболее свёл тесное дружество с одним французом, который со всеми пороками своей нации соединял ещё пороки всех европейских народов, по которым он странствовал. Сверх того при всей своей храбрости, которая доходила даже до безрассудности, он имел такие познания, которые редко най-

Elizabeth

Императрица
Елизавета Петровна

Граф Алексей Григорьевич
Разумовский

Табакерка, пожалованная Елизаветой Петровной
А. Г. Разумовскому

Дом в Лимбурге, в котором останавливалась
«принцесса Владимирская»

Замок Оберштейн

Михал Казимир
Огиньский

«Пане коханку» — князь
Кароль Станислав Радзивилл

Замок князя Радзивилла в Несвиже. *Акварель. 1876 г.*

Турецкий
султан
Абдулгамид I

Гавань Рагузы
(Дубровника)

Кардинал
Алессандро
Альбани

Вилла
кардинала
Альбани
в Риме.
Гравюра Д. Васси

Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский
и князь Григорий Григорьевич Орлов. *Ж. Л. де Велли. 1770-е гг.*

А. Г. Орлов после Чесменского боя.
Неизвестный художник. 1770-е гг.

Княжна Тараканова.
Мраморный барельеф из коллекции великого князя Николая Михайловича

Екатерина II.
В. Эриксен. 1762 г.

Адмирал С. К. Грейг.
Фрагмент.
И. П. Аргунов. 1772 (?) г.

Граф А. Г. Орлов-Чесменский.
В. Эриксен.
Между 1770 и 1783 гг.

Дворец дожей и площадь Сан-Марко в Венеции.
Д. А. Каналетто. 1735 г.

Светлейший князь Григорий
Александрович Потёмкин

Императрица Екатерина II.
Ф. С. Рокотов. 1770-е гг.

Увеселительные строения на Ходынском поле в Москве
в 1775 году в честь заключения мира с Турцией.

Рисунок М. Ф. Казакова. 1775 г.

Фельдмаршал
князь Александр
Михайлович
Голицын —
главный
следователь
по делу
самозванки.
Д. Г. Левицкий.
1772 г.

Алексеевский
равелин
Петропавловской
крепости — место
первоначального
заточения
«принцессы
Елизаветы»

Генерал-
прокурор Сената
князь Александр
Алексеевич
Вяземский.
К. Л. Христинек.
1768 г.

Комендантский
дом
Петропавловской
крепости,
в подвале которого
арестантка
находилась
до конца жизни

Инокля
Досифея
(Августа
Тараканова).
1812 г.

Московский
Ивановский
женский
монастырь —
место
пребывания
Досифеи.
1882 г.

По версии создателей фильма «Царская охота» по пьесе Л. Зорина (режиссёр В. Мельников, 1990 год), коварный граф Орлов инсценировал венчание, чтобы организовать похищение самозванки

Княжна Тараканова. К. Д. Флавицкий. 1864 г.

ти можно между разбойниками. Он говорил почти на всех языках и имел не поверхностное, но глубокое познание в главных науках; тактику знал совершенно и, по-видимому, особенно занимался тою частию, которая научает, каким образом атаковать и защищать места. Пугачёв был с ним неразлучен и хотел, чтобы Боаспре (имя сего француза) разделял с ним все его походы; почти уверительно можно сказать, что герой наш и своим величием, и сохранением своей жизни обязан советам опасного сего человека». Этот-то французский злодей якобы и внушил Емельке мысль овладеть престолом, отправил на Яик и руководил его действиями, пока не был убит под Царицыном. Гибель Пугачёва в книге объясняется тем, что, оставшись без своего наставника, он не следовал его советам, хотя и рассчитывал на «тайные трактаты с министрами известных дворов»⁸⁶.

Впрочем, какой спрос может быть с неизвестного писателя, если даже официальный Париж верил донесениям своего посланника в Петербурге Дюрана о том, что на помощь Пугачёву пришли крымские татары? «По некоторым сведениям, — докладывал дипломат герцогу д'Эгильону 2 апреля 1774 года, — отсюда разослали курьеров в войска, находящиеся на подступах к Грузии, с приказом, чтобы они воспрепятствовали соединению крымских татар с Пугачёвым в районе Кубани». На страницах французских газет нельзя было найти ни одного упоминания об успехах русской армии в войне с турками, и публика — даже спустя два месяца после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора — была уверена, что храбрым османам удалось отвоевать у русских Крым.

Похоже, французские политики просто не могли признать разгрома турок. Известие о заключении ми-

ра потрясло Дюрана — он-то считал внутреннее положение России критическим, а трон Екатерины II неустойчивым как никогда. «Мир заключён, — писал французский посланник 16 августа 1774 года, — и очень странно, что это произошло в тот самый момент, когда мятежники достигли наибольшего успеха, когда имелась наибольшая вероятность переворота, вызванного всеобщим недовольством, когда Крым оказался без достаточных сил, чтобы оказать сопротивление турецким войскам и флоту, когда истощение казны вынудило правительство частично прекратить выплаты. В этих условиях я поражён тем, что Россия получает всё то, в чём ей было отказано в Фокшанах» (на неудачных русско-турецких переговорах о мире в 1772 году. — И. К.). Но французская дипломатия на этот раз оказалась не на высоте — Парижу было не до турок: в мае 1774 года умер Людовик XV и престол занял его внук — Людовик XVI, ушёл в отставку глава правительства герцог д'Эгильон, произошла смена состава Королевского совета.

Правда, новый министр иностранных дел и старый противник России граф де Вержен быстро вошёл в курс дела и вынужден был признать, что «мятежники» в России обречены. Уже в конце сентября Дюран сообщил в Версаль о том, что правительственные войска нанесли Пугачёву сокрушительное поражение⁸⁷. Но Радзивилл и ведомые им конфедераты всё ещё верили в могущество султана и будущие военные победы.

На этом фоне превращение *Elisabeth de Voldomir* из несостоявшейся графини Оберштейн в наследницу российского престола Елизавету представляется вполне нормальным — в рамках сюжета любого тогдашнего романа или современного «мыльного» телесериала. Да и чем прелестная авантюристка ху-

же предводителя крестоносного воинства или мифического Пугачёва-Чоглокова? Даже, пожалуй, лучше, ведь она — подлинная дочь императрицы, обладающая соответствующими бумагами. Эти документы были незамедлительно предъявлены. Ныне они хранятся в деле самозванки в виде неведомо кем сочинённых и переписанных рукой претендентки «копий» на французском языке.

«Елизавета Вторая»

Это были «завещания» Петра I, его жены и приемницы Екатерины I и аналогичный документ, приписываемый Елизавете Петровне. На следствии наша Елизавета отвечала, что не имеет к этим бумагам никакого отношения. Они попали к ней в Дубровнике: «...при письме без подписи, в пакете запечатанном к султану, три тестаменты, первый от имени государя Петра Великого о короновании императрицы Екатерины Первой, второй от императрицы Екатерины Первой о короновании Елизавет Петровны, а третий от Елизавет Петровны о короновании дочери её Елизаветы II да два письма без подписи, касавшиеся до тестаменты Елизавет Петровны на оную её дочь»⁸⁸.

Из них подлинным можно считать только завещание Екатерины I, хотя судьба этого документа очень напоминает детективную историю. Утром 7 мая 1727 года в присутствии высших чинов империи А. Д. Меншиков объявил о завещании скончавшейся накануне императрицы, и секретарь Верховного тайного совета В. Степанов огласил «тестамент», согласно которому престол переходил к Петру II. Но до совершеннолетия император «за юностью» не

имел права «в правительство вступать»; поэтому ему назначались официальные опекуны: тётки государя Анна и Елизавета, муж Анны Петровны герцог Карл Фридрих Голштинский и члены Верховного тайного совета⁸⁹.

Завещание не только вводило регентский совет при императоре, но и определяло дальнейший порядок престолонаследия: «Ежели великий князь без наследников преставится, то имеет по нём цесаревна Анна с своими десцендентами*, по ней цесаревна Елизавета и ее десценденты, а потом великая княжна и ее десценденты наследовать, однако ж мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют»⁹⁰. Воцарение Петра формально не было переворотом: Меншиков успел вырвать у умиравшей Екатерины правовую санкцию на этот акт. Однако тут же стали расходиться слухи о том, что императрица от Меншикова «несчастливое или отравленное питье получила», отразившиеся в документах архива самого князя и в воспоминаниях капитана Франца Вильбуа⁹¹.

Само завещание сохранилось в бумагах бывшего Государственного архива Российской империи и было опубликовано в Полном собрании законов⁹². Там же имеется протокол: «1727 мая 7 дня её императорского величества... тестамент в Верховном тайном совете при присутствии его императорского величества и как духовных, так и свецких слушали и во всём потому исполнять должны и повинны»; вслед за тем идут подписи самого императора, его сестры Натальи, герцога Карла Фридриха, принцесс Анны и Елизаветы, членов Верховного тайного совета, пяти духовных и тридцати трёх светских лиц⁹³.

* Десцендент (от лат. *descendes*) — потомок.

В том же деле находятся две копии завещания, снятые секретарем Верховного тайного совета В. П. Степановым и канцлером Г. И. Головкиным; последний сделал также запись о передаче им «завещательного письма» 10 августа 1730 года Анне Иоанновне в Измайлове. Здесь же хранятся конверты, на одном из которых (с подписью Степанова и тремя печатями) генерал-прокурором Н. Ю. Трубецким сделана запись: «Взят из иностранной коллегии 27 ноября 1741 году»; на другом, конца XVIII века, указано: «Подлинник»⁹⁴. Таким образом, можно было бы предположить, что именно указанный текст является подлинником, который хранился в Коллегии иностранных дел, отправлялся к императрице Анне в Измайлово, а затем вновь потребовался при воцарении Елизаветы. Таковым его считал Д. Н. Блудов, рассматривавший дела императорского Кабинета Павла I и Александра I, а также историк князь Н. В. Голицын, который изучал его и оставил на отдельном листке бумаги свои замечания⁹⁵.

Однако текст завещания (из шестнадцати параграфов) содержит пропуски: отсутствует параграф 12; в третьем параграфе оставлено пустое место для цифры, определяющей срок наступления совершеннолетия императора. Кроме того, текст явно исправлялся и дописывался, о чём говорят зачёркнутые и вставленные слова и фразы. Невразумительно составлен параграф 11-й: «Принцессу Елизавету имеет его любовь герцог Шлезвиг Голштинский и бискуп Любецкой в супружество получить, и даём ей наше матернее благословение; тако же имеют наши цесаревны и правительство администрации старатца между его любовью и одною княжною князя Меншикова супружество сочинить». Получается, что двоюродный брат Карла Фридриха должен был одновре-

менно жениться и на Елизавете, и, стараниями Елизаветы, на дочери Меншикова. Текст подписан: «Екатерина», но подпись сделана рукой Елизаветы, что подтверждается сравнением её с подписями цесаревны, оставленными в приложенном к завещанию протоколе и на других указах.

После переворота 1741 года императрица Елизавета Петровна пыталась выяснить судьбу «тестамент» матери у министров прежнего царствования. Член Верховного тайного совета, а затем Кабинета министров А. И. Остерман на допросе показал, что «духовная» Екатерины находилась в Верховном тайном совете, и предположил: «...не ухожена ль она от князя Меншикова?» Затем, когда экс-министру была предъявлена записка канцлера Г. И. Головкина о «внесении» завещания к Анне Иоанновне, он подтвердил этот факт, но заявил, что не помнит, кто именно это сделал и что случилось с документом потом⁹⁶. (Интересно, что у Остермана явно был какой-то текст «духовной» Екатерины на немецком языке, который зафиксирован в «реестре писем и бумаг» Остермана и Головкина, составленной в Коллегии иностранных дел⁹⁷.) «Забывчивость» министра можно объяснить его личным участием в деле. Однако тогда получается, что Елизавета не обнаружила подлинника в 1741 году (что вроде бы опровергается записью генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого) или не считала таковым дошедший до нас текст, который был ею же подписан и «взят из Иностранной коллегии» 27 ноября 1741 года.

В литературе можно встретить заявления о том, что будущий канцлер А. П. Бестужев-Рюмин выкрал подлинник завещания, каким-то образом оказавшийся в Голштинии вместе с дочерью Петра I Анной⁹⁸. И то и другое утверждения недостоверны. По-

сле смерти герцогини Голштинской генерал-майор И. И. Бибилов действительно доставил в Петербург из Киля документ, но это была «копия тестаменты её высочества», то есть завещания самой Анны Петровны⁹⁹. Однако упоминание о Бестужеве-Рюмине оказалось не случайным. Молодой резидент в Гамбурге в 1733 году получил на сохранение от арестованного голштинского министра барона Штамбке «сундучок и маленькую шкатулку» с секретными документами, которые голштинские власти потребовали вернуть и даже пытались выкрасть. Бестужев запросил начальство: «Не распечатать ли оной сундучок и шкатулку для осмотра во оных писем — не обрящется ли что в пользу вашего императорского величества интересу?» Ведь барон был одним из главных советников герцога и находился при нём в Петербурге в 1725 году, когда умирал Пётр I. Алексей Петрович аккуратно открыл шкатулку, но в бумагах Штамбке обнаружил лишь письма самого герцога и «старые прожекты и инструкции по разным корреспонденциям», которые положил обратно, подделав печати¹⁰⁰. Таким образом, можно считать, что завещание Екатерины не покидало пределов России. Правда, нельзя исключить возможность уничтожения подлинника. Но что в таком случае можно считать подлинником?

В 1728 году, отвечая на официальный запрос русского правительства, бывший голштинский министр и доверенное лицо Меншикова Геннинг Бассевич признал, что именно он «в самой скорости помянутое завещание сочинил». Меншиков же купил согласие его хозяина, голштинского герцога, на воцарение Петра II целым рядом обязательств России в деле «шлезвицкого возвращения», обещанием выдачи Елизаветы замуж за герцогского родственника

любекского, князя-епископа Карла Августа, «прощением» всех полученных герцогом от русского двора сумм и признанием его прав на шведскую корону. Целых шесть из шестнадцати параграфов завещания касаются интересов владельца Голштинии. Далее Бассевич рассказал, что герцог выпросил отступные в миллион рублей, из которых 100 тысяч надо было отдать самому Меншикову; в результате торгов сумма комиссионных князю уменьшилась до 80 тысяч, а остальное получил за труды сам Бассевич¹⁰¹.

Датский посол в Петербурге Ханс Георг Вестфален в записке королю, написанной между 1730 и 1733 годами, утверждал, что при жизни Екатерины был составлен Бассевичем и Штамбке только немецкий текст завещания. Но Екатерина скончалась, прежде чем его успели перевести; Елизавета подписывала текст уже после смерти матери, но «с великой радостью в сердце после того, как прочла статью, разрешавшую ей выйти замуж за князя-епископа Любека». Это дало Вестфалену основание назвать этот документ «величайшим подлогом»¹⁰². Однако он не сообщал, что именно подписала Елизавета. По данным же шведского посла барона Германа фон Цедеркрейца, завещание не успели перевести на русский язык; был составлен некий «экстракт», или «извлечение», подписанный Елизаветой¹⁰³. О том, что цесаревна подписывала «набросок завещания», знал также французский резидент Жан Маньян; но он полагал, что «правильный» немецкий текст был написан уже позднее¹⁰⁴. Скорее всего, дошедший до нас как «подлинник» завещания и является именно этим торопливо составленным «экстрактом». Очевидно, так считала и сама Елизавета, если при восшествии на престол всё-таки пыталась найти подлинное («немецкое?») завещание матери, а не тот

небрежно составленный текст, который когда-то сама же подписала под давлением Меншикова.

Вопрос также в том, насколько «тестament» (в немецком или русском вариантах) соответствовал последней воле умиравшей императрицы. В последний момент она как будто пыталась воспротивиться воле Меншикова и не делать наследником внука Петра I. Маньяну было известно, что «за несколько дней до смерти царица самым положительным образом объявила Меншикову, что желает, чтобы ей наследовала на престоле цесаревна Елизавета». Сам светлейший князь уже после всех описываемых событий откровенно сообщил датскому послу, что Екатерина накануне смерти хотела передать престол дочерям, поскольку «её сознание в это время было не совсем ясным»¹⁰⁵.

При этом завещание Екатерины I не публиковалось и осталось неизвестным большинству подданных. Зато за границей — в Дании, Австрии, Швеции — появились копии завещания Екатерины. Русский посол в Вене Людвик Казимир Ланчинский по этому поводу безуспешно объяснялся сначала с министрами, а затем с «газетирами», которые упорно отказывались раскрывать свои источники информации, но согласились опубликовать опровержение¹⁰⁶. По мнению Коллегии иностранных дел, «утечка» произошла от голштинских министров и именно с их подачи сначала в Вене, а затем в Стокгольме появился такой документ с «пассажами, которые шведской форме правления противны». Российскому внешнеполитическому ведомству ничего не оставалось как признать эту публикацию подложной, хотя её текст был как раз исправнее отечественного «подлинника». В экземпляре, доставленном из Швеции русскими дипломатами и также состо-

явшем из шестнадцати параграфов, нет ошибок, присущих русскому «подлиннику»: проставлен возраст совершеннолетия императора (16 лет); имеется в наличии 12-й параграф о браке императора с дочерью Меншикова¹⁰⁷. Видимо, с одной из этих публикаций и был знаком автор имевшегося у самозванки «акта».

Таким образом, даже этот, хорошо известный документ появился на свет при странных обстоятельствах, отнюдь не способствовавших укреплению легитимных прав наследников Петра Великого — добавим, при отсутствии не только прочных правовых традиций, но даже элементарного порядка в важнейшем вопросе российской государственности. Тем более что и выполнено оно не было. Через несколько дней послушные Меншикову члены Верховного тайного совета посчитали, что «государыням цесаревнам не о важных делах протоколов крепить не надобно»; дочери Петра I, таким образом, были выведены из регентского совета и в его заседаниях больше не участвовали. Соперничающие группировки постепенно переходили от более или менее легальных способов борьбы за власть, хотя бы путём открытых столкновений и споров, к силовому давлению.

Что же касается завешания самого Петра I, то это — уже самая настоящая фальшивка. Как известно, первый российский император скончался, так и не объявив свою волю ни письменно, ни устно. Не исключено, впрочем, что такой документ когда-то имелся. К концу 1723 года Пётр вроде бы решился остановить выбор на своей жене Екатерине. В ноябре был издан манифест о предстоявшей коронации Екатерины (по образцу «православных императоров греческих»), поскольку она «во многих воинских действиях, отложив немочь женскую, волею с нами присутствовала и елико возможно помогала...». Едва

ли Пётр заблуждался насчёт государственных способностей супруги; скорее, царь решил предоставить ей особый титул (независимо от брака) и преимущественное право на престол в расчёте на поддержку ближайшего окружения из числа новой знати.

Церемония коронации состоялась в Москве в мае 1724 года. К этим дням восходит записанное много позже свидетельство голштинского министра Басевича о заявлении, сделанном Петром гостям некоего английского купца, «что он коронует Екатерину для того, чтобы дать ей право на управление государством». (Если верить голштинцу, этот факт, озвученный Феофаном Прокоповичем и канцлером Г. И. Головкиным, стал лишним аргументом в пользу Екатерины в январскую ночь 1725 года, когда решался вопрос о преемнике Петра. Сам Феофан, правда, утверждал, что такое желание царь высказал ещё до Персидского похода 1722—1723 годов¹⁰⁸.) Французский же посол Кампредон сообщил своему двору: «Весьма и особенно примечательно то, что над царицей совершён был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга», — но он же докладывал и о «множестве недовольных», от которых можно ожидать «тайного заговора»¹⁰⁹.

Однако удар был нанесён Петру с той стороны, откуда он, по-видимому, его не ожидал: 8 ноября 1724 года был арестован управляющий канцелярией Екатерины Виллим Монс, а уже 15-го он был казнён — по официальной версии, за злоупотребления и казнокрадство. Современники же считали, что главной причиной была предосудительная связь императрицы с красавцем камергером. Имя императрицы, естественно, не упоминалось на следствии; тем

не менее Пётр повёз жену смотреть голову казнённого Монса. Разлад в семье имел и политические последствия. По данным австрийских дипломатов, Пётр велел опечатать драгоценности жены и запретил исполнять её приказания¹¹⁰. Согласно свидетельствам капитана Ф. Вильбуа и французского консула С. Виллардо, в это время он уничтожил заготовленный было акт о назначении её наследницей; позднее, в 1729 году, о том же писал датский посол Вестфален¹¹¹. Царица откровенно боялась за своё будущее, хотя и пыталась, как сообщал саксонский посланник Иоганн Лефорт, вернуть расположение мужа и на коленях вымаливала у него прощение¹¹². Однако никто из авторов, оставивших свидетельства о смерти императора, не упоминал о каком-либо письменном акте.

Наконец, третьей бумагой самозванки стало столь же мифическое завещание её «матери». «Елизавета Петровна, дочь моя, будет мне наследовать и управлять с тою же неограниченною властью, с какою я управляла империею Всероссийскою», — гласила эта «духовная». Сочинена она была явно по образцу завещания Екатерины I и почему-то именовала «дочь» императрицы Петровной, хотя сама она своим родителем называла «гетмана казаков» Разумовского, хотя фаворитом Елизаветы был Алексей Григорьевич, а последним гетманом Запорожского войска (1750—1764) — его брат Кирилл. Остальной текст не слишком интересен: речь шла о регентстве (с правом на императорский титул!) голштинского герцога Петра* при малолетстве Елизаветы-младшей с

* *Карл Петер Ульрих герцог Гольштейн-Готторпский* (1727—1762) — внук Петра I, сын Анны Петровны, племянник Елизаветы Петровны, российский император Пётр III (1761—1762).

обязанностью его воспитывать двоюродную сестру приличным образом; об обязательных отчётах всех гражданских и военных учреждений через каждые три года; о публичных аудиенциях юной государыни, которая получала право лично принимать прошения у подданных, назначать налоги и решать дела, даже изменяя при этом законы. «Всё это, — провозглашалось в документе, — рассматривается в совете дворян (*Conseill des Nobles*), которых назначит дочь моя Елизавета»; «министры и другие члены совета решают дела по большинству голосов, но не могут приводить их в исполнение до утверждения их императрицею Елизаветою Второй»¹¹³. Надо полагать, что сочинители этого текста не вполне представляли себе сущность самодержавного порядка управления, отнюдь не нуждавшегося в какой-либо санкции на подобные действия.

Документ запрещал иностранцам занимать в России министерские посты. Тут, очевидно, имел место отзвук елизаветинской пропаганды, которая оправдывала переворот, возведший её на престол, необходимостью борьбы с «немецким засильем». Далее предписывалось русскому народу «пребывать в мире с соседственными землями». Для его просвещения и воспитания предполагалось в каждом городе завести народные училища и, кроме того, две академии для воспитания сыновей гражданских и военных чиновников — авторы явно не знали о наличии чего-либо подобного в «варварской» России. «Завещание» рекомендовало развивать в полуазиатской стране торговлю и промышленность; учредить на свободных землях колонии-поселения из европейцев со свободой разных вероисповеданий; для несчастных сирот и подкидышей предлагалось построить приюты, снабжённые капиталами. Интересно,

что последние пункты в каком-то смысле отражали планы Екатерины II в сфере экономики и социального «призрения»: пригласить колонистов и учредить Воспитательный дом¹¹⁴.

Конец «завещания» был посвящён претендентке на трон и гласил: «Я хочу, чтобы весь народ от наименьшего до наибольшего почтили последние изъятия нашей воли и в случае какого-нибудь происшествия приложили все старания и силы к поддержанию Елизаветы, моей единственной дочери и единственной наследницы русского царства». Очевидно, что автором этих текстов была не сама самозванка (она о России не знала ничего), а кто-то из её окружения, имевший некоторые представления о петербургском дворе и кое-каких конкретных мерах русского правительства.

В Дубровнике «наследница» российской короны своих планов не скрывала, тем более что Радзивилл и его свита относились к ней как к коронованной особе. Она не только объявила себя дочерью императрицы Елизаветы и Разумовского, но и уверяла, что у неё есть брат — дворянин Чоглоков, который «стоит во главе бунтовщиков в России под именем Петра III и известен по газетам под именем Пугачёва». «Этот брат заявил, что сражается лишь за её права, о чём и объявил в рассылаемых им прокламациях», — передавал новости в Париж французский консул в Дубровнике Дериво.

Самозванка «подредактировала» и свои детские приключения: согласно новой версии, она попала не на «персидские границы», а в Сибирь, и не по приказу Петра III, а по воле самой Екатерины II, которая «по злобе сослала её ещё в юности в Сибирь и, желая избавиться от неё, пыталась отравить, но... благодаря хитрости, она успела вовремя принять про-

тивоядие и бежать». Персидские чудеса по-прежнему имели место, но в новом варианте она нашла убежище не у князя Али, а у «одного из родственников Разумовского». Кроме того, она якобы «тайно вышла замуж за князя Лимбург-Гольштейн, который тоже должен приехать сюда, чтобы вместе с ней отправиться в Константинополь, где русский вице-консул князь Голицын, один из её сторонников и заговорщиков против императрицы Екатерины, предварительно подготовивши для неё почву и передавши всё это в надёжные руки, присоединится к ним, дабы совместно вести переговоры с его величеством падишахом, которому он представит завешание покойной императрицы Елизаветы, для того, чтобы князю признали истинной наследницей престола Российской империи и дабы заключить оборонительный и наступательный союз с его величеством султаном». Под строжайшим секретом претендентка на трон поведала консулу, что «императрица Екатерина и её преемник падут от руки преданных ей заговорщиков и что, по её предположению, это в данный момент должно уже совершиться».

Другой дипломат на месте консула Дериво заволновался бы, но он, стреляный воробей, эти басни воспринимал спокойно: «Всё это, монсеньор, очень похоже на роман, но я должен доносить вашему превосходительству всё, что происходит в этом небольшом государстве». Власти же Дубровницкой республики нервничали не на шутку: они как раз вели переговоры с настоящей императрицей об урегулировании отношений, испортившихся из-за того, что славянский Дубровник поддерживал в войне турок, а не русских. Почтенные сенаторы даже просили возмутительницу спокойствия покинуть их город, «но эта в своём роде авантюристка ответила им так, как

будто она уже коронованная государыня, и депутаты принуждены были вернуться, получив вместо ответа лишь насмешки над их трусостью»¹¹⁵.

Летом 1774 года она была полна надежд. 1 июня в письме старому поклоннику из Лимбурга она просила его приехать для путешествия в Константинополь — якобы для них уже высланы султанские фирманы (охранные грамоты). Радзивилл у её ног, и к нему вскоре присоединится Огиньский... В июле она пишет министру Горнштейну (тот иногда ссужал её деньгами), что намерена «скинуть с себя покрывало» — у неё есть завещания её великого деда Петра I и матери Елизаветы. Теперь же она собирается склонить на свою сторону базирующийся в итальянском порту Ливорно российский флот. Турки обнародуют её манифесты о принятии российской короны. В Константинополе она пробудет недолго, поскольку скоро станет во главе своего народа и будет провозглашена государыней. Слухи же о скором мире с Россией — выдумки, поскольку султан просто не может его заключить без удовлетворения её законных требований, вполне согласующихся с выгодами самой Османской империи.

Действительно ли она верила во все эти чудеса или просто не могла остановиться, дурача провинциальных немцев с их местечковыми интересами? Ведь Филипп Фердинанд вполне серьёзно просил свою пассию представить в Стамбуле его притязания на Голштинию. Между тем блестящие и, казалось бы, близкие перспективы меркли на глазах. Переговоры с турецкими властями о предполагаемом наборе на Балканах армии успеха не имели — в Дубровнике людям Радзивилла едва удалось наберечь три сотни оборванцев. Никто не звал собравшуюся в Дубровнике компанию в Стамбул. Вести из Турции были

Après avoir réfléchi toutes les circonstances actuelles tant des affaires du temps, que des différentes époques qui ont existées depuis commencement de cette guerre la Princesse Elisabeth fille de feu l'Impératrice Elisabeth de toutes les Russies a pris enfin la ferme résolution de se rendre à la Capitale Impériale de Constantinople pour faire connoître à la Sublime Porte l'importance des articles qu'elle traitera avec Sa Majesté Impériale; à cette fin elle a cru qu'il étoit dans les règles de prévenir les Hostilités: mais comme le mérite distingué du Grand Visir des armées Impériales Ottomanes est connu de toutes la terre, tant du côté des lumières que du courage, elle n'a pu se refuser à un penchant naturel pour toutes les belles ames à prévenir le Grand Visir qu'elle a écrit elle-même au Grand Seigneur, dont elle joint ici une copie.

ardons au Cont-Baïban pour qu'il secoure et benisse vos grands exploits, et Vous assureons d'un attachement inviolable, et Vous conjurons par le même attachement d'envoyer du secours à Monseigneur de Rozumowski avec cette indulgence que voici. Jugés par Vous-mêmes avec quelle reconnaissance nous serons dans toutes les occasions tant vis-à-vis de Sa Majesté Impériale, que vis-à-vis du Grand Visir des Armées Impériales.

Raguse.

Le 24. d'Août 1774.

Vos dévoués amis
et voisins
E. Elisabeth

Письмо турецкому визирю от 24 августа 1774 года
из Рагузы, подписанное «принцессой Елизаветой». РГАДА

печальными — казна султана истощена, войско обескровлено. Даже недалёкий «Пане коханку» понимал, что его авантюра не удалась, и на сей раз проявил здравомыслие — воспрепятствовал обнародованию завещаний-фальшивок.

Собиралась ли вправду сама Елизавета в Стамбул, сказать трудно; подобные липовые «доказательства» её царского происхождения выглядели не менее нелепо, чем планы горячих конфедератов по формированию балкано-грузино-кубанского войска для войны с Россией. Тем не менее в Дубровнике она написала послание к султану, в котором объясняла причины, заставившие её, «принцессу Елизавету, дочь покойной Елизаветы, императрицы всея России, умолять о высочайшем заступничестве Оттоманского императора». Это послание от 24 августа 1774 года самозванка, по всей видимости, отправила вместе с письмом великому визирю от того же числа¹¹⁶. Претендентка обещала предъявить завещание «матери» и перечислить все «злодеяния и бедствия, помешавшие ей раньше принять это решение: заключение этой княжны в Сибири было первым препятствием; яд, который заставляли её принимать, поверг её в такое состояние, что долгое время можно было опасаться за её жизнь; её бегство к родственнику её отца, казацкого гетмана, — всё это следовало одно за другим, так что с девятилетнего возраста вся её жизнь была сцеплением несчастий, которые послужили ей уроком во всех дальнейших событиях».

«Принцесса» деликатно уклонилась от ответа на вопрос, почему же она была «отдалена от престола, который принадлежит ей и который был захвачен из-за зависти и ложного честолюбия», но зато объяснила своё стремление к союзу с султаном: «...кажется, как будто вся система в Европе рушилась и

равновесие, поддерживаемое государствами, не восстановлено». Альянс турецкого владыки «с Елизаветой Второй», обещала она, обеспечит Османской империи небывалое могущество, поскольку к «союзникам» непременно присоединятся Польша, будучи поддержана ими «в её прежних правах», и Швеция — для возвращения «некоторых земель, которые должны принадлежать ей по праву». Каким образом можно осуществить эти планы и каков будет её личный вклад в намечавшийся союз, авторша опять же не говорила — лишь упоминала, что «победа за нами, то есть за Пугачёвым», однако по-женски загадочно обещала рассказать, что «принцесса Елизавета совершила тайно множество поступков, которые бесконечно понравятся вашему императорскому величеству». Эти, а также иные подробности «наследница российского трона» собиралась лично поведать султану, а пока просила «отказываться ото всех предложений мира до тех пор, пока мы не приедем». Неужели повелителю правоверных трудно подождать?

Напоследок она рекомендовала Абдулгамиду I своего спутника, достойного князя Радзивилла, ибо его «мужество, доверчивость, преданность вашему императорскому величеству — причины слишком сильные, чтобы отказаться помочь ему в этих благородных предприятиях». Князь, писала она, не побоится «оставить всё, покинуть имущество ради своего отечества и твёрдо решиться идти победить или умереть». «Елизавета Вторая» в том же письме скромно указала, что не получила пока ни разрешения на въезд, ни денег, и предположила, что «политические умы» в Стамбуле, конечно, смущены неведением «об истинных фактах; но эти последние должны быть ещё скрываемы до тех пор, пока Блистательная Порта не обнародует манифеста, который мы ему (сул-

тану. — *И. К.*) изложим». В конце письма следовало единственное известие, которое хоть как-то могло заинтересовать повелителя правоверных: претендентка «послала воззвание русскому флоту в Ливорно», чьи суда безнаказанно хозяйничали в Эгейском море.

Заключительные строки послания опять же были бы вполне достойны чувствительного романа, героиня которого обращается к своему заступнику: «Какое наслаждение для величайшего императора в мире отдаться благородным порывам своего добродетельного сердца, мягкости, которая сохранилась только в душах возвышенных и доступных высоким и великодушным поступкам»¹¹⁷, — если бы она не призывала Божье благословение на турецкую армию, сражавшуюся с её соотечественниками-христианами.

Однако тут некстати подоспела весть о завершении войны: только что взошедший на трон султан Абдулгамид признал себя побеждённым. 10 (21) июля 1774 года «в лагере при деревне Кючук-Кайнарджи» на территории нынешней Болгарии был подписан мирный договор, закрепивший успехи русского оружия. Самозванка, оскорблённая в лучших чувствах, ещё до его подписания садится за письмо трирскому министру барону Горнштейну. «Принцесса» старается убедить своего корреспондента, что весть о скором мире так же лжива, как и известие о её смерти; наоборот, борьба в самом разгаре, и она срочно отправляется в Константинополь. Султан, конечно, обнародует её манифесты, и она «поспешит объявить себя своему народу». Кроме того, есть и другая задача: «Я буду стараться достигнуть до российского флота, которой теперь в Ливорно»; россияне не могут не признать, что по завещанию её деда, Петра Великого, «принадлежит мне моё отечество»¹¹⁸. Здесь само-

званка в первый раз упомянула документ, который впоследствии станет одним из главных аргументов обвинения против неё.

Следом было послано второе письмо султану. Она пыталась обращаться к Абдулгамиду на равных, сообщала, что слышала «о мире, который не должен был состояться», но надеялась, что до сих пор не всё потеряно, и лъстивыми фразами о благородстве и великодушии пыталась подтолкнуть султана к пересмотру решения: «...он был заключён только между генералами; следовательно, было бы низостью в поступках принцессы Елизаветы ослабить своё доверие и свою преданность к Блистательной Порте; напротив, она упорствует в своих намерениях, неизбежных по своему началу, потому что ваше императорское величество — защитник невинных, поддержка правосудия, покровитель законных прав, как со стороны происхождения, так и для священных уз веры, чему вы оказываете добродетельные примеры, которые прогремели и в прошлых веках». Великий и милостивый султан, по её убеждению, не может так просто выйти из войны; он обязан прийти на помощь «наследной дочери Елизаветы Первой, императрицы всея России» — иначе сама она, а заодно и Польша «погибнут от бедности и от вероломства их врагов». «Политика отнюдь не должна принимать участие в делах, ознаменованных славою и справедливостью; она должна быть удалена от престола, который знаком только с правосудием и прямою. Небо благословляет всегда оружие того государства, которое пожелает поддержать её в правах. Какая поразительная картина, какая яркая слава, какое удовлетворение для Блистательной Порты быть защитой угнетённых», — пыталась она объяснить непонятливому султану его высокое предназначение. Но «прин-

цесса Елизавета» не удержалась на этой патетической ноте и всё же заговорила о выгодах от «союза, который мы заключили бы», оставляя, впрочем, подробности на потом: когда она «будет в императорской столице вашего величества, то сама договорится и изложит всё вашему императорскому величеству».

Пока же она выражала готовность «победить или умереть» и заклинала султана «именем ваших священных законов заступиться за принцессу, готовую пожертвовать жизнью за благо принижённых народов» — русского и польского, ибо сам «всемогущий Бог» — то ли Христос, то ли Аллах — «будет во главе вашей армии». Она пыталась убедить султана, что «не стремится к заслуге, которую должна будет Блистательной Порте». Кроме того, доказывала она, «самый тернистый путь уже пройден, потому что народ предан до готовности пожертвовать жизнью, чтобы поддержать наследницу Елизаветы. Доказательство достоверно, так как Пугачёв близок к победе; следует только не оставлять его»¹¹⁹.

Письма не дошли до адресата отнюдь не «благодаря хорошо поставленному сыску Екатерины», как полагала Н. М. Молева. Изложенные в этих посланиях расчёты нахальной барышни на получение аудиенции у турецкого владыки, заключение с ним «союза» и отмену ради неё международного договора оказались слишком авантюрными даже для неуёмного Радзивилла. Князь, конечно, победить желал, но при этом не собирался ни умирать, ни терять своих огромных владений. Его спутник и страстный поклонник «принцессы» Михал Доманский на следствии заявил, что его патрон направлялся в Стамбул с более прозаичной целью: включить своё имя в наметавшийся мирный русско-турецкий договор и таким образом получить прощение от короля Станислава

Августа. Так что даже буйного Радзивилла можно считать умеренным политиком по сравнению с самозванкой, строившей фантастические планы.

Князь не отправил со своей почтой в Стамбул ни первое, ни второе письмо Елизаветы. После скандала, который закатила «Пане коханку» барышня, он всё же приказал отослать их — но ни в коем случае не вручать адресату. Это было, пожалуй, необычным для князя проявлением мудрости: непросвещённый султан мог на подобные предложения обидеться и поступить с дубровницкой компанией как-нибудь нецивилизованно. Впрочем, вряд ли эти послания на что-то могли повлиять. Изменилось, пожалуй, лишь его отношение к самозванке — не случайно «принцесса» в письмах своим немецким поклонникам стала жаловаться на холодность князя. Для него же эта игра была закончена; к тому же вышли деньги; хорошо ещё, что дубровнические богатеи расщедрились на заём в три тысячи цехинов — лишь бы беспокоящие гости убрались от греха подальше. Французский консул Дериво сообщал о трёх миллионах цехинов, полученных Радзивиллом, что, думается, всё же является преувеличением¹²⁰. Бывший начальник королевской полиции, а в описываемое время морской министр Франции Антуан де Сартин категорически отказался отвечать на письмо самозванки. «Я на неё смотрю как на ловкую авантюристку, продолжительное знакомство с которой может лишь повредить вам», — написал он консулу в Дубровник и рекомендовал поскорее выпроводить эту даму из уступленного ей на время дома.

О чём она думала в августе 1774 года, когда в Дубровнике рушились декорации почти романного польско-турецкого союза? Во всяком случае, в письме лимбургскому любовнику от 21 сентября она ещё

строила расчёты на визит в Стамбул и просила денег для этой поездки. Но её кошелёк был пуст, на Радзивилла больше нельзя было положиться, а о «персидских» миллионах уже не стоило и говорить — никто не верил. «Союзница» султана не в состоянии была оплатить собственные долги в 500 цехинов (их заплатил влюблённый Доманский), она кланчила 300 червонных у пана Пржездецкого, но до глубокой осени всё ещё ждала ответа из Стамбула. Она вновь пишет бывшему жениху Филиппу Фердинанду: жалуется на Радзивилла, объявляет, что русско-турецкий мир — это ложь, а правда — победы Пугачёва... Граф умолял её отказаться от безумных затей — и в конце концов предоставил свободу с надлежащим нравоучением. «Счастье зависит лишь от спокойствия души; желать следует лишь того, что ведёт к нему, всё прочее есть суета и заблуждение, но насладиться им можно единственно через добродетель. Если вы найдёте способ добыть себе это счастье через мадемуазель Франк, мадемуазель Шелль или мадам Тремуйль, оно всё равно впрок не пойдёт, поскольку нельзя не заблуждаться, дитя моё, когда тобою руководит одна лишь страсть. “Проклятая любовь, суровый разум — кому из вас поддаться мне?” — сказал Расин; одно мгновение удовольствия будет стоить мне горьких слёз», — написал граф в последнем письме.

Филипп Фердинанд уже был согласен на роль «истинного друга», если уж горячая кровь его дамы сердца лишила его звания любовника, и обещал хранить ей верность: «...моя кровь тоже горяча, но пусть Господь проклянёт меня на веки вечные, если я дал ей волю со времени отъезда Бетти, и я поклялся Предвечному, что никогда более со мной этого не случится». Лимбург категорически отверг искушения, которым подвергали его близкие, предлагавшие

ему «со всех сторон юные невинности», чтобы женить его: «...но Бог, руководящий моим сердцем, внушает мне иные чувства, и я надеюсь, что ваши никогда не покроют меня бесчестьем, ибо дружба моя к вам была неизменна».

Лишь в одном граф остался неумолим — отклонил просьбу своей Бетти об ордене «Древнего дворянства» для нового любовника, который «не может представить доказательства принадлежности к древнему роду». Но всё же ради неё счастливчику было предоставлено право получить другой орден: «...я даровал его ему *ad honores**, чтобы иметь возможность наградить его 300 дукатами»¹²¹.

Она же уже не могла отказаться от взятой на себя роли — хотя бы потому, что не привыкла признавать поражение. Что же теперь — возвращаться с пустыми руками к зануде из Лимбурга и его чванливой родне? Он вновь стал бы изводить её призывами к благоразумию: «Вы уже в том возрасте, когда пора становиться рассудительным, и в таком положении, где каждая ошибка становится непоправимой. Спросите сначала совета у Бога, молитесь Ему о помощи, принесите на Его алтарь ваше сердце — единственную вещь, на которую он притязает и которой вы обязаны лишь вашему Творцу, которую он создал для себя; Он использует все средства, чтобы заполучить его, и если вы станете упорствовать, противясь Ему, Он покинет вас в вашей намеренной слепоте» и т. д.

К сожалению, мы не знаем, каким образом появились у «принцессы» и какое впечатление произвели на неё «завещания». Действительно ли Елизавета верила в своё «царское» достоинство? Едва ли, если она знала, что «завещания» — сделанные наско-

* Из чести (безвозмездно) (лат.).

ро в её окружении фальшивки. А если нет? Или знала, но всё равно верила в тайну своего — несомненно, высокого — происхождения? Ведь «принцесса» даже в камере Петропавловской крепости не призналась в самозванстве, утверждала, что пакет с «завещаниями» был прислан ей неизвестным лицом, но всё же обмолвилась, что «рассуждая при том о бывших с нею в малолетстве приключениях, иногда в мыслях своих льстила себя такою надеждою, что, может быть, она не та ли самая персона, о которой в тех тестаментх упоминается».

Возможно, однако, что превращение из неудавшейся графини в дочь царицы Елизавета восприняла просто как очередной этап своих не самых безупречных приключений по части «разведения на деньги» тщеславных графов и князей в немецких и французских гостиных. Если в предыдущих случаях не повезло — Лимбург оказался скупым и мелочным, Радзивилл — дураком, а очаровать при личном свидании султана надежды не было — то отчего же не опробовать свои чары на русском вельможе Орлове? Конечно, эта авантюра может быть опасной — но не больше, чем жизнь на дармовщину в парижских или немецких отелях. Ведь Россия с её злой императрицей находится так далеко...

В сентябре 1774 года командующий российским флотом в Средиземном море граф Алексей Орлов получил по почте послание «принцессы»: «Завещание, составленное покойной императрицей Елизаветой в пользу своей дочери, прекрасно сохранилось и находится в хороших руках; и князь Разумовский, командующий частью нашего населения под именем Пугачёва, пользуясь славой благодаря преданности, которую питает вся русская нация к законным наследникам славной памяти покойной императрицы,

делает то, что мы воодушевлены храбростью в поисках средств разбить свои оковы». Она уверяла, что пользуется поддержкой многих государей, прежде всего турецкого султана, и за ней стоят «главные друзья покойной императрицы Елизаветы»; Орлову же она пишет «только для того, чтобы уведомить вас, что честь и слава — всё предписывает вам помочь принцессе, которая умоляет о законных правах».

Самозванка не уговаривает, а, скорее, величественно осведомляется у екатерининского вельможи: «...какой партии вы решитесь держаться в текущих делах?» Фактически же она прямо указывает подданному: «Вот поведение, которого вы должны будете держаться, граф! Вы начнёте с обнародования манифеста, который будет заключать приложенные при сём параграфы. Если нет, то мы не будем сожалеть о том, что посвятили вас в наши замыслы, и это докажет вам, что мы желаем иметь вас на нашей стороне». Таким образом, Орлову надлежит распространить манифест о её правах. Она готова, если надо, встретиться с ним в Ливорно. И, наконец, граф может не бояться последствий: «...мы заступимся за вас и обещаем вам навсегда быть вашей защитой и поддержкой»¹²². Безвестная барышня повелевает лихим участником дворцового переворота и призывает не трусить чесменского героя!

Письмо содержало манифест к российским морякам от имени «Елизаветы Второй, Божьей милостью принцессы всероссийской». В нём шла речь о мучениях внучки Петра Великого в Сибири, её несомненных правах на трон и заботе о благополучии народа, стонущего под ярмом узурпаторши. Заканчивался он тем же призывом сделать выбор — без всякого выбора: «Божией милостью, мы, Елизавета II, княжна всея России, объявляем всем верным

нашим подданным, что они могут высказаться только или за нас, или против нас. Мы имеем больше прав, чем узурпаторы государства, и в скором времени объявим завещание умершей императрицы Елизаветы. Не желающие нам принять присягу будут наказаны по освящённым, установленным самим народом, возобновлённым Петром I, повелителем всея России, законам»¹²³. К сожалению, реакция Алексея Орлова на это письмо осталась неизвестной — но, думается, не вполне цензурной. Самозванка предусмотрительно не указала своего адреса и предложила графу послать ответ на имя секретаря своего лимбургского поклонника.

Пожалуй, тон «принцесса» выбрала верный — природная царевна у подданных просить ничего не может. Но, будучи плохо знакома с российскими реалиями, она заигралась и не заметила, как перешла опасную черту. До этого её не воспринимали как угрозу. Когда послы дубровницкого Сената в Петербурге доложили о «претендентке», ответом им были презрительная усмешка графа Н. И. Панина и его слова о том, что похождения какой-то «побродяжки» её величество императрицу всероссийскую не интересуют. Тогда Елизавета могла рассматриваться как «кукла» беспокойного Радзивилла, но от этого сумасброда и следовало ожидать чего-то подобного.

Теперь же самозванка решила стать фигурой самостоятельной. Что ей оставалось делать? После короткого дубровницкого «триумфа» в качестве «законной» российской императрицы (о чём были оповещены французский и прочие дворы) опять превратиться в содержанку мелкого немецкого владельца, которую и замуж-то не возьмут без приличных документов? Забыть, как ей оказывали королевские по-

чести, а у её ног были вельможи Речи Посполитой? Или ещё хуже — «последней из дома Романовых» опуститься до прежней роли соблазнительницы мелких баронов и купчиков, а то и шаромыжничать по трактирам?

Страхи империи

Елизавета решила продолжить игру — для неё, видимо, это было всего лишь очередным «перевоплощением» и сменой «имиджа» в странствиях по Европе. Но едва ли бродячая «принцесса» при этом поняла, что отныне из дамы не самого тяжёлого поведения превратилась в глазах Петербурга в настоящую государственную преступницу. В России было слишком много опасных самозванцев, чтобы не обратить внимания на странную заграничную претендентку, и слишком частыми были за последние годы дворцовые перевороты, когда и самые что ни на есть законные государи, к примеру, Иоанн Антонович и внук Петра Великого Пётр III, теряли трон и жизнь. Сама же Елизавета как будто не подозревала о смертельной опасности, в которую ввергла себя. Она считала: если не выйдет с Орловым — можно будет попробовать иной вариант. 8 октября самозванка написала Никите Ивановичу Панину — министру иностранных дел и одному из ближайших к Екатерине людей, — что готова отстаивать свои наследные права, но при необходимости согласна прибыть в Петербург для переговоров под гарантии безопасности, то есть намекала на возможность торга с последующими отступными.

Двадцать седьмого сентября Орлов из Пизы уведомил императрицу о полученном «от неизвестного

лица» послании. Он без особых на то оснований предположил, что «от Пугачёва несколько сходствовали в слог сему его обнародования», но зато понял, что его хотели проверить: «...пробовать, до чего моя верность простирается к особе вашего величества; я ж на оное ничего не отвечал, чтоб чрез то не утвердить более, что есть такой человек на свете, и не подать о себе подозрения». Орлов немедленно послал верных людей разведать про самозванку в Дубровнике и на острове Парос в Эгейском море; по его сведениям, «одна женщина приехала из Константинополя в Парос и живёт в нём более четырёх месяцев на аглицком судне, плотя с лишком по тысяче пиастров на месяц корабельщику, и рассказывает, что она дожидается меня; только за верное ещё не знаю». Своё личное отношение к «принцессе» граф высказал по-солдатски прямо: «Есть ли етакая в свете или нет, я не знаю, а буде есть и хочет не принадлежащего себе, то б, навезав камень ей на шею, да в воду»¹²⁴. Но как государственный деятель он задумал операцию по пленению самозванки, угрожавшей спокойствию императрицы: намеревался обещать «на словах мою услугу, а из-за того звал бы для точного переговора сюда в Ливорну». «И моё мнение, — сообщал он государыне, — буде найдётся таковая сумошедшая, тогда, заманя её на корабли, отослать прямо в Кронштат; и на оное буду ожидать повеления». Долго ждать высочайшего повеления не пришлось — указ от 12 ноября 1774 года предписывал схватить авантюристку во что бы то ни стало.

Похоже, что Екатерина II испугалась, и на то у неё были причины. Сама она взошла на трон в 1762 году с помощью гвардейцев, заставивших отречься от престола, а затем убивших её мужа, законного государя Петра Фёдоровича. Лёгкость и безнаказан-

ность захвата власти в «эпоху дворцовых переворотов» порождала в гвардейско-придворной среде реваншистские настроения, стремления «переиграть» ситуацию: «в случае» оказывались немногие, а обойдённых при дележе наград и чинов всегда хватало.

Дела Тайной экспедиции Сената показывают: когда первые восторги по поводу воцарения «матушки» улеглись, отношение к свергнутому императору стало меняться. Первоначальные отзывы о нём были скорее неблагоприятными. Крестьянка Меланья Арефьева считала его «некрещёным»; московский дьячок Александр Петров — нарушившим «закон»¹²⁵. Сторожа собора Василия Блаженного Кузьма и Иван Васильевы верили, что Екатерина «извела» своего мужа, но находили для неё смягчающие обстоятельства: «Ибо де был он веры формазонской, и по той де формазонской вере написан был патрет ево, которой всемилостивейшая государыня приказала прострелить, отчего он и скончался»¹²⁶. Преображенский солдат Роман Бажулин раздобыл где-то в Пскове и распространял в Москве стихотворную «пиесу» от лица Петра III:

Испортили во мне плуты Петрову кровь,
А девка бабья разжгла во мне крайнюю любовь.
Вы бутте прокляты отныне во веки, фармазоны,
Супругу я отверг невинну, непорочну, а жил с побочною...

Далее государь каялся в том, что «обидел духовных персон», «сребро и злато увести домой старался», принял «мартынов закон» и «шатался» с любовницей, желавшей умертвить наследника; в заключение он просил простить его и «даровать живот»¹²⁷.

Это сочинение перекликалось с другой ходившей «между простым народом в употреблении» песней, в которой уже Екатерина горько жаловалась на «мужа законнова»:

Что гуляет мой сердечной друг
Со любимой своей фрейлиной,
С Лизаветою Воронцовою...
Что хотят они меня срубить, сгубить¹²⁸.

Но уже в июле 1762 года на похоронах императора секретарь французского посольства Беранже (ему вторил голландский дипломат Мейнерцгаген) отметил «грустное выражение на лицах» и предположил: «Ненависть нации к Петру III, кажется, сменяется жалостью»¹²⁹. Никчёмный император превращался в традиционный образ доброго царя. А отношение к императрице-женщине было также традиционное: сомнительных достоинств «баба» ничем «народ не обрадовала» и служивых не жалует, «а как на что другое — у нее больше денег идёт». И вообще, по мнению крестьянина Дениса Семенова, «как наша государыня села на царство, так и погоды не стало»¹³⁰.

В октябре 1763 года бывалый кляузник, украинский сотник Фёдор Крыса в письме на имя генерал-прокурора А. И. Глебова сообщил, что, по его сведениям, Пётр III не только жив, но якобы уже послал неверной супруге «подарок» — платок и табакерку¹³¹. Так через год с небольшим после отречения и гибели император «воскрес» в народном сознании. Уже в 1764 году о нём как о живом стали говорить солдаты столичного гарнизона, а вскоре появился и первый из известных нам самозванных «Петров III» — Николай Колченко¹³².

Прусский посланник Гольц и французский дипломат Беранже уже в 1762 году отмечали оппозицию стремительному выдвижению Григория Орлова и его братьев: против бывшего лидера интриговали недавние друзья и сторонники. Так, в дни коронационных торжеств возникло дело поручиков Петра Хрущева и Семёна Гурьева, намеревавшихся посадить на

престол «Иванушку» (Иоанна Антоновича). Вся их инициатива ограничилась «матерной бранью» в адрес императрицы и похвальбой в «велием пьянстве». Но власти отреагировали серьёзно: виновные были «ошельмованы», лишены дворянства и отправлены на Камчатку.

Предполагаемый «марьяж» — брак Екатерины II и Григория Орлова — вызвал сопротивление вельмож и спровоцировал другое известное «гвардейское» следственное дело камер-юнкера Ф. Хитрово и его друзей, измайловских офицеров братьев Рославлевых и М. Ласунского — главных героев переворота 28 июня 1762 года. «Орловы раздражили нас своей гордостью», — заявляли недовольные офицеры и выражали намерение убить выскочек, а Екатерину выдать замуж за кого-нибудь из братьев заточённого Иоанна Антоновича^{*133}. Дело было решено тихо и без суда: виновные отправлены в ссылку.

Ещё раньше в Казань был сослан преображенский майор Василий Пассек, о поведении которого было приказано докладывать лично Панину¹³⁴. В деревни поехали «титулярный юнкер» Воейков и поручик Пётр Савельев, «разглашавшие» настолько «непристойные слова», что их не рискнули доверить даже протоколам следствия: дело было сожжено¹³⁵.

В марте 1763 года началось расследование дела ростовского митрополита Арсения Матеевича. В слу-

* У низложенного Елизаветой Петровной Иоанна Антоновича (1740—1764) были сёстры Екатерина (1741—1807) и Елизавета (1743—1782) и братья Пётр (1745—1798) и Алексей (1746—1787), жившие с отцом в ссылке в Холмогорах; после его смерти в 1774 году все члены Брауншвейгского семейства были вывезены в датский городок Хорсенс, где получали от русского правительства пожизненную пенсию в восемь тысяч рублей на каждого.

жилой среде эта история истолковывалась порой самым фантастическим образом: сержант Ингерманландского полка Иван Пятков верил в «спасение» Петра III и полагал, что ростовский архиерей расстрижен «за то, что его фальшиво погребал».

Гвардейцы, конечно, не сомневались в гибели Петра III; его образ отныне «ушёл в народ», где воскресал неоднократно на протяжении всего екатерининского царствования. Но в полках продолжалось брожение; с языка не сходило имя, казалось бы, давно забытого узника Иоанна Антоновича. Гольц и его французский и голландский коллеги подметили, что недовольные «чернь и солдаты» обращались к имени заточённого императора. О том же свидетельствуют и дела Тайной экспедиции.

В мае того же года преображенец Михаил Кругликов пожаловался друзьям из Конной гвардии: «Нас де 500 человек, другую ночь не спим». Неожиданный вызов сослуживцев на дежурство с боевыми патронами солдат расценил так: «Не будет ли ещё какой экстры», — после чего загулял. Допросившие его Панин и Глебов доложили императрице, что в такой взрывоопасной ситуации даже обычное «безмерное пьянство» опасно, поскольку «малейшее движение может возбудить к большому калабротству». Екатерина в особой записке попросила следователей: «Однако при наказанье оного служивого прикажите, хотя Шишковскому (Шешковскому*. — *И. К.*), чтоб он ещё у него спросил: где оные 500 человек собираются и видел ли он их или слышал ли он от кого?»¹³⁶ Забуддыга Кругликов отделался батогами. Но

* *Степан Иванович Шешковский* — обер-секретарь и фактический руководитель повседневной деятельности Тайной экспедиции Сената. (*Прим. авт.*)

уже летом гренадер Семёновского полка Степан Власов вдруг взял и заявил во хмелю, что он в компании с капитаном Петром Воейковым «намерены государию живота лишить», да ещё и похвалялся, что за ними стоят большие «господа»¹³⁷.

Другой семёновец, сержант Василий Дубровский, вместе с офицером-артиллеристом Василием Бороздиным и отставным капитаном Василием Быкиным обсуждали вопрос о «революции» более серьёзно. По опыту 1741 года Дубровский предлагал занять денег на переворот у шведского посла*; предполагалось усыпить гарнизон Шлиссельбурга, освободить Иоанна Антоновича и увезти его «за границу к родне». Екатерине же и наследнику сержант намеревался «в кушанье дать» отраву — например растворённый в пиве опиум. Третий же собеседник подошёл к делу наиболее прагматично: бедный отставник рассчитывал выманить у шведского дипломата 50 тысяч рублей и... отбыть в Париж. Но посланник тоже помнил исторический урок и платить отказался, поскольку Елизавета по воцарении нисколько не помогла Швеции¹³⁸. (Справедливости ради надо заметить, что гвардейцы занимались не только «политикой». В сентябре того же 1763 года военный суд рассматривал дело семёновского солдата Ивана Паутова, который прямо на карауле в новом Летнем дворце украл из кабинета императрицы денежный мешок с тысячей рублей, за что и был повешен¹³⁹.)

Тем же летом кирасир Яков Белов сокрушался: «Матушка де государыня жалует одну гвардию, а нас забывает; другие де полки хотят уж отказатца». Ста-

* В 1741 году Елизавета Петровна раздавала гвардейцам, возведшим её на престол, денежные награды из средств, взятых в долг у французского посла маркиза де Шетарди.

рый преображенский солдат Яков Голоушин жаловался: «Нас де армейские салдаты как сабаки сожрать хотят; не без штурмы де будет, вить де Иван Антонович жив». Сам гвардеец и его сослуживцы сочувствовали шлиссельбургскому узнику и даже жалели о свергнутом Петре III: «Бывшей государь был милостив и многих из ссылки свободил, да и Иван де Антонович выпустил было на волю; да и нам при нём хорошо было»¹⁴⁰.

Доносы и репрессии оказались не в состоянии пресечь «толки» в полках, на основании которых возникло не менее двадцати дел. Только из одного Преображенского полка в 1763 году были исключены за «продерзости» 17 солдат¹⁴¹. Гвардейцы осуждали возвышение Орловых, а вместе с ним и возможность нового переворота: «Не будет ли у нас штурмы на Петров день? Государыня идёт за Орлова и отдаёт ему престол»¹⁴². «Што ето за великой барин? — возмущался в марте 1764 года семёновский солдат Василий Петелин. — Ему можно тотчас голову сломить! Мы сломили голову и императору; мы вольны, и государыня в наших руках. Ей де года не царствовать, и будет де у нас государем Иван Антонович». Гренадеры-измайловцы Михаил Коровин и его друзья категорично заявляли: Орлов «хочет быть принцем, а мы и прочие етова не хотим»¹⁴³.

В апреле 1764 года, когда было объявлено о предстоящем путешествии Екатерины в Прибалтику, гренадеры-преображенцы обсуждали это событие: «Врят де быть походу; может де статья не хуже тово, что с третьим императором зделалось». А измайловцы отпускали в адрес государыни «скоромные непристойные слова» и считали возможным её свержение: «Всё триотца да мниотца, конечно де будет такая ж, как прежде, тревога». Следователи В. И. Суворов и

А. А. Вяземский убедились, что подобные разговоры были широко распространены, и даже просили у императрицы разрешения прекратить допросы, так как найти «точного развевателя» вредных толков было невозможно¹⁴⁴. О ходивших по столице слухах на счёт грядущих беспорядков писал и английский посол Бекингом¹⁴⁵.

Уже накануне отъезда Екатерины II в Ревель, в июне 1764 года конногвардеец Анисим Якимов донёс о «непристойных словах» преображенца Степана Андреева: «Как де государыня пойдёт в поход, так де Иван Антонович примет престол»; на это «уже две роты согласны, да согласиться надо нам всей гвардии». Точно в таких же словах обсуждали этот политический вопрос солдаты Суздальского полка: «И когда де преображенские и семёновские присягнут, то де и нам нечего делать». Начавшееся тут же следствие выявило большое количество таких «согласных»: в списке оказалось около ста человек¹⁴⁶.

Проходившие на протяжении 7—10 июня допросы установили наличие оригинального плана урегулирования династической проблемы: предполагалось, что Екатерина «примет принца и возьмёт его в супружество». Автором этой идеи оказался капитан-поручик Преображенского полка Семён Хвостов; он уже начал с этой целью собирать солдат-преображенцев «в свою партию», якобы от имени Екатерины. Гвардейцы полагали, что сама императрица желает таким образом «разведать мысли салдацкие». Реальная Екатерина лично вмешалась в дело — ей не давали покоя «скрытые замыслы» Хвостова. В особой записке она указала следователям допросить преображенца по пунктам и выяснить, почему тот говорил Орлову, что солдаты за него, а солдатам — о «принце»¹⁴⁷. За «необузданные свои мысли» Хвостов был

сослан в имение, а освобождён от ссылки только в 1798 году.

Вслед за ним под следствие угодили преображенские прапорщик Иевлев и капитан-поручик Соловьёв. Офицеры обсуждали борьбу придворных «партий» и полагали, что одни хотят на престол Павла, а другие — Иоанна, «только кто-то ково переможет?». При этом Иевлев верил, что заточённому принцу якобы уже присягнул Суздальский полк, а господа в каретах «езды к Ивану Антоновичу на поклон, которой живёт в Шлютельбурхе»¹⁴⁸.

За несколько дней до попытки освободить шлиссельбургского узника поступил донос о подозрительных разговорах измайловского сержанта Василия Морозова. Тот заявлял о какой-то «камисии» в полку, от которой «из наших офицеров один не постраждет ли», и сожалел об обидах «птенца Ивана Антоновича», о котором беседовал с регистратором Лаврентием Петровым, служащим в самой Шлиссельбургской крепости. Доклад об этом расследовании был подготовлен 2 июля; причём его руководители И. И. Неплюев и А. А. Вяземский почему-то решили не трогать болтливого чиновника¹⁴⁹. Находившаяся в Риге Екатерина это решение одобрила, что выглядит достаточно странно, особенно в свете случившейся в ночь с 4 на 5 июля попытки переворота.

Неудачное предприятие Василия Мировича, пытавшегося освободить узника Иоанна Антоновича, хорошо известно, хотя современники подозревали, что за подпоручиком Смоленского полка стояли «большие» персоны. Знал об этом и разбиравший в 1830-х годах секретные бумаги прошлых царствований министр внутренних дел Д. Н. Блудов: в докладе Николаю I он особо выделил существовавшее «нелепое заключение» о том, что Мирович был «подо-

сланный от правительства заговорщик»¹⁵⁰. Подозрения эти сопровождают «дело Мировича» вплоть до нашего времени. Однако приходится признать, что если такая провокация и имела место, то спрятана она была надёжно: никаких доказательств до сих пор не обнаружено.

Однако для нас более важным представляется то, что сама попытка Мировича родилась в атмосфере ожидания переворота и явилась материализованным выражением этого ожидания. Оказалось, что незнатный и никому не известный младший офицер без особых усилий смог увлечь за собой солдат из охраны важнейшей политической тюрьмы, а они были готовы подняться на мятеж по артельному принципу: «Куда де все, то и он не отстанет»; колеблющихся же убедили, прочтя самодельный манифест¹⁵¹.

Во всём прочем подпоручик собирался повторить действия самой Екатерины. С выкраденным из крепости Иоанном Антоновичем он рассчитывал прибыть в расположение артиллерийского корпуса, поскольку «во оных полках против прочих многолюднее и гораздо больше отважливее потому состоят, как из многих полков лучшие собраны». Так же, как и 28 июня 1762 года, предводитель заговорщиков намерен был прочитать заготовленный им манифест и провести присягу новому государю, затем послать офицеров с «пристойными командами» для захвата крепости и мостов, разослать в «нужные места» манифесты и увлечь за собой остальные полки¹⁵².

Шансы отчаянного подпоручика были ничтожно малы: у Мировича не было надёжных частей с сообщниками-офицерами. В полках, куда он намеревался привезти Иоанна Антоновича, наверняка нашлись бы верные присяге и более авторитетные командиры. Да и в гвардии награды и производства

в чины привели к появлению у Орловых сторонников; поэтому Григорий, по словам французского посла Луи Огюста Бретейля, вполне мог спроста заявить, «что гвардия испытывает к нему такое расположение, что если в течение месяца он захочет, он её (Екатерину. — И. К.) лишит трона». Но всё же устроить смятение с пальбой и паникой было вполне возможно, ведь преувеличенные толки о выступлении Мировича изображали реальное событие в виде случившейся в столице «реbellion» (мятежа) с избранием «нового наследника престола»¹⁵³. Да и сама императрица, как следует из её записки к Панину, опасалась волнений артиллеристов, поскольку «командир у них весьма не любим»¹⁵⁴.

На протяжении двух лет фигура «птенца Ивана Антоновича» настолько сконцентрировала на себе внимание всех недовольных новыми порядками и просто обойдённых судьбой, что в этом «силовом поле» он просто должен был погибнуть — или вернуть себе свободу и трон. Но для этого усилий Мировича было явно недостаточно, а выросший в изоляции принц не годился на роль графа Монте-Кристо. Счастливую для Екатерины особенность «послепереворотной» ситуации отметил пруссак Гольц ещё летом 1762 года: «Единственная вещь, которая благоприятствовала двору во время этих кризисных событий, это то, что недовольные, более многочисленные в действительности, чем все остальные, не имели никакого руководства». Законному претенденту сочувствовали рядовые и отдельные офицеры. Но у устранённого двадцать лет назад «принца» не было своей «партии» при дворе и связанных с ней надёжных исполнителей.

Смерть несчастного Иоанна III несколько разрядила обстановку. В качестве «претендентов» на пре-

стол теперь появлялись сумасшедшие вроде пытавшегося предложить Екатерине руку и сердце садовника Мартина Шницера¹⁵⁵. Политическая трагедия переходит в жанр бытовой трагикомедии: дедиловский воевода Иев Леонтьев поколачивал свою супругу со словами: «Ты меня хочешь извести так же, как государыня Екатерина Алексеевна своего мужа, а нашего батюшку. Он было повёл порядок обстоятельной, а ныне указы выдают все бестолковые, что не можно и разобрать»¹⁵⁶. Прапорщик Алексей Фролов-Багреев в расстройстве от «любвонной страсти» объявил товарищам: «Заварил кашу такую, которую если удастца съесть, то я буду большой человек, а если же не удастца, то и надо мной то же сделаетца, что над Мировичем». Друзья-картёжники тут же донесли; но на следствии сержант категорически заявил допрашивавшему его Панину, что замыслил всего лишь избить мужа своей зазнобы и увезти её¹⁵⁷.

Однако, несмотря на «высокоматерные щедроты» новой императрицы в виде денежных раздач и производства в чины, в Тайной экспедиции начиная с 1765 года появляются дела, в которых упоминается сын Екатерины Павел Петрович в качестве претендента на престол — опять-таки в той же столично-гвардейской среде. В 1769 году отставной конногвардейский корнет Илья Батюшков и подпоручик Ипполит Опочинин мечтали захватить карету императрицы на царскосельской дороге и постричь государыню в монастырь. Законным наследником друзья считали Павла; но Опочинин не исключал и того, что сам имеет право на престол: по словам его «мамки», он являлся сыном Елизаветы и английского короля, якобы приезжавшего в Россию инкогнито¹⁵⁸.

В том же году к следствию были привлечены преображенский капитан Николай Озеров и его

друзья — бывший лейб-компанец Василий Панов, отставные офицеры Ипполит Степанов, Никита Жилин и Илья Афанасьев. Заговорщики не просто ругали императрицу и её фаворита, критике подвергалась вся внутренняя и внешняя политика Екатерины. «Прямые сыны отечества» (так называли себя друзья) были возмущены тем, что не выполнены «при вступлении... разные в пользу отечества обещания, для которых и возведена на престол».

О каких обещаниях шла речь, не вполне понятно; но другие упреки звучали так: «народ весь оскорблён», «государственная казна растащена» и делаются заграничные займы, «не рассматриваны» полезные предложения Сената, «дано статским жалованье бесполезно», гвардия пребывает «в презрении», а Орловы за границу «пиревели через аднаво немца маора двадцать миллионов». Приятели-офицеры были недовольны тем, что в екатерининском «Наказе» «написана вольность крестьяном; это де дворяном тягостно, и буде разве уже придёт самим пахать». Наконец, они осуждали разрыв с Австрией, «с коею всегда было дружелюбие». Заговорщики планировали возвести на престол Павла, рассчитывая на то, что при нём земли дворянам раздадут «безденежно» и ликвидируют откупа, поскольку «винный промысел самый дворянский». Екатерину же они намеревались заточить в монастырь; а если бы она, как царевна Софья, пыталась вырваться оттуда, «во избежание того дать выпить кубок, который она двоим поднесла». Озеров накануне ареста даже успел приготовить план Летнего дворца¹⁵⁹.

В солдатских рядах появлялись и свои «зачинщики», не связанные с офицерами и вельможами. В 1771 году волновались солдаты-преображенцы: они предполагали, что Орловы замыслили «искоренить

гвардию», и хотели «посадить на царство Павла Петровича»¹⁶⁰.

В июне 1772 года обнаружился замыслы группы преображенских солдат-дворян во главе с капралом Матвеем Оловянниковым. Гвардейцы не только обвиняли Орловых, якобы собиравшихся принять десять тысяч армейских солдат «на наше место», но и хотели обратиться к Павлу с письмом (Екатерина приказала его разыскать) и предоставить ему престол. Однако в предвкушении удачи у молодых солдат голова пошла кругом. Оловянников считал возможным уничтожить наследника и тут же обвинить в этом императрицу, с целью оправдания её убийства, а затем самому занять трон: «А что же хотя и меня!» Своих друзей, из которых не все «умели грамоте», капрал заранее производил в генерал-прокуроры и фельдмаршалы¹⁶¹. Как выяснило следствие, подобные беседы продолжались около года и, вопреки обычному правилу, никто из их участников не донёс.

Екатерина была весьма обеспокоена: в папке с приговорами Тайной экспедиции хранятся восемь её собственноручных записок к Вяземскому по этому делу. Помимо двадцати двух основных участников, были арестованы ещё многие, и императрица стремилась любой ценой пресечь ходившие по столице слухи. Она приказала генерал-прокурору: «Александр Алексеевич, скажите Чичерину (генерал-полицеймейстеру. — *И. К.*), что если по городу слышно будет, что многие берутся и взяты солдаты под караул, то чтоб он выдумал бы бредню, чтоб настоящую закрыть. Или же и то сказать можно, что заврались», — и в то же время дала указание приготовить для арестованных помещения «за рекой», если места в крепости не хватит¹⁶².

Оловянников был лишён дворянства, выпорот кнутом на плацу перед полком, заклеимён буквой «З» (злодей) и отправлен в Нерчинск на каторгу; его сообщников сослали в сибирские гарнизоны. Екатерина не смогла сдержать удивления: «Я прочла все сии бумаги и удивляюсь, что такие молодые ребята стали в такие беспутные дела; Селехов старшей и таму 22 года...» Остальным участникам дела было 17—18 лет. Едва ли самодержице приходило в голову, что дерзость семнадцатилетних солдат была побочным результатом её же собственной инициативы по захвату власти. После этого она решила «гвардию колико возможно на сей раз вычистить и корень зла истребить»¹⁶³.

Но если «наверху» думали о Павле в качестве претендента на престол, то «внизу» наиболее популярным оказалось имя Петра III, которое принимали уже десятки людей. Вступил в силу механизм «нижнего» самозванства: образ безвинно изгнанного государя начал своё самостоятельное существование и доставил Екатерине II куда больше хлопот, чем его прототип. В 1765 году в этом качестве объявились беглые солдаты Гаврила Кремнёв и Пётр Чернышёв. Кремнёв обеспечил себе идеологическую поддержку со стороны группы попов, признавших его царское достоинство, и выдвинул «программу»: объявить свободу винокурения, «сложить» подушную подать и впредь заменить её натуральным сбором в два гарнца хлеба. Самозванец уже собирался «в Воронеже принимать корону», объявлял присягу, обещал возводить своих приверженцев в чины и наделять их «людьми». Желающие нашлись — приговоры были вынесены сорока двум сподвижникам Кремнёва, остальных пришлось наказывать выборочно — пороть каждого пятого.

В 1772 году в Дубовке на Волге выдавал себя за императора солдат Федот Богомоллов, имевший при себе такого же самозванного «государственного секретаря» — солдата Спиридона Долотина. При попытке возмутить казаков Богомоллов был схвачен, но даже сидя в царицынской тюрьме, настаивал на своём, показывал особые «знаки» на груди и вызвал неудавшуюся попытку мятежа. На суде самозванец показал, что Петром III «объявил о себе в пьянстве своём, без дальнего замысла», был наказан кнутом, «урезанием» ноздрей и по дороге на каторгу умер. Но уже в следующем году это имя «всклепали» на себя беглый каторжник Рябов и капитан оренбургского гарнизона Николай Кретов; последний на роль народного вождя не претендовал, а пытался действовать в духе гоголевского Хлестакова с целью раздобыть у легковверных оренбуржцев и ссыльных денег. Самым же знаменитым из нескольких десятков «императоров» стал донской казак Емельян Пугачёв, сумевший почти на равных сражаться за власть с Екатериной II в 1773—1774 годах. Страшный Пугачёвский бунт показал явную слабость местной администрации.

Манифесты и указы Пугачёва передавали народу землю со всеми угодьями и промыслами, призывали истреблять дворян, жаловали подданных «вечно казаками» и «вольностью без всякого требования в казну нашу подушных и протчих податей и рекрутскова набору, коим казна сама собою удовольствоватца может, а войско наше из вольножелающих к службе нашей великое исчисление иметь будет». По истреблении «злодеев дворян» должна была наступить счастливая эпоха: «...всякой может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет». Но в то же время повстанцы

возрождали существовавшие формы государственного устройства. Манифестом от 31 июля 1774 года «Пётр III» жаловал крестьян «быть верноподданными рабами собственной нашей короне», то есть переводил их на положение государственных. При крестьянском «императоре» работала «Военная коллегия», стремившаяся превратить повстанцев в регулярную армию с жалованьем, учениями, «отпускными билетами», наградами-медалями и орденом «Чёрной бороды». Сподвижники Пугачёва получали титулы и чины, практиковалась казённая продажа вина, повстанцы, вопреки обещаниям, проводили мобилизации в войско и принудительные реквизиции провианта и фуража.

На этом «фоне» не могло остаться безнаказанным появление самозванки, которая не только имела польское окружение (пленные и сосланные на Урал конфедераты принимали участие в Пугачёвском восстании, и императрица даже считала их истинными подстрекателями бунта¹⁶⁴), но к тому же претендовала на «родство» с Пугачёвым и начала самостоятельную игру — правда, как раз тогда, когда «польская интрига» себя исчерпала. Победоносное завершение Россией войны с Турцией похоронило надежды Барской конфедерации на помощь Стамбула, и её лидерам предстояло думать о собственном будущем. Осенью пути Елизаветы и Радзивилла разошлись.

Пока же русский флот и граф Орлов оставались надеждой самозванки — или просто проходной ставкой «на авось». Ведь она не предприняла ничего (да и едва ли могла что-то сделать), чтобы склонить на свою сторону одну из главных фигур начала екатерининского царствования. Она даже не попыталась вновь обратиться к Орлову — и под прежним име-

нем графини Пиннеберг отправилась из Дубровника сначала в Неаполь, а затем в Рим. «Княжну» сопровождала небольшая свита: brave шляхтичи Доманский и Чарномский, ксёндз Ганецкий и камеристка Франциска Мельшеде.

На пути к краху: Рим—Пиза—Ливорно

«Иностранная дама, родом из Польши, живущая в доме г-на Жуани на Марсовом поле, прибыла сюда в сопровождении одного польского экс-иезуита, двух других поляков и одной горничной служанки. Она платит за квартиру по 50 цехинов в месяц и 35 за карету; ни с кем не имеет знакомства и ездит прогуливаться в карете с закрытыми стёклами. На квартире её экс-иезуит даёт аудиенцию приходящим. Теперь он ищет для неё двух или трёх тысяч цехинов», — писали 3 января 1775 года о пребывании авантюристки в Риме польские дипломаты¹⁶⁵.

Уж что-что, а появиться эффектно, заинтересовать собой она умела. Скоро по Вечному городу поползли слухи о приезде то ли знатной польки, то ли русской или черкесской княжны. Однако это любопытство не приносило его объектам материальных дивидендов, а вокруг не было видно богатых рыцарей-поклонников, спешивших попасть в тенета прекрасной авантюристки, так что компании пришлось вновь занимать деньги для аристократического образа жизни. Правда, давать им займы тоже никто не спешил, и претендентке на российский престол пришлось закладывать имущество в ломбарде. Елизавета выклянчила 50 дукатов у представителя трирского курфюрста графа Ланьяско — но с помощью

этой подачи невозможно было решить её финансовые проблемы.

«Княжна» была готова просить у всех — и сочла наиболее подходящим на роль потенциального спонсора английского посла в Неаполе сэра Уильяма Гамильтона. Она написала ему трогательное письмо с рассказом о своих невероятных приключениях в Сибири и Персии с участием вельможи Разумовского. В новой версии Пугачёв больше не был её «братом» и стал донским казаком, который, однако, в юности был привезён Разумовским к царскому двору, был замечен её матерью-императрицей и отправлен на воспитание в Берлин. Там он, как в упомянутом выше романе, стал «хорошим генералом и математиком». Далее корреспондентка перечисляла многочисленные таланты донского казака: «...владеет большими познаниями, основательно знает военную тактику, имеет талант объединять людей, владеет народным языком, потому что сам происходит из донских казаков», — и делала вывод, что он является надёжной опорой её «партии». Для успеха правого дела ей необходимо провести переговоры в Стамбуле, ведь она точно знает, что мирный договор с Россией не утверждён; Пугачёв же, как следует из его писем к ней, ведёт успешные боевые действия, и лишь газетчики распространяют ложный слух о его разгроме и пленении. В заключение Елизавета просила сэра Уильяма дать ей рекомендательные письма к английским посланникам в Вене и Стамбуле, паспорт на имя госпожи Вальмоден и ссуду в размере семи тысяч цехинов под залог её имущества в графстве Оберштейн¹⁶⁶. Ответа она не получила.

Но претендентка не отчаивалась — обратилась за помощью к папской курии. В то время апостоль-

ский престол пустовал после смерти Климента XIV 22 сентября 1774 года, и уже несколько месяцев члены конклава сидели взаперти во дворце, избирая нового папу. Тогда она остановила свой выбор на влиятельном прелате — декане Священной коллегии кардиналов и протекторе Королевства Польского Алессандро Альбани, тем более что именно он считался наиболее вероятным преемником покойного папы. Ксёндзу Ганецкому удалось передать ему письмо нашей героини, и заинтересованный кардинал отправил к ней своего секретаря аббата Роккатани.

Не раскрывая своих планов, Елизавета сумела обаять аббата рассказом о своих путешествиях по Европе, знакомстве с положением дел в Польше и Пруссии и своими симпатиями, высказанными в отношении католических обрядов; словом, по мнению Роккатани, «доказала или свою мудрость, или большую ловкость, — не знаю, право, что об этом думать». Но в письме, переданном им кардиналу, его собеседница объявила о своих правах на российский престол и о своей миссии: само небо назначило ей венец «для благосостояния церкви и счастья народов».

Однако Альбани лишь поблагодарил её за доверие и пожелал дальнейших успехов. Тогда самозванка стала чётко отмеренными порциями выдавать информацию его посланцу, поддерживая интерес к своей особе. 8 января 1775 года Елизавета вручила Роккатани копии своих писем турецкому султану и графу Алексею Орлову. На вопрос о главных, с точки зрения Ватикана, фигурах русского двора — Никите Ивановиче Панине и братьях Орловых — она авторитетно пояснила: граф Панин, конечно, обременен карьерой её матери-императрице, но вряд ли сможет открыто принять её сторону; Орловы же —

люди низкого происхождения и не внушают ни уважения, ни доверия. Однако она уже дала Алексею Орлову указание привести флот в Ливорно, и тот его выполнил. Кроме того, она собиралась поскорее отделаться от своей польской свиты — её члены принадлежали к разным «партиям» и враждовали друг с другом, отчего она не чувствовала себя в безопасности.

Одиннадцатого января «княжна» предоставила аббату письма своего «жениха» лимбургского графа Филиппа Фердинанда и трирского министра барона фон Горнштейна — они должны были засвидетельствовать её респектабельность. При этом Елизавета обстоятельно пояснила, что условием брака граф поставил принятие ею католичества, а это, как собеседник конечно же понимает, закрыло бы ей дорогу к российскому трону. Но вот после утверждения у власти сделать всё возможное ради торжества святой веры и римского престола — это совсем другое дело. Елизавета уверяла кардинала в широкой поддержке её особы в России: «...все народы за нас» — и рисовала заманчивые для апостольской церкви перспективы: «...я буду только иметь счастье победить неприятелей, то не премину заключить договор с римским двором и употреблю все возможные средства, чтобы народ признал власть римской церкви». После столь соблазнительных обещаний можно ли было отказать «принцессе» в безделице — всего лишь замолвить за неё словечко перед епископом-курфюрстом Трирским, у которого она просит взаймы семь тысяч червонцев?

Четырнадцатого января аббату была вручена копия «завещания» императрицы Елизаветы Петровны. Во время беседы с Роккатани «принцесса» сообщила ему о своих планах: «Наконец я решилась объ-

явить себя со стороны Польши и отправиться в Киев; войска наши в 50 милях оттуда. Прежде сего я, было, долго колебалась; мне казалось, лучше отправиться чрез неаполитанские владения до Тарента (современный Таранто. — *И. К.*), переехать в Албанию, а потом сухим путём в Константинополь; ибо ныне вся Европа обратила взоры свои на Порту; но, с другой стороны, я вижу, сколь нужно пособить Польше»¹⁶⁷.

Но в объявленной «борьбе» за несчастную Польшу «принцесса» сочла нужным опираться не на неудачников-конфедератов, а на их противника — короля Станислава Августа Понятовского. Теперь она попыталась очаровать польского посланника маркиза Томмазо Античи. Дипломат совсем не стремился встречаться с сомнительной искательницей приключений, но его уговаривал аббат Роккатани. Авантюристка вещала монаху о том, как после свидания с польским королём, окружённая блестящим эскортом, она двинется в Турцию и представит свои планы султану. Там её опять ждёт успех, турки конечно же её поддержат, и торжествующая Польша через полгода восстановит прежние границы и станет процветать. Иначе и быть не может, ведь в Персии ей уже обещаны шестидесятитысячная армия и огромные средства! Что же до русской императрицы — то Елизавета, так и быть, милостиво оставит ей Петербург и кусочек Лифляндии!

Маркиз позволил уговорить себя и 16 января встретился с прекрасной «принцессой», которая произвела на него должное впечатление: «В разговорах её видны остроумие и сведения, особливо о политических делах нашего времени, о видах разных правительств, о переменах в Польше и вообще на Севере Европы. По-французски она говорит очень хорошо;

быстрота её мыслей и лёгкость выражений таковы, что человеку неосторожному она легко может вскружить голову. Она мне долго размазывала о своём положении, и всё клонилось к тому, чтобы заставить меня видеть в ней дочь русской императрицы Елисаветы, будто бы родившуюся от тайного брака с князем Разумовским, гетманом козаков; уверяла, что она воспитана в Персии родственником сего князя; что деньгами, из Персии полученными, произвела возмущение в народе русском для того, чтобы ей быть государынею бунтующих областей; что она имеет верные средства успеха и для сего отправляется сначала в Берлин, потом в Варшаву, где намерена вступить в переговоры с королём; что она может сообщить его величеству многое весьма важное для пользы его и Польши, а потому и просит моих советов и представления об ней королю. Мне было нетрудно отгадать лживость и цель сего романа. Могла ли быть воспитана в Персии молодая женщина, в которой всё обнаруживает и происхождение, и образование германское? Черты лица её совершенно немецкие; она знает французский язык, играет на арфе, прекрасно рисует, даже пишет красками, имеет необыкновенные знания в архитектуре; всё сие принадлежит не к персидскому, а, скорее, к немецкому воспитанию».

Романтичный рассказ завершился прозаичной просьбой: не мог бы маркиз ссудить её средствами — разумеется, исключительно для организации свидания с Фридрихом II и Станиславом Августом? Посол оценил способности бродячей «принцессы» — но, тем не менее, сделал вполне трезвый вывод: «Мне было ясно, что всё это сводится к тому, чтобы завладеть мной, а затем припереть меня к стенке, чтобы я дал денег». Учтивый дипломат делал вид, что верит

«восточной сказке», но в конце свидания постарался разъяснить собеседнице «несовершенство и невозможность исполнения её идеальных замыслов» и посоветовал ей поскорее удалиться от греха подальше в какое-нибудь «уединённое место».

«Принцесса» не уступала маркизу в любезности. «В собеседовании моём с вами я нашла в вас столько благородности, ума и добродетелей, что даже и по сие время нахожусь в океане размышления и удивления», — писала она Античи после неудачного свидания и вновь стремилась увлечь его перспективой возрождения былого величия Речи Посполитой, а заодно и поправить своё незавидное положение. Ведь не будет же посланник считаться с такой малостью, когда несчастное отечество претерпело несправедливый раздел! «Я ничего для себя не желаю, но хочу только иметь славу восстановления Польши, — зывала она к маркизу. — Я имею к тому средства, не замедлю доставить королю нужные суммы денег из Персии для ведения войны, с ним соединится и наш народ. Что же касается до короля прусского, я это принимаю на себя, и потому должно о сём подумать особо! Курьер, которого мы отправим в Константинополь, будет иметь депеши и в Персию. Увидавшись с королём, отправлюсь в польскую Украину, а едуци в Польшу, повидаяюсь также и с королём прусским; на пути же отсюда в Берлин будет мне довольно времени надуматься о депешах, кои он получил с нашим курьером; никто сего не будет подозревать, ибо все думают, что я отправляюсь в Германию в имперские земли. Какой бы ни приняли оборот дела наши, я всегда найду средство воспрепятствовать злу. Небо, поборающее нам, доставит нам успех, ежели станут нам помогать; в противном случае я оставляю всех и устрою для себя приятное убежище»¹⁶⁸.

В этих письмах и беседах самозванку несёт какой-то фантастический, лихорадочный поток сознания — сродни куражу Хлестакова из бессмертной гоголевской комедии «Ревизор», когда он рассказывал о том, как управлял департаментом и за ним посылали «тридцать пять тысяч одних курьеров».

Но дипломат не клюнул на изысканную лесть и денег не дал. Чувствительный аббат Роккатани был потрясен: блистательная *prinzipessa Elisabeta di Moscovia* делала указания монархам и раздавала престолы, как яблоки. «Не знаю, насколько я должен всему этому верить, но должен признаться, что эта женщина говорит логично, с удивительным пониманием, что она имеет громадные сведения, поразительную ловкость», — докладывал он своему начальнику в Ватикан. Однако кардинал не оказался впечатлительным — он всего лишь выразил Елизавете своё пожелание, чтобы Провидение руководило ею в осуществлении высказанных благих намерений.

Впрочем, главной героине этого действия, очевидно, было не до смеха: обстоятельства складывались скверно, и сама она к тому времени уже была серьёзно больна — очевидцы замечали «горячку» и припадки кашля. Очень возможно, что приступы «лихорадки» тоже способствовали появлению немислимых проектов Елизаветы.

Конец января принёс крушение всех надежд самозванки. 18-го числа трирский резидент в Риме категорически отказал ей в займе. 19-го она получила недвусмысленный ответ от Античи — маркиз посоветовал ей принять лучшее из возможных решений: «Итак, позвольте, чтобы я вам предложил избрать то самое намерение, которое я усматриваю в вашем письме, то есть, чтобы, оставя всякие планы, удалиться в приятное уединение. Всякое иное намере-

ние покажется для благомыслящих людей опасным и даже противным долгу и гласу совести; оно может даже показаться химерическим или, по крайней мере, источником бедствий». 24 января Роккатани принёс ответ кардинала Альбани на предложения «принцессы»: прелат получил подтверждавшие её происхождение «документы», но не поверил им, как не оценил и благородные намерения претендентки восстановить целостность Польши и обратить Россию в католичество. В ответ на жалобы на недостаток средств аббат сочувственно, но твёрдо заявил, что она не может рассчитывать на получение требуемых шести-семи тысяч червонцев ни от одного местного банкира. Банки векселей княжны не принимали¹⁶⁹.

Казалось, это был конец — и крайне унижительный: неучтивые займодавцы стали на улице останавливать её карету, начальник почт запретил выдавать нерадивой должнице лошадей из опасения, что она может скрыться. Ведавший хозяйством «принцессы» Ганецкий сбежал от гнева кредиторов, и она жаловалась, что её отдали в руки ростовщиков. «Последнюю из дома Романовых» и «восстановительницу» Польши ожидала банальная долговая тюрьма.

Вот здесь-то и подоспело неожиданное «спасение» в лице объявившегося в Риме Ивана Христианека, адъютанта графа Алексея Орлова. Учтивый офицер в штатском ненавязчиво расспрашивал о загадочной обитательнице дома на Марсовом поле и даже осмелился предложить ей свои услуги на предмет получения ссуды у банкира Дженкинса. Поначалу предложение было отвергнуто — то ли из-за боязни подвоха, то ли из-за того, что авантюристка с самого начала не включала в свои расчёты командующего российским флотом, вариант с его участием

не прорабатывала и была озадачена его неожиданным откликом.

Но ловкий адъютант оказался на высоте — он уверил «принцессу» в живейшем участии в ней своего начальника и письменно уведомил её о получении 27 января письма, в котором граф Орлов просил её о личной встрече. В октябре 1782 года Христинек, в то время уже подполковник и комендант Симбирска, рассказал путешествовавшему по России юному сыну Екатерины II Алексею Бобринскому «целую историю о той персоне, которая в Италии была и которая привезена была на кораблях в Петербург, где и скончалась». «Мне сказал, — зафиксировал в дневнике Бобринский, — что он из главных действующих лиц был, и что французский, испанский, швейский (шведский. — *И. К.*) и голстинский дворы писали к ней, и что деньгами её снабжали, что он успел все её бумаги схватить; что она прежде была в Голстинии, после в Польше, а оттуда поехала в Италию и именно в Неаполь; а оттуда приехала в Рим, откуда её и выманил он в Пизу, где её и повезли на кораблях; что с нею было два поляка, которых также повезли в Россию»¹⁷⁰.

Сама «принцесса» на следствии вспоминала, что посланец спрашивал её: та ли она особа, что послала письма и документы Орлову? Чем завоевал доверие претендентки бойкий адъютант — обещал ли поддержать её или просто намекал на недовольство Орлова порядками в Петербурге, — мы не знаем, но свою миссию он выполнил успешно. Во всяком случае, самозванка в беседе с аббатом оценила Христинека как человека «очень искреннего». Может быть, Елизавета не только увидела в нём очередного «спонсора», но и впрямь понадеялась на возвращение возможности играть прежнюю роль — или её и впрямь

ослеплял блеск российской короны. Она всё ещё не верила своему счастью, так внезапно материализовавшемуся из её завиральных идей. Но деваться, судя по всему, ей было некуда — кардинал Альбани в очередной раз отказал в просьбе выдать всего-то тысячу цехинов. И она решилась.

Елизавета едва ли даже подозревала, что стала объектом целенаправленной «охоты», хотя бы потому, что вообще не представляла себе реалий российской жизни. «Находясь на другом краю Европы, никогда того не воображала, чтоб быть ей в здешнем месте», — вырвалось у неё на одном из допросов во время следствия в Петербурге¹⁷¹. Между тем машина политического сыска пришла в движение. 12 ноября 1774 года императрица Екатерина II сообщила Орлову: «...Письмо, к вам написанное от мошенницы, я читала и нашла оное сходственным с таковым же письмом, от неё писанным к графу Н. И. Панину. Известно здесь, что она с князем Радзивиллом была в июле в Рагузе, и вам советую послать туда кого и разведать о её пребывании, и куда девалась, и если возможно, приманите её в таком месте, где б вам ловко было бы её посадить на наш корабль и отправить её за караулом сюда; буде же она в Рагузе гнездит, то я уполномочиваю вас чрез сие послать туда корабль или несколько, с требованием о выдаче сей твари, столь дерзко всклепавшей на себя имя и природу, вовсе несбыточные, и в случае непослушания дозволяю вам употребить угрозы, а буде и наказание нужно, то бомб несколько метать в город можно; а буде без шума способ достать есть, то я и на сие соглашаюсь».

Можно спорить, действительно ли Екатерина испугалась «побродяжки». Императрица отнюдь не была трусихой; хладнокровие сочеталось в ней с вы-

держкой и честолюбием. «Господин фельдмаршал! Если уж дело дошло до драки, лучше поколотить, чем быть самому побитым...» — ободряла она одного из своих военачальников. Государыня не была ни жестокой, ни мстительной; но при этом искренний патриотизм, добродушие и обаяние сочетались у неё с отсутствием угрызений совести и беспощадностью к соперникам в борьбе за власть. В этом смысле военная операция с применением «бомб» или «тихим» похищением её нисколько не смущала. К тому же не следует забывать, что за 12 лет правления Екатерина ещё не стала безусловно «великой» и бесспорной «матерью отечества», каковой была в конце своего царствования, а приведённые выше дела Тайной экспедиции показывают наличие не то чтобы очень сильной, но постоянно возникавшей угрозы очередного переворота. А ей ли не знать, чем может обернуться недооценка опасности? Вот её покойный супруг, «урод» Пётр III, до последнего дня царствования не верил, что может потерять трон... Если бы речь шла только о содержанке «беспутного» Радзивилла, можно было бы особо не беспокоиться; но эта «тварь» претендует на самостоятельную роль и пытается соблазнить её заграничное воинство!

Фигура Алексея Григорьевича Орлова для подобного поручения была как нельзя более подходящей. Он и его братья «сделали» переворот 28 июня 1762 года, приведший Екатерину к власти, и сами благодаря ему вышли в люди. За год офицер-артиллерист Григорий Орлов стал камергером, графом, генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом, кавалером орденов Андрея Первозванного и Александра Невского, поселился в царском дворце и получил во владение Гатчину и Ропшу. Его брат Алексей был назначен майором гвардии, получил чин генерал-лейтенанта;

с 1766 по 1796 год он имел особый ежегодный «пенсия» в 25 тысяч рублей. Помимо этого, братья Орловы стали крупными душевладельцами¹⁷²: сразу после переворота им были пожалованы 2929 крепостных; затем Григорий и Алексей в несколько приемов получили ещё ряд имений и в итоге после состоявшегося в 1768 году по их прошению обмена («перемены деревень» с дворцовым ведомством) в их собственности была 9571 душа¹⁷³.

Правда, «случай» Григория к 1774 году был уже позади — но виноват в этом был он сам. Иностранные дипломаты в донесениях дружно писали о его неспособности и нежелании вникать в дела. Английский посол Д. Бэкингам отмечал неотёсанность любимца императрицы и отсутствие у него вкуса, его пристрастие к охоте и развлечениям «в кофейнях, тавернах и за билльярдом»¹⁷⁴. Тот не знал французского языка и вообще стеснялся придворного обхождения, предпочитая ему «собак и охоту», мог при случае в изысканном кругу вельмож похвастаться, как в одиночку ходил на медведя¹⁷⁵. Лихой офицер не смог вписаться в образ фаворита новой эпохи, требовавшей образованности, внешнего лоска и деловых качеств. Григорий и его братья вполне годились для переворотной «акции» или боя, но не подходили на роль секретарей-помощников императрицы, почитателей идей Просвещения или поклонников изящных искусств. Однако Екатерина не только не рассталась с Григорием, но и направила карьеру преданных ей Орловых в нужное русло: на охрану трона. В 1764—1765 годах Григорий стал генерал-аншефом и подполковником Конной гвардии, шефом Кавалергардского корпуса и генерал-фельдцейхмейстером; Алексей — премьер-майором, а в 1767 году — подполковником гвардейского Преображен-

ского полка. За знаменитую победу над турецким флотом при Чесме (1770) он получил орден Святого Георгия 1-й степени. В память Чесменского сражения была выбита медаль, в царскосельском саду поставлен обелиск с изображением Орлова, на фарфоровом заводе сделаны вазы с его портретами и картинами боя...

В 1774 году Алексей Орлов возвращался к своему флоту после короткого отпуска в не слишком радужном настроении. Он переживал «отставку» с поста фаворита брата Григория, чьё место в постели императрицы занял его тёзка Потёмкин. Алексей Григорьевич не считал целесообразным дальнейшее пребывание русских моряков в Средиземноморье. Прусский посол Сольмс писал в Берлин в феврале 1774 года, что граф «вернулся из Москвы, куда ездил единственно для развлечения, и скоро вновь отправляется в архипелаг, хотя на этот раз против своего желания, ибо сам признаётся, что там нельзя сделать ничего существенного». Однако изменять «матушке», тем более находясь за тридевять земель, Алексей Орлов никогда не стал бы; точнее, это даже никогда не пришло бы ему в голову.

Но самозванку, похоже, не терзали раздумья о надёжности очередного героя, появившегося на её горизонте, — или она в очередной раз рассчитывала на чудесный случай и собственное очарование. Ведь в мире её представлений непременно должен был найтись благородный рыцарь, который восстановит попорченную справедливость и возведёт законную наследницу на трон. На худой конец — подарит несколько тысяч червонцев...

Алексей Орлов должен был, по её мнению, действовать подобно герою романа. К примеру, уже подзабытый нами Алфонс разыскал-таки предмет

своей страсти и схватился с её похитителем, говоря: «Ах, подлец! Должно, чтоб ты умер от руки моей». Противники «рассвирепели друг против друга». Тут к месту боя подоспели мавры, и раненый Алфонс едва спасся, спрятавшись в куче сухих листьев. Аврелия, не обнаружив своего спасителя, была безутешна. «“Ах, — сказала она, — я не могу удалиться от того, который жертвует своею жизнью для моего спасения!” Она хотела идти на помощь к Алфонсу и против сил своих сделать усилие, достойное любви её. Побуждаема будучи сим чувствованием, она желала быть взятою в плен, обиженною и убитою». Только мать Алфонса удержала его суженую от этого шага, а вскоре на помощь подоспели воины.

Защитников нежной Аврелии ждала награда: «Видя, что все вокруг её теснились, жались и старались её увидеть, она сказала им: “Успокойтесь, я хочу заплатить вам за вашу ко мне любовь. Подойдите ко мне один за другим”, — и стала обнимать всех с равною нежностью». Перецеловав своё воинство, она «приходит в расслабление и лишается чувств своих»¹⁷⁶.

Вероятно, примерно таким представляла себе Елизавета свой триумф с помощью сил, находившихся под началом Орлова. Реальное же российское воинство зимой 1774/75 года отдыхало по тавернам Ливорно, а его предводитель готовился к предстоящей операции. Необходимо было установить местонахождение самозванки, и Алексей Григорьевич стал рассылать на её поиски доверенных людей. Один из них пропал; другой добрался до Дубровника, но уже не застал там «принцессы». Командующему донесли, что самозванку тепло принимали в городе и, по словам офицера-очевидца, «как Радзивил<л>у, так и оной женщине великую

честь отдавали, и звали ево, чтоб он шол на поклон, но оный, услыша такое всклёпанное имя, поопасся итить к злодейке, сказав при том, что ета женщина плутовка и обманщица, а сам старался из оных мест уехать, чтоб не подвергнуть себя опасности».

Другая дама, обнаруженная на острове Парос, оказалась торговкой из Стамбула; «знаема была прежним и нонешным султаном по дозволенному ей входу в сераль к султаншам для продажи всяких французских мелочей... и оная прислана была точно для меня, чтоб каким бы ни быть образом меня обольстить и старатся всячески подкупать, чтоб я неверным зделался вашему императорскому величеству», — докладывал граф в Петербург 23 декабря 1774 года. Он обещал употребить все силы, чтобы найти беглянку и «оную достать обманом, буде в Рагузах оная находится; и когда первое не удастся, тогда употреблю силу к оному, как ваше императорское величество мне предписать изволили»¹⁷⁷.

На след «принцессы» навёл Орлова английский посол в Неаполе Гамильтон, у которого Елизавета безуспешно пыталась занять денег. Её письмо дипломат препроводил через Джона Дика, своего консула в Ливорно, прямо в руки Орлова.

Граф уже 5 (16) января 1775 года доложил императрице: его офицер напрасно проследовал из Дубровника за Радзивиллом — в Венецию князь прибыл один; от людей его свиты удалось узнать, что самозванка подалась в Неаполь. Но тут подоспело известие от Гамильтона: «известная женщина» просила у английского дипломата выписать ей паспорт в Рим. Орлов немедленно командировал туда своего генеральс-адъютанта Ивана Христинека — он должен был войти в доверие к загадочной барышне и уговорить её довериться графу. Кажется, Орлов пи-

сал это письмо второпях, так что даже перепутал год — вместо 1775-го поставил 1774-й¹⁷⁸.

Остальное оказалось не очень трудным, хотя и дорогостоящим делом. Елизавете удалось существенно поправить своё плачевное финансовое положение за счёт русской казны. Едва ли хотя бы ещё один самозванец обошёлся России так дорого. По подсчётам маркиза Античи, Дженкинс и Христинек уплатили по счетам «принцессы» 16 тысяч цехинов; ещё семь с половиной тысяч она даже отправила бывшему благодетелю Радзивиллу в Венецию¹⁷⁹. По своему обыкновению Елизавета не желала выглядеть обычной побирušкой — за услугу она царственно обещала Орлову помощь при римском или каком-нибудь другом дворе, благо подобные обязательства ей ничего не стоили — в отличие от расходов графа. В донесении от 14 (25) февраля 1775 года Орлов отметил, что свита его подопечной выросла до шестидесяти человек. Возможно, граф преувеличивал, ведь, надо полагать, содержание спутников «принцессы» оплачивалось из его кармана. Щедрая помощь русского вельможи сгубила Елизавету: считать деньги она, кажется, принципиально не умела и не могла отказаться от такого тороватого спонсора. Птичка сама шла в расставленные силки, и её коготок уже увяз в них. Самозванка колебалась недолго — уже 28 января она написала Орлову о готовности выехать к нему в Пизу и передать свою судьбу в его руки.

Теперь оставалось лишь эффектно покинуть не оправдавшую надежд римскую сцену. В тот же день Елизавета сообщила прижимистому кардиналу Альбани, что в средствах более не нуждается, так как собирается... оставить свет и уйти в монастырь; впрочем, она обещала и в дальнейшем доверять ему свои

сокровенные мысли. Правда, другим своим знакомым авантюристка выдавала иные версии. 5 февраля она уведомила маркиза Античи об отъезде в одно из своих немецких владений и отказе от всякой политической деятельности. Роккатани она сказала, что уезжает на шесть недель в Пизу, и на прощание подарила ему золотую шкатулочку с медальоном, изображавшим ворона и украшенным рубинами. «Если это комедия, — резюмировал аббат, — то она имеет столько затронутых здесь сторон, что удерживает зрителей в любопытстве»¹⁸⁰.

По словам Елизаветы, в Пизе она намеревалась переменить свою свиту — зачем ей теперь были нужны неудачники-конфедераты? Кажется, только Михал Доманский был готов идти за своей госпожой и любовницей до конца — он заявил в присутствии Роккатани, что станет во главе её войск, будет верен ей до последнего дыхания и даже готов сделаться отшельником, если она соберётся уйти от мира. Правда, на следствии он предпочёл менее героическую версию: называл свою даму «мнимой принцессой» и утверждал, что взялся сопровождать её в Рим в надежде получить обратно взятые им в долг и потраченные на неё деньги.

Конец романа

Приступ лихорадки опять свалил больную, но уже утром 11 февраля «княжна» со своей свитой выехала из Рима в двух экипажах. Христинек отправился чуть раньше, чтобы распорядиться о достойном размещении гостыи. Перед этим на паперти церкви Сан-Карло она раздала богатую милостыню — и обеспечила пересуды о своём отъезде. Римская публика

гадала, точно ли она, как говорили, была прежде любовницей Орлова и теперь возвращается к нему от Радзивилла. Более скептические и информированные наблюдатели, вроде аббата Роккатани и кардинала Античи, полагали, что Орлов умело привлекает недалёковидную «претендентку» в ловушку, но не пытались её предостеречь — разве это их проблема?

Пятнадцатого февраля Елизавета прибыла в Пизу под очередным звучным именем — теперь она называла себя графиней Зелинской. Её встретил сам командующий русским флотом на Средиземном море граф Алексей Григорьевич Орлов. Для знатной гостьи сняли дом. Командующий и его офицеры оказывали «графине» почести. Сам Орлов являлся к ней только в парадном мундире и при орденах и не садился в её присутствии. В сопровождении графа и его свиты дама посещала оперу и гулянья. Для неё, наверное, это время виделось воплощением мечты о независимости и власти, достойных её загадочного, но высокого происхождения; у её ног находился мужественный и решительный кавалер, готовый на всё ради своей дамы.

Орлов и вправду был именно таким героем — решительным, мужественным, ни бога ни чёрта не боящимся; в этом ему даже не надо было особо притворяться. Но служба есть служба, долг перед отечеством и императрицей превыше всего. Выполнив высочайшее поручение, циничный граф в донесении от 14 (25) февраля 1775 года отмечал слабости своего «противника»: «Свойство она имеет довольно отважное и своею смелостью много хвалится; этим-то самым и мне удалось её завести, куда я желал. Она ж ко мне казалась быть благосклонною, чего для я и старался пред нею быть очень страстен; наконец я её уверил, что я бы с охотой и женился на

ней, и в доказательство хоть сего дня, чему она, обольстясь, более поверила. Признаюсь, всемилостивейшая государыня, что я оное исполнил бы, лишь только достичь бы до того, чтобы волю вашего величества исполнить; но она сказала мне, что теперь не время, потому что ещё не счастлива, а когда будет на своём месте, то и меня сделает счастливым».

Вступила ли она с Орловым в любовную связь? Отчего бы и нет — надо же было как-то вознаградить героя за истраченные деньги и будущие подвиги. Правда, сам граф об этом обстоятельстве прямо не говорил, однако в недатированной записке к нему Елизавета недвусмысленно сообщила, что «желает его видеть; говорит, что всё её счастье от него зависит; а при том просит, чтоб он дал ей случай доказать ему её любовь, почтение и благодарность»¹⁸¹. Очень может быть, что она осуществила своё намерение. Не случайно граф приписал к этому письму, что обещанное имело место, «когда я был нездоров». Орлова, похоже, волновало: не будет ли «матушка» подозревать его в чрезмерном усердии и «страсти» при исполнении служебных обязанностей, тем более что при дворе всегда найдутся «доброжелатели» из враждебной «партии». Вот он и оправдывался в том, что его подопечная писала из Пизы уже во многие места о его преданности: «...И я принуждён был её подарить своим портретом, которой она при себе имеет, а естли захотят и в России мне недоброходствовать, то могут по етому придраться ко мне, когда захотят». Поклонник успел сунуть нос в бумаги своей «возлюбленной» и обращал внимание императрицы «на одного из наших вояжиров», то есть русских путешественников: «...легко может быть, что я и ошибаюсь; только видел многие французские письма без подписи имя, а рука, кажется, мне быть знако-

мая» (граф намекал на бывшего фаворита покойной императрицы Елизаветы, Ивана Шувалова, который в это время как раз пребывал за границей).

Орлов терпеливо выслушивал очередную версию «персидской легенды»: «Сказывала о себе, что она и воспитана в Персии, и там очень великую партию имеет; из России ж унесена она в малолетстве одним попом и несколькими бабами; в одно время была окормлена, но скоро могли ей помощь подать рвотными. Из Персии же ехала через татарские места около Волги, была и в Петербурге, а там через Ригу и Кенихсберг в Подстае была и говорила с королём Прусским, сказавшись о себе, кто она такая; знакома очень между князьями имперскими, а особливо с Триерским и с князем Голштейн-Лимбургским; была во Франции, говорила с министрами, дав мало о себе знать»¹⁸². Обратим внимание на то, что в этом варианте биографии уже появляются «великая партия» в Иране и оказавшиеся в курсе её дел прусский король Фридрих II и французские министры — предприимчивая «принцесса» отлично умела пускать пыль в глаза.

По законам жанра, влюблённая пара во главе верных матросов должна была отправиться на борьбу с узурпаторшей Екатериной. Итогом должна была стать победа бедной, но добродетельной и, главное, законной принцессы. Именно это и происходит в романе про Аврелию и её преданного Алфонса. С войском, «посреди радостных восклицаний и народных благословений» Аврелия вступила на леонский престол. «Весь народ идёт в её палаты вручить ей сию должность, обещает ей повиновение, уважение и добровольное почтение. “Царствуй над нами, — говорил он ей, — будь нашим утешением по примеру своих предков, которые достойны нашего сожаления»

ния для того, что хорошо нами управляли”. — “Ах, народ, — сказала Аврелия, — народ, столь много достойный любви, не напоминай мне о сей должности. Увы, я из благодарности должна оную к вам оказывать, но естли я могу сие чувствование ещё более увеличить, то вы увидите, сколько я об оном стараться буду”».

Однако в это самое время беспородный, но благородный Алфонс, разделавшись с принцем-злодеем, попадает в ещё более опасную переделку. Отправившаяся в очередной раз на его поиски принцесса обнаружила своего рыцаря борющимся со страшным хищным зверем. Она неосторожно бросилась на помощь своему избавителю — и тем самым ещё усугубила ситуацию: зверь «подмял уже под себя Аврелию и, казалось, растерзал её чрево». Но герой не оплошал, «и они... умертвили сего животного». На фоне поверженного хищника произошло жаркое объяснение. Теперь инициатива мезальянса исходит не от скромного деревенщины Алфонса, а от королевы Аврелии: «“Ах, любезный Алфонс, правда, оно (королевство. — *И. К.*) мне принадлежит; я сделана оно-го государынею и могу управлять им, но владеть оным без тебя было бы отказать мне в удовольствии быть владительницею оно-го. Нет, я не могу жить довольною, естли не разделю с тобою сего престола”. Тогда оба они начинают плакать и находят в сём некоторое тайное удовольствие»¹⁸³.

Встретившиеся в живописной Пизе в феврале 1775 года вельможа-полководец и прелестная «принцесса» также заверяли друг друга в своих чувствах. Орлов объяснялся в любви и предлагал руку и сердце; Елизавета благодарила, но не соглашалась их принять: ей предстоит рискованный путь, и только после получения родительского престола она может

осчастливить своего избранника! Только думали оба совсем об ином. «Страстный» граф стремился выполнить тайный приказ своей государыни, но, кажется, несколько переоценил свои способности. «Обольщение» было не таким уж безоглядным, и «принцесса» не спешила разделить судьбу со своим рыцарем. В уже цитированном рапорте Алексей Григорьевич доложил, что самозванка не собиралась в Россию, а «намерена была ехать отсель в Константинополь прямо к султану, и уже один от её самой верной человек туда послан».

Если предположение Орлова верно, следовательно, Елизавета и не думала лично «бунтовать» флот, а намеревалась предоставить эту возможность новому поклоннику. Сама же она, воспользовавшись его щедростью, предпочитала подождать результатов и отбыть — но только не в Турцию, куда она явно не собиралась и куда никого из своих приближённых на самом деле не посылала. Граф, конечно, был мужчина видный, но стоило ли при таком раскладе выходить замуж? Что, если его попытка добыть для прекрасной дамы престол закончится провалом? Резоннее пообещать соединить с ним свою судьбу после того, как трон будет завоёван.

В таком случае понятно становится и стремление Орлова как можно скорее арестовать «претендентку», чтобы не искать её потом по всей Европе или, не дай бог, Востоку. Если бы Елизавета хотела плыть с ним, можно было бы и дальше ломать перед ней комедию и не устраивать грубого похищения иностранки на территории Великого герцогства Тосканского.

Но поскольку «принцесса» могла в любой момент отбыть в неизвестном направлении, с проведением операции по её захвату следовало торопиться. 20 февраля 1775 года, явно по сговору с Орловым,

английский консул в Ливорно Джон Дик письмом вызвал его к себе для разбирательства инцидента, якобы имевшего место между русскими и английскими чиновниками. Естественно, граф, не желавший разлучаться с Елизаветой, предложил ей поехать с ним, а заодно и осмотреть победоносный русский флот, которому вскоре предстоит действовать в защиту её прав на престол. Визит предполагался скоротечным — а потому стоило ли брать ненужную свиту? В итоге утром 11 (22) февраля 1775 года на увеселительную прогулку в Ливорно с «принцессой» и её кавалером отправились неразлучные шляхтичи Чарномский с Доманским и слуги: камердинеры поляков Иосиф Рихтер, Ян Лабенский и Иоганн Кальтфингер, а также состоявшие при самозванке два итальянца — Джеронимо Маркезини и Джованни Анчиолли и её служанка Франциска.

Прибыв в находившийся неподалёку от Пизы город-порт Ливорно, граф и его гости остановились в доме английского консула. На следующий день по договорённости с Орловым Джон Дик организовал для прибывших обед, на котором присутствовали также супруга консула и контр-адмирал русского флота Самуил Грейг с женой. Чесменский победитель представил консулу и его гостям свою даму, не называя, однако, её имени. Итальянская природа, отменная кухня, блестящее общество... словом, обед удался. «Принцесса» была счастлива: с ней обращались как с весьма важной особой; рядом с ней находился прославленный полководец и вельможа, бросающий на неё страстные взгляды.

Умело направляемая беседа вскоре потекла в нужном русле: речь зашла о русском флоте. Дама сама изъявила желание посмотреть на корабли — вероятно, ей ненавязчиво подсказали эту мысль. Коман-

дующий предложил присутствующим прогулку к морю; леди Дик и супруга адмирала отказались, и на пристань отправились сам Орлов, его спутница с друзьями-поляками и адъютант Христинец. Вся компания была шлюпкой доставлена на 74-пушечный адмиральский корабль «Святой великомученик Исидор». Елизавету подняли на палубу на обитом бархатом кресле. С набережной за церемонией встречи наблюдала толпа.

Шканечный журнал* корабля зафиксировал вступление гостей на борт 12 февраля (по юлианскому календарю) в 16 часов 30 минут: «Прибыл на корабль “Исидор” его сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов и с ним дама 1 и при ней служанка 1, господа Михайло Домонский, Ян Черновский, при оных слуг 5, и для прибытия выпалено с каждого судна по 13 пушек». Под грохот салюта общество встретили контр-адмирал Грейг и офицеры в парадных мундирах. Гостям подали угощение и пригласили обозреть морские «упражнения». Корабль «Александр Невский» по сигналу «стал производить пушечную экзерцицию пальбою, выпалено из 70 пушек. По приказанию его сиятельства привезены были с корабля “Мироносиц” егари, и как оными, так и гвардиею начали производить ружейную экзерцицию с пальбою».

Под звуки оркестра «принцесса» наслаждалась необычным зрелищем и не заметила, как Орлов и Грейг покинули её. Сказка закончилась: «В 6 часов отбыл с корабля “Исидор” его сиятельство в Ливорн,

* Шканечный журнал (от шканцев — самого верхнего помоста в кормовой части парусного судна, где находились вахтенные офицеры) — вахтенный; в него заносились в хронологическом порядке все события, происходившие на судне.

и по приказанию его прибывшие с ним означенные персоны и их прислуги взяты за арест»¹⁸⁴. Подошедший со своими людьми капитан гвардии Литвинов потребовал от поляков, а заодно и орловского адъютанта Христинека (для создания иллюзии непричастности графа к инциденту) сдать оружие и заключил их и Елизавету под стражу. Возмущаться было бесполезно — капитан сослался на приказ адмирала и лишь дал понять, что Орлов также арестован. Затем Елизавету и её горничную отвели в одну из кают, Доманского и двух слуг перевезли на «Святых жён Мироносиц». Чарномского и двух слуг — на «Александра Невского», ещё одного — на «Всеволода». В это же время люди Орлова захватили архив и вещи самозванки в Пизе; уцелела лишь небольшая часть её документов, вывезенная в Польшу оставшимися в доме «княжны» близкими ей людьми или слугами. Однако и они в 1819 году были доставлены в Россию, рассмотрены упомянутым Д. Н. Блудовым и в итоге также попали в архив Коллегии иностранных дел, где хранились следственное дело и прочие бумаги «известной женщины»¹⁸⁵.

Хорошо спланированная и чётко осуществлённая операция по захвату самозванки делала совершенно излишней инсценировку с подложным венчанием Орлова и «принцессы», в которой будущий основатель Одессы Иосиф де Рибас якобы играл роль священника, а нетрезвые матросы — дьякона, дьячка и певчих¹⁸⁶. Подобные рассказы — со смещением дат (1772 год вместо 1775-го) и другими романтическими подробностями, вроде корабля, уносящегося во время парадного обеда от берега, — появились уже позже, когда суховатая правда начала обрастать легендами. Алексей Орлов, впрочем, не постеснялся бы организовать и такое шутовское действо. Но оно

имело бы смысл, только если бы надо было разыгрывать самозванку и дальше, чтобы она во время плавания не подозревала об истинных целях её пребывания на борту. Но, как мы помним, Елизавета никуда плыть не собиралась. Разыгрывать же сцену венчания только для того, чтобы тут же арестовать мнимую новобрачную, было совершенно излишним издевательством, к постановке которого нужно было приложить определённые усилия.

Конечно, в любом романе нельзя обойтись без кульминации, в которой влюблённые не только отбиваются от врагов, но и героически преодолевают препятствия к воссоединению. Так и Аврелия с Алфонсом, придя в чувство и объявив о своих намерениях, обнаружили, что не дикие звери и не мавры оказались самым высоким барьером, преграждавшим путь к их счастью. Знать не приняла Алфонса: «...некоторые вельможи над ним насмеются, наконец, от простых усмешек доходят до жесточайших угроз и величайшей ревности. Они хотят убить его, если он сделается их государем». Алфонс чудом остался жив после совершённого на него покушения и удалился к себе в деревню, а прекрасная королева «весьма похудела от горести и лишилась почти своего здоровья». Тщетно она уговаривала «знатных» вернуть спасителя отечества — те желали отделаться от него деньгами, не помогло даже заявление королевы: «...одно моё сердце может быть ему приличным награждением». В отчаянии она желала навсегда оставить государство. Но верная подруга, гранадская принцесса, дала ей дельный совет: раз дворянство «раздражено» против Алфонса, то остаётся одно средство — сделать его недосыгаемым для зависти, лучше всего — монархом. А потому надо объявить о предстоящей свадьбе Аврелии с настоя-

щим государем — отцом этой самой подруги, гранадским королём, но на церемонию бракосочетания явится именно Алфонс. Она же берётся уговорить престарелого папеньку передать настоящему жениху королевский титул. Так и сделали. Против этого брака знать не возражала, а после венчания старый монарх объявил, что женился на Аврелии вовсе не он, а молодой король Алфонс. «Когда всё было исполнено и все казались довольными, то Аврелия и Алфонс ничем более не занимались, как старанием о благополучии их государства». При этом хозяйственный Алфонс не забывал и о соседней Гранаде, куда постоянно наведывался, «отправлял свою должность и сделал много удивления достойных дел, ежедневно издавал полезные законы, уменьшал подати и награждал заслуги»¹⁸⁷.

Развязка скоротечного романа реальных персонажей была совсем иной. Едва опомнившись, Елизавета составила Грейгу письмо с протестом против совершённого насилия, на что адмирал как исправный служака отвечал, что действует по распоряжению верховной власти. Единственное, что она могла ещё сделать — написать Орлову... Кажется, надежда ещё не оставила пленницу. Елизавета думала, что влюблённый граф освободит её из ужасного положения, и обещала сохранить свои чувства к нему.

Скоро ей принесли ответ его сиятельства на немецком языке. Он был чувствительным и оставлял надежду на лучшее: «Ах! Вот где мы не чаяли беды! При всём том надо быть терпеливым. Всемогущий Бог не оставит нас. Я нахожусь при подобных же обстоятельствах, как и вы, но надеюсь получить свободу через дружбу своих офицеров». В утешение своей жертве — или для того, чтобы она не подумала наложить на себя руки — граф выдумал целую исто-

рию своего неудавшегося побега: «...адмирал Грейг из приязни ко мне хотел дать возможность бежать и сказал мне, что я должен как можно скорее вернуться на материк. Я спросил у него причину этого, тогда он сказал, что получил приказ арестовать меня и всех находящихся со мной. Когда я уже незаметным образом проехал мимо всех наших кораблей, в ту же минуту увидел два судна перед собою и два позади, которые гребли прямо на меня. Я увидел, что дело плохо, и приказал грести изо всех сил на людей, что мои люди и сделали. Я думал пройти мимо, но одна из шлюпок села на мель, и моя должна была натолкнуться на неё, что случилось и с другой шлюпкой. Я был окружён. Я спросил, что бы это могло значить, и увидал всех людей пьяными, хотя отвечавшими мне с большою вежливостью, что имели приказ попросить меня на другой корабль, где находились немногие из моих офицеров и солдат. Когда я прибыл туда, то ко мне подошёл командир и со слезами на глазах объявил мне арест».

Байка о верных своему начальнику, но неуклюжих «людях», не сумевших уйти от преследования пьяных, хотя и исключительно вежливых матросов, похожа на анекдот; но, видимо, в тех обстоятельствах Алексей Григорьевич не смог придумать ничего лучше. Отчаянный и не слишком шепетильный граф, кажется, чувствовал себя неловко — может быть, потому, что играл несвойственную ему роль дамского угодника и понимал несоизмеримость сил и малую доблесть победы своего воинства над недалёкой и беспомощной барышней. Англичанин Джон Дик рассказывал, что Орлов пришёл к нему утром 23 февраля расстроенным после дурно проведённой ночи и попросил какую-нибудь занимательную книжку из консульской библиотеки для его корабельной плен-

ницы. Её же он просил «заботиться, насколько возможно, о своём здравьи» и намекал на некий шанс: «Как только я получу свободу, то буду разыскивать вас по всему свету и служить вам. Вы только должны заботиться о себе, о чём я вас прошу всем сердцем». «Целую от всего сердца ваши ручки», — закончил граф письмо, сидя отнюдь не под арестом, а в своей резиденции в Ливорно¹⁸⁸.

14 (25) февраля 1775 года эскадра под командованием контр-адмирала Самуила Грейга вышла из гавани Ливорно. Жители были обескуражены таким завершением российского присутствия в их городе, да и тосканский герцог Леопольд пребывал в неудовольствии; но эти мелочи Орлова совершенно не волновали. На следующий день пробывший сутки под мнимым арестом Христинек был отправлен в Россию с бумагами самозванки и уже цитированным выше донесением о её захвате: «Угодно было вашему императорскому величеству повелеть доставить называемую пренцессу Елизавету, которая находилась в Рагузах; я со всеподданническою рабскою моею должностью, чтоб повеленьи вашего величества исполнить, употреблял все мои возможные силы и стараньи и щестливым теперь зделался, что мог я оную злодейку захватить со всею её свитою на корабли, которая теперь со всеми с ними содержится под арестом на кораблях и рассажены по разным кораблям».

Автор не преминул подчеркнуть свою роль в выполнении ответственного поручения с угрозой для жизни: «Признаюсь, всемилостивейшая государыня, что я теперь, находясь вне отечества в здешних местах, опасаться должен, чтоб не быть от сообщников сей злодейки застрелену или окормлену». По его мнению, угроза эта могла исходить прежде все-

го от иезуитов, каковые «с нею некоторые были и остались по разным местам, и она из Пизы уже писала во многие места о моей к ней привязанности». Исполнительный граф приложил к донесению свою переписку с пленницей — «полученное мною здесь письмо из-под аресту, тож каковое она писала и контр-адмиралу Грейгу на рассмотрение». Надо было обезопасить себя от происков недоброжелателей при дворе, которые могли внушать императрице сомнения в верноподданности его сиятельства. Для этого Алексею Григорьевичу следовало самому посвятить государыню во все детали, выставив свои действия в выгодном свете: «...и она по сие время ещё верит, что не я её арестовал, а секрет наш наружу вышел; то ж и у неё есть моей руки письмо на немецком языке, только без подписания имени моего, и что я постараюсь выйти из-под караула, а после могу и её спасти».

Елизавета всё ещё надеялась на благополучный исход, ведь до сих пор фортуна была к ней благосклонна и она выбиралась невредимой из всех передряг. Но на этот раз удача отвернулась от нашей героини и она была в отчаянии. Адмирал доложил Орлову, а тот сразу же уведомил императрицу о поведении пленницы: «...была во всё время спокойна до самой Англии, в чаении, што я туда приеду; а как меня не видала тут и писма не имела, пришла во отчаение, узнав свою гибель, и в великое бешенство, а потом упала в обморок и лежала в беспаметстве четверть часа, так што и жизни её отчаелись; а как опаметовалась, то сперва хотела бросится на аглицкия шлюпки, а как и тово не удалось, то намерение положила зарезаться или в воду бросится, а от меня приказано всеми образами её остерегать от оного и как можно беречь». Старый морской волк Грейг жало-

вался начальнику, «што он трудней етой комиссии на роду своём не имел». К тому же что инцидент получил огласку, и любопытные англичане «из Лондона и других мест съехались, чтоб её видеть, и хотели к нему на корабль ехать», точно для осмотра экзотического чудища. А адмирал «от аглицких берегов с поспешностью принуждён был прочь итить»¹⁸⁹.

Её роман был закончен — спасти несчастную «принцессу» никто не собирался.

Глава третья
**ГОСУДАРЫНЯ И САМОЗВАНКА:
ДАМСКИЙ ПОЕДИНОК**

*Голицын. Так кто же вы?
Княжна. Не знаю и не знаю.*

И. В. Шпажинский.
Самозванка (княжна
Тараканова). СПб., 1904

«Принцесса» в клетке

Алексей Орлов успешно выполнил своё задание, и отныне судьба самозванки перешла в другие руки. 22 марта 1775 года Екатерина II из Москвы отправила послание главнокомандующему в Петербурге фельдмаршалу А. М. Голицыну. В нём сообщалось, что Грейг с флотом уже 35 дней как вышел из Ливорно и «при вскрытии вод» должен скоро прибыть в Ревель (Таллин. — *И. К.*) или Кронштадт. Императрица выражала надежду, что адмирал поспешит, ведь он «везёт на своём карабле под караулом женщину ту, которая, разъезжая повсюду с беспутным Радзивиллом, дерзнула взять на себя имя мнимой дочери покойной государыни императрицы Елисавет Петровны» и которую Орлову «удалось изловить». «Итак, воля моя есть, — продолжала государыня, — чтоб вы, буде Грейк в Кронштат приедет, женщину сию приказали принять и посадить её в Петропавловской крепости под ответом обер-коменданта»¹⁹⁰.

Если же адмирал вынужден будет из-за погодных условий пристать в Ревеле, то и там для пленницы надлежало подыскать надёжное место заключения.

Сама Екатерина в это время вместе с двором находилась в старой столице. Там собрался цвет российского дворянства — на торжества по случаю победы в Русско-турецкой войне, отсроченные из-за Пугачёвского восстания. У императрицы были и особые, личные причины для радости — она наконец-то обрела счастье с Григорием Потёмкиным. Новый фаворит недавно стал генерал-адъютантом и мужем государыни, генерал-аншефом, новороссийским губернатором, президентом Военной коллегии и членом Совета при высочайшем дворе. С ним Екатерина обсуждала важные детали семейной жизни — устройство своих и его покоев в спешно отделывавшемся дворце у Пречистенских ворот, ведь из-за грандиозных строительных работ, начатых в Кремле архитектором В. И. Баженовым, жить там стало неудобно.

Императрица готовилась достойно отметить победу над Турцией. В письме своему многолетнему корреспонденту, немецкому барону Фридриху Гримму, она рассказала о своих планах организации торжества: «Был составлен проект празднеств, и всё одно и то же, как всегда; храм Януса да храм Бахуса, храм ещё... Я рассердилась на все эти проекты и вот в одно прекрасное утро приказала позвать Баженова, моего архитектора, и сказала ему: “Любезный Баженов, за три версты от города есть луг; представьте, что этот луг — Чёрное море и что из города две дороги; ну вот, одна из сих дорог будет Танаис (Дон), а другая — Борисфен (Днепр); на устье первого вы постройте столовую и назовёте Азовом; на устье второго — театр и назовёте Кинбурном. Из песку сде-

лаете Крымский полуостров, поместите тут Керчь и Еникале, которые будут служить бальными залами. Налево от Танаиса будет буфет с угощением для народа; против Крыма устроится иллюминация, которая будет изображать радость обоих государств о заключении мира; по ту сторону Дуная пущен будет фейерверк, а на месте, имеющем изображать Чёрное море, будут разбросаны лодки и корабли, которые вы иллюминировать; по берегам рек, которые в то же время и дороги, будут расположены виды, мельницы, деревья, иллюминированные дома, и, таким образом, у нас выйдет праздник без вычур, но, может статься, гораздо лучше многих других»¹⁹¹.

Двадцать первого апреля Екатерина отметила день рождения — как полагалось, с торжественной проповедью московского митрополита Платона, 101 залпом пушечного салюта на Красной площади, приёмом и балом в Пречистенском дворце. «Милуша, я весела, я не сержусь, да и не за что. Гришенька премилый, вчерашний день не выключу из числа дней счастливых, ибо кончился весьма приятно. Хотя бы и впредь бы так было. Я, душенька, буду уступчива, и ты, душа моя, будь также снисходителен, красавец умненький. Портрет я тебе дам в мирное торжество. Наперёд тебе сказываю для избежания недоразумений. *Adieu, mon bijou, mon coeur**, муж дорогой», — писала она своему возлюбленному на следующий день, обещая ему драгоценную награду — свой миниатюрный портрет, осыпанный бриллиантами¹⁹². На балу государыня не танцевала и была одета в широкое русское платье: она была на шестом месяце беременности, что для непосвящённых являлось государственной тайной.

* Прощай, моя прелесть, мое сердце (фр.).

Столь же секретными были и распоряжения Голицына. Между Петербургом и Ревелем началась переписка, и эстляндский вице-губернатор Иоганн Сиверс доложил, что для новой арестантки приготовлены в Ревельской крепости те же «покои», в которых несколько лет назад был заточён и скончался выступивший против секуляризации церковных земель ростовский митрополит Арсений Мацеевич. Но побывать там Елизавете не довелось — 11 мая 1775 года линейный корабль «Святой Исидор» с пленницей на борту прибыл в Кронштадт, где ей пришлось пробыть какое-то время: строго исполняя отданный Орловым приказ, Грейг продемонстрировал характер — отказался передать свой секретный «груз» Голицыну до предъявления им собственноручного указа императрицы.

Фельдмаршал вынужден был подчиниться и ждать соответствующей бумаги из Москвы. 16 мая Екатерина дала соответствующее «именное повеление» (вместе с объявлением адмиралу «высочайшего благоволения»), и через пять дней Голицын подписал инструкцию капитан-поручику гвардии Александру Толстому о приёме арестантки и прибывших с ней лиц. Всех членов компании надлежало по отдельности, чтобы не допустить разговоров, под «особым караулом» доставить ночью в Петропавловскую крепость. Особое внимание следовало уделить привезённой женщине, за которой требовалось «прилежнейшее смотрение иметь», а также во избежание попыток суицида проверить и отобрать все предметы, «чем человек может вредить».

Видимо, подготовка к операции заняла ещё некоторое время. Лишь 26 мая Толстой рапортовал, что принял женщину и её спутников, препроводил их со всем «экипажем» на адмиральской яхте в крепость и

сдал под расписку коменданту¹⁹³. В два часа ночи Елизавета была помещена в главную российскую тюрьму — Петропавловскую крепость, откуда ей уже не суждено было выйти. Вместе с ней в Алексеевском равелине* оказались её спутники — польские дворяне Доманский и Чарномский, пятеро слуг и служанка Франциска.

Впрочем, в России всё секрет, но ничто не тайна. Уже 19 июня английский посол сэр Роберт Ганнинг сообщил в Лондон, что в крепости содержатся «в величайшей тайне» женщина, выдающая себя за дочь императрицы Елизаветы и графа Разумовского, и её свита из восьми человек. Никаких сомнений в самозванстве этой особы у дипломата не было: «Достоверно, что она обманщица, и она так плохо ознакомилась с историей, которую её научили рассказывать, что ложь её показаний выступает при малейшей проницательности». Ганнинг полагал, что этот персонаж был выведен «на сцену несколькими лицами в Польше с одобрения французского двора»¹⁹⁴.

К сожалению, точно неизвестно, где именно содержали новую узницу. Равелин отделялся от основной части укреплений рвом с водой (засыпанным в конце XIX века) и стал на долгие годы скрытой от глаз посетителей тюремной частью крепости. Там имелись мрачные «казаматы», в которых находились кровати, «тюфяки с мочалом», подушки, «одеяла набойчатые», «столы простые», стул и «ношник жестяной»¹⁹⁵ — в камере постоянно должна была гореть сальная свеча. Но рядом была построена более бла-

* Алексеевский равелин — внешнее укрепление Петропавловской крепости, заложенное в 1733 году в честь царя Алексея Михайловича. Впоследствии построенный (1797) внутри Алексеевского равелина Секретный дом являлся (до 1884) политической тюрьмой с особо жестоким режимом.

гоустроенная деревянная тюрьма. Составленная в 1794 году поручиком Павлом Иглиным опись свидетельствует о наличии комнат, меблированных креслами, кроватями с перинами, комодами, ломберными столиками; столы, покрытые скатертями, могли сервироваться серебряными столовыми приборами, использовавшимися, очевидно, для трапезы, состоявшей из блюд, готовившихся на особой «офицерской кухне».

К сожалению, автор описи не указал, предназначались ли эти апартаменты для самих сотрудников тогдашнего главного следственного органа «по особо важным делам» — Тайной экспедиции Сената — или для особо важных заключённых. Но уж точно для арестантов предназначались прочие «нумера», разбитые в описи на четыре категории: от «многокомнатных» помещений с перегородками, зеркалами, посудой и «столовым бельём», кроватью за «занавескою» — до камер с «обстановкой», состоявшей только из кровати с тюфяком, и «казаматов», где из удобств имелось «всё простейшее»¹⁹⁶. Впрочем, как следует из донесения Голицына, хворавшую узницу через несколько дней переместили из рavelина «в находящиеся под комендантским домом покои, также от виду посторонних удалённые».

Императрица в это время переехала из Москвы в загородный дворец в Коломенском. В конце мая Екатерина совершила путешествие в Троице-Сергиеву лавру, причём прошла по дороге шесть вёрст пешком, о чём с гордостью сообщила супругу. Она писала Потёмкину не только о семейных радостях, но и о государственных заботах: о ратификации мирного договора с султаном и предстоящей ликвидации Запорожской Сечи, о манифесте о забвении Пугачёвского бунта и прощении его участников, о сбавке

цены на казённую соль, устройстве воспитательного дома, разработке положений губернской реформы и многих других делах. Накануне торжеств по случаю победы над турками, как всегда, особенно много было разговоров о предстоящих наградах. Между прочими кандидатами на повышение был и присланный Орловым с бумагами самозванки Иван Христинек. Только что пожалованный в майоры адъютант просил место коменданта в Симбирске. Екатерина в принципе была не против, но эта должность была полковничья. Императрица сочла, что несомненные заслуги новоиспечённого майора всё же не настолько высоки, чтобы присваивать ему без выслуги два чина подряд: «...в подполковники пожаловать можно, а в полковники много»¹⁹⁷.

Государыня, бывшая на сносях, испытывала частые смены настроения — и радовалась, и нервничала, иногда грустила («вы меня внизу вовсе позабыли и оставили одну, как будто бы я городской межевой столб») или обижалась на мужа: «Во веки веков не поеду более Богу молиться. Ты таков холоден ко мне, что тошно становится. Яур*, москов, казак, волк, птица». Но при этом в суете придворной жизни Екатерина помнила о доставленной в Петербург «сопернице»: в конце мая были составлены и посланы «вопросные пункты», и А. М. Голицын начал следствие.

Князь Александр Михайлович Голицын (1718—1783) был младшим сыном знаменитого петровского полководца М. М. Голицына и с юности пошёл по его стопам. В 17 лет он отправился волонтёром в

* Яур, гяур (*тур.* гавур от *араб.* кафир — неверующий) — презрительное название немусульманина у исповедующих ислам. Здесь: неверный. (*Прим. ред.*)

австрийскую армию генералиссимуса Евгения Савойского, где получил чин подпоручика; по возвращении успел послужить на дипломатическом поприще: членом команды посла в Константинополе А. И. Румянцева и полномочным министром в Саксонии. Князь отличился во время Семилетней войны — участвовал в сражениях при Цорндорфе (1758) и Пальциге (1759), а в победной битве при Кунерсдорфе 1 (12) августа 1759 года, где был разгромлен сам Фридрих II Великий, командовал левым флангом русской армии и был ранен в бою. За ратные победы Голицын получил орден Александра Невского и чин генерал-аншефа.

При вступлении на трон Екатерины II Голицын был удостоен ордена Андрея Первозванного. Императрица ценила его военные и дипломатические знания и в начале Русско-турецкой войны 1768—1774 годов вверила ему основную Первую армию. «Желаю ему счастье отцовское», — писала она о Голицыне его бывшему начальнику фельдмаршалу П. С. Салтыкову. Князь оказался достойным командиром, но не имел того самого «счастья», которое делает способных генералов великими полководцами. По словам биографов, Голицын «подобно отцу своему, был храбр, исполнен чести, великодушен, обходителен, любим солдатами, скромн и в опасностях отличался хладнокровием; строг, но дорожил жизнью вверенных ему воинов и потому, действуя слишком осторожно, не прославился быстротою и отважностью».

Разбив в апреле 1769 года сорокатысячный корпус противника под крепостью Хотин в Молдавии, Голицын не решился, однако, на штурм и отошёл назад для пополнения своих полков и укрепления тыла. Под стены крепости он вернулся только в

июле — и опять отвёл армию за Днестр, чтобы выманить прибывшее войско великого визиря Молдаванджи-паши на удобное для сражения место. Екатерина была недовольна медлительностью командующего и решила заменить его П. А. Румянцевым. Чтобы как-то подсластить пилюлю, императрица в рескрипте отстранённому от командования армией Голицыну ссылалась на государственную необходимость: «Князь Александр Михайлович! Отзывая вас от армии, хочу я с вами объяснить, дабы вы отнюдь не приняли с моей стороны за гнев, но единственно, как оно и в самом деле есть, за обстоятельства, выходящие из положения дел моих, кои требуют вашего присутствия здесь, дабы в бытность вашу при нас, как очевидный в армии свидетель положения тамошних мест и дел, так и всех обстоятельств, точные для передоу чрез вас получать сведения, которые великую пользу и облегчение в делах нынешних подать могут».

К тому времени князь себя уже реабилитировал: армия великого визиря была разгромлена в сражении под Хотинем; русские войска заняли крепость, а затем и город Яссы. Голицын отправился в Петербург, где был принят с почётом и произведён в генерал-фельдмаршалы. На войну он больше не вернулся, но доверие государыни сохранил — стал членом Совета при высочайшем дворе, генерал-адъютантом, сенатором и главнокомандующим в Петербурге.

Именно ему Екатерина поручила вести дело самозванки и отослала вопросные пункты:

«1) Какой ты нации и какого исповедания? Как настоящее твоё имя и сколько тебе от роду лет?

2) В котором месте ты родилась, кто таковы твои отец и мать, какого они звания, живы ли ныне и где находятся?

3) Где ты и кем имянно воспитана, в которых точно местах во время своей жизни доныне находилась и с какими людьми больше в знакомстве обращалась...»

Далее самозванку спрашивали о муже и детях, цели «вояжа по разным европейским городам», но главным из девяти вопросов был пятый: зачем она назвала себя дочерью покойной императрицы Елизаветы Петровны, «какую мечтательную к тому надежду имела и какое злобное действие тем произвести уповала». Следствие интересовало также, кто самозванке «вселил в уме... сию дерзкую мысль» и сама ли она писала обнаруженные у неё «завещания»¹⁹⁸.

На практике во время допросов основную роль, видимо, играл более подготовленный для такого рода работы и хорошо владевший французским языком секретарь следственной комиссии, коллежский асессор Василий Ушаков. В материалах о кадровых назначениях и перемещениях чинов Тайной экспедиции его имя не упоминается¹⁹⁹. О том, что секретарь был человеком со стороны, свидетельствует и ещё один факт: приступая к новым обязанностям, он дал подписку, подтверждавшую, что ему «сказан её императорского величества указ, чтобы он о содержащейся в Петропавловской крепости женщине и о существе её преступления, которое он из допроса её, переводимого им с французского на российский язык, обстоятельно знает, вовсе никаких слов никому ни под каким видом ни письменно, ни словесно не открывал, но содержал бы всё то в вышнем секрете под лишением своего живота», ведь для кадровых служащих этого ведомства такие обязательства были излишними. В 1775 году асессор Василий Андреевич Ушаков числился в штате Коллегии иностранных дел²⁰⁰. Очевидно, опытный и знающий языки чинов-

ник состоял в то время при главнокомандующем в Петербурге или был специально прикомандирован к Голицыну для ведения следствия, требовавшего познаний по части заграничных дел.

Именно Ушаков переводил с французского показания «принцессы», которые содержатся в её следственном деле. Арестантка весьма подробно рассказывала о своей жизни и приключениях в России, Иране и Европе, но на интересующие следствие вопросы отвечала предельно кратко: «Имя ей Елизавета, возрасту двадцать три года; какой она науки, на котором месте она родилась и кто ее отец и мать, того она не знает. Воспитана она в Голштинии, в городе Киле, у госпожи Перет или Перен, однакож подлинно сказать не помнит; тамо крещена она в самом младенчестве в веру греческого исповедания, а когда и кто её крестный отец и мать, не знает. В Голштинии жила она до девяти лет, и когда пришла в смысл, то спрашивала иногда у своей воспитательницы, кто её отец и мать, однако она ей об них не рассказывала, но говорила только, что она скоро узнает их».

Что же касалось главного вопроса о самозванстве, то «принцесса» настойчиво утверждала, что не она выдавала себя за дочь Елизаветы, а называли её так другие — сначала таинственный персидский «князь Гали», затем некие «знатные люди» во Франции «ей выговаривали, что хотя она и скрывает настоящую свою природу, однако же они знают, что она российская принцесса, дочь покойной императрицы Елисавет Петровны, но она от того отрекалась»; наконец, и Радзивилл «почитал её Елизаветою, дочерью государыни Елисавет Петровны, о чём, думает она, известился он от французов, да и ей он тоже неоднократно говаривал, но она от сего названия отрекалась».

Главные улики — письма графу Орлову и султану и подложные завещания — попали к ней в Дубровнике вообще неизвестно от кого: «...получила она из Венеции, чрез нарочного, 8 июля прошлого 1774 года пакет с письмами, между коими одно было без имени и без числа такого содержания: усиленной-шим образом просили её, чтоб она поехала в Константинополь, и то тем спасёт она жизнь многих людей (сему даёт она такое толкование: когда бы она, под именем принцессы Елизабеты, как в двух приложенных в пакете письмах упоминается, поехала в Турцию, то своим ходатайством, по причине настоящей тогда войны, заключить могла между Портою и Россией союз), чтоб она, приехав туда, предстала прямо в сераль пред султана и вручила ему пакет, приложенный при сём письме, а другой пакет, тут же приложенный, отослала бы она, с нарочным, к графу Алексею Орлову в Ливорно, которой она, распечатав, сняла с находящихся в оном писем копии и, запечатав оный своею печатью, к нему отослала; а пакет султанский оставила у себя, равным образом распечатала и в рассуждении содержания включённых в оном писем отменила свою поездку в Константинополь».

Арестованная настаивала на том, что она — женщина честная и порядочная, которая ничего больше не желает, как стать супругой графа Филиппа Фердинанда. Поэтому она готова оказать услуги «в пользу российской коммерции касательно до Персии», а через это «получить от её величества какую-либо милость и приличное название, по которому она могла бы выдти за князя Лимбургского».

Следователь вновь попытался вернуться к вопросу о фальшивых «духовных и манифестах» — и услышал тот же самый уверенный ответ: «...она, будучи

в Рагузе, получила, как выше сказано, при письме без подписи, в пакете запечатанном к султану, три тестаментов, первый от имени государя Петра Великого о короновании императрицы Екатерины Первой, второй от императрицы Екатерины Первой о короновании Елизавет Петровны, а третий от Елизавет Петровны о короновании дочери её Елизаветы II, да два письма без подписи, касавшиеся до тестаментов Елизавет Петровны на оную её дочь; а о манифесте сказала, что это был не манифест, но так как бы инструкция или указ, коим графу Орлову предписываемо было, чтобы о завещании Елизавет Петровны о дочери её объявить во флоте, и сия бумага послана от неё была к нему с тем, что не узнает ли она чрез него лучше о причине, от кого и почему произошли сии сочинения и не из России ли они присланы; а сама после того писала в Венецию к оставленному тамо... её служителю, чтобы он старался на почтовом дворе наведаться, откуда помянутый пакет к ней прислан; ибо она с клятвою утверждает, что она той руки, коею написано письмо, совсем не знает и никакого в том никогда и ни с кем согласия не имела».

Таким образом, благородная дама представляла жертвой загадочной интриги. Она, правда, сознавалась, что, «наслышавшись о своём рождении и рассуждая при том о бывших с нею в малолетстве приключениях, иногда в мыслях своих льстила себя такую надеждою, что, может быть, она не та ли самая персона, о которой в тех тестаментах упоминается, хотя оные письма никем подписаны не были; но она думала, что оное дело происходило по какому-либо политическому согласию». В любом случае, утверждала арестантка, она не допускала никаких враждебных России действий и «адресованных к сул-

тану писем не послала она для того, что надеялась наперёд обо всём обстоятельно известиться от графа Орлова, однако ж она от него никакого объяснения на то не получила».

Эта ситуация, по словам дамы, оказалась настолько затруднительной для её разума и нервов, что она, «разсуждая обо всех сих письмах различным образом, от французского ли двора, или от турецкого, или же из России оное произошло, пришла в такое замешательство своих мыслей, что сделалась оттого на несколько времени больна; потом, оставшись в том же неведении, не помышляла она более о сём деле, и старалась только, достав денег, возвратиться в Германию и остаться в землях князя Лимбургского, который обещал ей уступить, для пребывания её, графство Оберштейн, а все оные бумаги оставила она у себя для одного любопытства и показания князю».

Под конец допроса расчувствовавшаяся авантюристка клятвенно уверяла, что она невинна как младенец: «...она из Рагузы в Константинополь ни к кому того не писывала, чтобы, назвав себя российскою принцессою, просить от султана протекции, и между прочим говорит, что она всегда находила в себе довольно крепости душевной, снося столь много-различные несчастья, и что она как прежде, так и ныне твёрдое имеет упование на Бога тем наипаче, что никому в свете никакого зла не учинила и потому ни малейшего угрызения совести не имеет, а надеется всякого от её императорского величества милосердия; что она всегда чувствовала в себе некоторую склонность к России и что потом, при всех случаях, где только могла, старалась отвратить своими советами всякие для оной вредные намерения». Так, злобный Радзивилл собирался «сыскать какое-нибудь судно, ехать во флот российский с тем, чтобы его

сжечь; однако она и в том ему воспрепятствовала». По логике этих рассуждений получалось, что Екатерине II следовало не только не держать достойную барышню в заточении, но, скорее, наградить её за преданность, радение за интересы России и преодоление искушения выступить самозванкой!

Эти признания «принцессы» существуют только в переводе, их французского подлинника в деле нет, в отличие от её позднейших собственноручных показаний и таких же сочинений членов её свиты: Доманского и Чарномского — на польском языке и Франциски Мельшеде — на немецком. Однако едва ли есть основание вслед за Н. М. Молевой подозревать в этом некий умысел следствия. Намеренно из предосторожности изымать какой-либо текст из дела не имело смысла — эти бумаги никому не были доступны, их не могло затребовать из Тайной экспедиции ни одно учреждение империи, не говоря уже о частных лицах. Что же касается перевода, то он делался не только в данном случае; переводились все показания главной обвиняемой и её спутников-иностранцев, и все они в деле наличествуют. Кстати, переводы XVIII века довольно точны, что можно с уверенностью утверждать, сравнив их с позднейшими переводами в публикациях 1867 года и книге Э. Лунинского. Если учитывать, что составляющие ныне единое следственное дело материалы в 1826 году представляли, по докладу Д. Н. Блудова, «довольно огромную кипу» бумаг, переданных ему из кабинета Александра I, то можно допустить, что некоторые из них могли быть утрачены без всякого намерения.

Князь Александр Михайлович ответственно подошёл к данному ему поручению: уже 26 мая он лично посетил арестованную и застал её «в немалом смущении от того, что она, не воображая прежде

учинённой ею дерзости, отнюдь не думала того, что посадят её в такое место». 31 мая Голицын доложил Екатерине: «...сказывала мне о том своё удивление, спрашивая, за что с нею столь жестоко поступают». К тому времени первые допросы уже состоялись. Уговоры главнокомандующего оказались бесплодными. Ознакомившись с показаниями подследственной, он вынужден был признать, что «история её жизни исполнена несобытными делами и походит больше на басни; однако ж, по многократном увещевании, ничего она из всего ею сказанного не отменяет, также и в том не признаётся, чтоб она о себе подложным названием делала разглашение, хотя она против допроса поляка Доманского была спрашивана»²⁰¹.

Шляхтич был искренне увлечён самозванкой: на допросе он показал, что имел к ней «некоторую склонность» и видел в предмете страсти необыкновенную женщину «в рассуждении разума её, учёности и высокомерных поступок». В его изложении «персидская сказка» Елизаветы выглядела ещё более романтической: якобы до девяти лет она жила в Петербурге, а когда была сослана, то бежала «на Дон к Разумовскому», который и переправил её в Иран на попечение самого «персидского короля», с которым состоял в родстве (!).

Однако он же поведал, что дама его сердца собиралась в Стамбул «для протекции себе», а её ссора с Радзивиллом произошла как раз потому, что князь не желал отправлять письма «принцессы» к султану и ожидал от того «худых следствий». В голове простоватого шляхтича зародились сомнения в искренности его повелительницы, и он «раза с четыре представлял к ней с усиленной прозбою, чтоб она открылась ему чистосердечно». Он был готов при-

связать ей на верность и следовать за ней повсюду, кем бы она ни была — но в ответ неизменно слышал истерику и уверения, что она «подлинно российская принцесса и дочь императрицы Елисавет Петровны». Доманский признался следователю, что, перестав верить самозванке, он всё же не освободился от её чар: «Так она тогда его заговорила, что не мог ни в чём ей попротиворечить»²⁰².

Следователи не были столь легковёрными, как польские дворяне, кои, по мнению Голицына, «льстились, может быть, в мечте своей надежды сделать чрез то со временем свое счастье». Тем не менее князь всё же проявил некоторое милосердие. Он сообщил государыне: «...не имея к улике её потребных обстоятельств, не рассудил я, при первом случае, касательно до пищи возложить ей воздержание или, отлуча от неё служанку, оставить на некоторое время в безмолвии, поелику ни один человек из приставленных к ней для присмотра иностранных языков не знает, потому что она без того от долговременной на море бытности, от строгого нынешнего содержания, а паче от смущения её духа сделалась больна». Он допустил к узнице врача и перевёл её в другое помещение, располагавшееся, как говорилось выше, под комендантским домом.

И всё же такое начало расследования ничего хорошего не сулило: схваченная преступница, ещё недавно именовавшая себя законной наследницей российского престола, не только не чувствовала за собой никакой вины, но выражала «удивление» по поводу ареста и разве что не обвиняла российские власти в нарушении своих законных прав! Следом за устной жалобой последовали письменные обращения.

Пленница написала Голицыну не униженное прошение, а именно письмо — адресованное не вель-

Votre Majesté Impériale

Je croy qu'il est aypropos que je preroienne votre
Majesté Impériale touchant les histoires qu'on à
écrit ici dans la forteresse, elles ne sont pas
suffisantes pour àclerirer votre Majesté touchant
les faux boyssons qu'on à sur mon compte

C'est pourquoy que je prends la résolution de
Supplier votre Majesté Impériale de m'entendre
elle meme, je suis dans le cas de faire et prouver
de grands avantages à votre Empire.
mes démarches le prouvent, et tant que je suis
en état d'écouter toutes les histoires qu'on à écrites
contre moi, et à mon insu
j'attend avec impatience les ordres de votre Majesté
Impériale et je me repose sur la Clémence
j'ai l'honneur d'être avec un profond respect
de

Votre Majesté Impériale

la tres obéissante et
soumise servante
Elisabeth

Собственноручное письмо самозванки
императрице Екатерине II из Петропавловской крепости.
РГАДА

може-начальнику, а светскому человеку своего круга: «Мой князь, имею честь писать вам эти немногие строки с тем, чтобы просить вас представить прилагаемое письмо её величеству, если вы то признаете удобным». О прочем — ни слова. Узница лишь по-светски изящно пояснила, что в данном случае нет нужды в длинных рассуждениях по поводу её истории: «...я готова сделать известным всему миру, что все мои поступки были для пользы вашего отечества; здесь неуместно входить в политические предметы, я их объясню в своё время и где следует». Она как будто журила неловкого градоначальника-следователя, давая понять, что не желает продолжать докучливый разговор.

В заключение она вновь позволила себе высказать упрёк, как будто речь шла о каком-то полицейском недоразумении: «Верьте мне, я благонамеренна, и Бог справедлив, хотя и страдаю, я нравственно убеждена, что это не может продолжиться, потому что вся моя система состоит в справедливости и в том, чтобы обращать на добро всё продолжение моей жизни». «Моя система» звучит прямо-таки по-монаршему величественно; но «принцесса», возможно, поняв, что лучше взять другой тон (сама она объясняла эту перемену тем, что почувствовала «слепую доверенность» к своему тюремщику), всё же снизила до просьбы: «Утешьте меня, князь, уверением в вашей благосклонности», — как будто речь шла о милом светском одолжении.

Под письмом стояла учтивая подпись «покорнейшей и преданнейшей к услугам Елизаветы» — той самой, которая совсем недавно сочиняла «манифест» о правах на российский трон. Этим же именем было подписано и второе письмо — на имя самой императрицы. В нём заключённая опять же не просила,

а, скорее, поясняла адресату, что «было бы полезно предварить ваше императорское величество касательно историй, которые были писаны здесь в крепости». Ведь государыня могла и не сообразить, как рассматривать показания привлечённых к следствию лиц; к тому же: «...их недостаточно для того, чтобы дать вашему величеству объяснение ложных подозрений, которые имеют на мой счёт. Поэтому я решаюсь умолять ваше императорское величество лично меня выслушать, я имею возможность доказать и доставить большие выгоды вашей империи»²⁰³. В переводе на обыденный язык это означало примерно следующее: «Да бросьте, мадам, ваши глупости с допросами; давайте просто встретимся и поговорим — у меня к вашему величеству есть серьёзное деловое предложение...»

Гнев императрицы

Реакция Голицына нам неизвестна — но Екатерина была шокирована столь свободным обращением со стороны изловленной и избличённой государственной преступницы. В явном раздражении она писала главнокомандующему из Коломенского 7 июня: «Князь Александр Михайлович! Пошлите сказать известной женщине, что естли она желает облегчить свою судьбину, то бы она перестала играть ту комедию, которую и в последних к вам присланных письмах продолжает, и даже до того дерзость простирает, что подписывается Елизаветою; велите к тому прибавить, что никто ни малейшего сомнения не имеет о том, что она авантюриера, и для того вы ей советуйте, чтобы она тону убавила и чистосердечно призналась в том, кто её заставил играть сию

роль, и откуда она, и давно ли плутни сии примышлены. Повидайтесь с ней и весьма серьёзно скажите ей, чтобы она опомнилась, *voilà une fièfe canaille**. Дерзость её письма ко мне превосходит, кажется, всякого чаяния, и я начинаю думать, что она не в полном уме»²⁰⁴.

Раздражение государыни можно понять. Произошло столкновение не только двух сильных характеров, но и двух разных культур. Угодив в Тайную экспедицию по поводу оскорбления величества, нормальный русский человек вёл себя, в общем, предсказуемо. Если следствие не имело в своём распоряжении свидетелей преступления, проходил вариант: «Не было ничего, а меня клепят»; при наличии очевидцев виновник, как правило, считал более уместным заявить, что был пьян и ничего не помнит; при совокупности же доказательств ему надлежало каяться и объяснять, что криминальные слова или поступки совершались «простотою и неведением», а никак не с преступным умыслом. При состоявшемся признании следовало обычное вразумление — кнутом или плетью, смотря по тяжести содеянного — и ссылка, а то и прощение с возвращением к прежнему месту жительства или службы. В данном же случае налицо было тяжелейшее преступление — самозванство, подтверждённое показаниями соучастников-поляков и захваченными документами, то есть полным «букетом» доказательств, но при этом обвиняемая не только не собиралась каяться, но даже не «запиралась» — она просто не признавала за собой никакой вины.

Едва ли это была сознательная игра. Скорее всего, никак не укоренённая в российской действитель-

* Вот отъявленная каналья (*фр.*).

ности «принцесса» и вправду не очень понимала, в какой переплёт она попала. Легкомысленная и артистичная «авантюриера» одинаково свободно чувствовала себя в атмосфере Лондона или Парижа и привыкла держать себя на короткой ноге с немецкими князьями и польскими магнатами. Постоянная смена имён придавала загадочность, а смена имиджа — привлекала скрытой тайной и мнимой значимостью. Если Али Эмете легко превращалась в Элеонору, «персидская княжна» — в графиню Пиннеберг и владельницу Оберштейна, почему бы немного не побыть российской принцессой? Не повезло с Радзивиллом — возможно, повезёт с папской курией? Не вышло в Риме — надо попробовать вариант с интригующим письмом русскому вельможе Орлову. С точки зрения предприимчивой дамы, граф, конечно, был ничуть не хуже глуповатого лимбургского владетеля Филиппа Фердинанда или трусоватого Радзивилла. Все они — просто статисты её перманентного карнавала, в котором, меняя костюмы, она исполняла, по сути, одну и ту же роль — слегка грешной, но благородной дамы и достойной партнёрши сильных мира сего. Эта игра была отягчена для неё лишь хроническим отсутствием средств и необходимостью поиска очередного «спонсора». Конечно, местами игра выходила за грани благопристойности, что грозило выставлением из гостиницы за неуплату или даже долговой тюрьмой, но уж никак не эшафотом. Не случайно в крепости в разговоре с Голицыным у заключённой вырвалось признание, что «она, находясь на другом краю Европы, никогда того не воображала, чтоб быть ей в здешнем месте».

Эту же роль дамы из высшего общества она и пыталась — кажется, искренне — играть в застенке Пет-

ропавловской крепости. Благовоспитанный фельд-маршал Голицын внешне мало чем отличался от достойного гетмана Огиньского, а потому надо разъяснить князю его ошибку, а ещё лучше — встретиться для разрешения возникшего недоразумения с российской императрицей, бывшей в молодости такой же бедной немецкой княжной. Ведь она же просто позволяла другим называть себя «принцессой» (как и разными иными именами), но никаких криминальных действий не совершила. Бедняжка даже не понимала, что не стоило в письме к императрице подписываться *Elisabeth*. Так она ранее называла себя в обращённом к российскому флоту «манифесте», на имя *madame la princesse Elisabethe* приходили в Дубровник и Рим многочисленные письма.

Очень может быть, что умная Екатерина II к тому времени уже поняла, что её «соперница» — всего лишь фантом, не представляющий реальной опасности. Но это могло только усилить досаду императрицы: потрачены силы, нервы, приведены в действие государственные рычаги, в центре Европы устроено скандальное похищение — и ради чего? Оказалось, что она, выигравшая тяжёлую войну с турками, опасалась не достойного противника или реального заговора, а всего лишь своенравной барышни — пустышки и «лживицы». И теперь — накануне родов и первой годовщины (8 июня) брака с любимым Потёмкиным — ей приходится возиться с фантастическими «баснями» обвиняемой, которая даже опасности своего положения не желает сознавать.

К тому же императрица уже много лет жила по правилам иной юридической традиции. В её рамках отсутствие признания заключённой в самозванстве фактически приравнивалось к утверждению ею своей «подлинности», что должно было автоматически

повлечь за собой не облегчение режима содержания в крепости, а применение к виновной иных следственных действий со словесным, а затем и физическим «пристрастием».

Возможно, Екатерине и было по-женски любопытно взглянуть на даму, которая обольстительно вояжировала по Европе и из-за которой ей, российской императрице, пришлось поволноваться. Но сделать это было в принципе немыслимо: такая встреча в глазах придворной и столичной публики могла быть воспринята как некое равенство сторон, то есть в итоге означала бы признание за «побродяжкой» права на престол!

При Анне Иоанновне или даже «доброй» Елизавете упорствовавшую самозванку непременно отравили бы на дыбу. Но просвещённая Екатерина действовала иначе; она надеялась, что очевидные улики и увещевания в конце концов воздействуют на подследственную и позволят узнать её настоящие имя и происхождение. Кажется, несколько улёгся и монарший гнев, чему способствовало то обстоятельство, что 9 июня императрица была пленена живописным видом деревни Чёрная Грязь, которую она немедленно купила у князя С. Д. Кантемира, переименовала в Царицыно и решила построить здесь подмосковный дворец.

Во исполнение императорской воли Голицын велел передать арестованной, что её показания являются «басней и выдумкой, сплетённой только для того, дабы скрыть подлинную её природу и настоящие причины всех её и сообщников её действий». Теперь от неё требовалось именно «чистосердечное признание во всём, что касается до её рождения и учинённой дерзости», а также указание имени того, «кто её заставил играть сию роль». Непонятливой

иностранке объяснили, что она «упорством своим и нераскаянием оскорбляет милосердное сердце» её величества, и отчётливо дали понять, что при продолжении подобного поведения подследственная «почувствует тягость праведного гнева» и принятые меры «исторгнут из неё и малейшие тайности»; в случае же признания ей обещали — даже при наличии тяжких вин — высочайшее помилование.

Эта психологическая атака не помогла. «Принцесса» опять уверяла, что «показывала самую истину и ничего ныне переменить не может». Главный следователь дал ей сутки на размышление, а затем явился лично, чтобы уговорить свою подопечную прекратить играть «комедию» и продемонстрировать непреклонность позиции власти. «Однако и сие было тщетно», — признался он императрице: узница повторила, что не знает своих родителей, наследницей российского престола её именовали другие, а сама она «никаких не изыскивала средств, дабы утвердить себя в том названии; ни с какою нациею никакого совещания о том не имела, ни от кого не подкуплена и ни для каких интересов тому не научена», к «тестаментам» и прочим документам отношения не имеет и не знает, кто их сочинил. Подследственная признала себя виновной лишь в том, что вовремя не «истребила» эти бумаги, за что и попросила помилования, под которым подразумевала свободный отъезд из России с обещанием «вечного молчания» о случившемся с ней злоключении²⁰⁵.

С точки зрения своих представлений о праве, «принцесса» была убеждена, что «никакого зла во вред России не только не сделала, но и никогда о том не думала». Вопрос о её помыслах, конечно, спорный, но юридически недоказуемый. А что касается действий, так ведь сама себя она «российской принцес-

сой» публично не объявляла, никаких практических шагов по реализации своих «прав» не предпринимала; обнаруженные у неё документы ей не принадлежали и хранила она их исключительно из любопытства, при этом письма к султану не были отправлены адресату.

Но в российской действительности её поведение не могло трактоваться иначе как злонамеренное «упорство и нераскаяние». Князь вынужден был перейти от увещеваний к действиям. У подследственной отобрали вещи, «кроме нужной одежды и постели» (кстати, из ведомости о содержании заключённых следует, что ранее Голицын распорядился приобрести постель вместе «с подушки и одеялы» специально для неё). Из камеры отселили служанку — вместо неё в «покоях» арестованной появились в качестве бессменного караула два солдата и офицер. «Сим средством, всемилостивейшая государыня, надеялся я сию пребывающую в нераскаянии женщину принудить к истинному признанию», — докладывал Голицын о создании для узницы «несносных» условий.

Ужесточение режима содержания как будто подействовало: заключённая провела двое суток «в беспрестанных слезах, не хотела принимать пищу, была в слабости, и на место природной её вспыльчивости оказалось в ней уже уныние». Она дала понять, что хочет что-то написать, и ей вновь дали перо и бумагу. Но тщетно Голицын надеялся получить признание — в письме оказались лишь жалобы и «недостаточные уверения».

В этом недатированном письме (исследователи считают им документ на французском языке, помещённый в деле самозванки вслед за доношением князя²⁰⁶) узница сожалела о своей печальной участи и заявляла, что «готова сделать всё, что вы желаете,

мой князь», но не давала никаких новых показаний. Она по-прежнему уверяла, что неизвестно от кого полученные документы «были совершенно безыменные» и она их скопировала и сожгла. Далее следовал уже хорошо известный следователям рассказ о любви бедной девушки и князя Лимбург-Штирумского и её путешествии в Венецию, «чтобы раздобыть сумму, достаточную для поправления дел князя и для замужества». Все обвинения в свой адрес Елизавета по-прежнему отметала, считая их наветом «злых людей, которым я, может быть, отказала в своём внимании или которым я должна какую-нибудь ничтожную сумму». Единственное, что она смогла добавить, — это обещание предоставить следствию «адреса лиц, достойных доверия, которые вам докажут, что я не старалась таким образом обманывать». Под конец опять шли комплименты Голицыну, «который правосуден, справедлив и одарён добрыми душевными качествами», и призыв к нему: «Поверьте мне, мой князь, кончим эту историю, и легко будет успокоить шум, сказавши, что произошла ошибка, а я возвращусь в Германию, удалюсь в замок Оберштейн и постараюсь восстановить то, что потеряла».

Главнокомандующий вновь явился в крепость и выслушал уверения в том, что рассказ о приключениях самозванки был правдой, во имя которой она готова «вытерпеть лютейшие мучения». В ответ князь мог только осудить её упорство и пообещать, что она «кроме вящего изнурения, никакой не может ожидать себе пощады». Тем не менее он всё же распорядился допустить к узнице служанку и следить, чтобы она «себя не повредила»²⁰⁷. Судя по сделанным в русском переводе припискам, заключённая назвала в качестве свидетелей, способных подтвердить факты её биографии, того же графа Лимбургского, гене-

рала французской службы барона Вейдберга, французского министра Сартина, гетмана Огиньского и собственного интенданта Де Марина²⁰⁸. Но эти показания были для следствия бесполезны — они не могли пролить свет на её происхождение. К тому же обращение с официальной просьбой допросить французского генерала или бывшего главу королевской полиции Сартин было чревато международным скандалом.

Двадцать девятого июня генерал-прокурор Вяземский прислал в Петербург 20 новых «вопросных пунктов», возможно, составленных самой государыней. Они, надо полагать, задали Голицыну нелёгкую работу, ведь, по существу, это были даже не вопросы, а «изобличающие» замечания на ответы подследственной. За сухой протокольной формой явно чувствовался гнев императрицы по поводу вызывающего упорства преступницы. К примеру, на заявление авантюристки о том, что она жила в Киле, следовала реплика: «Разве не можно было сыскать в другом месте способного места к её воспитанию?» Рассказ о будто бы имевшей место ссылке сопровождался комментарием: «Какая б была нужда Петру Третьему вести её на персикские границы?» Венценосная следовательница не только уличала свою оппонентку в неискренности, но и пыталась найти её причины: зачем самозванка «...явно и бессовестно лгала, что будто мужик её один четыре дни нёс на руках»? Конечно, она «...старалась выводить свою гнусную историю, начитавшись романических историй. Но, видно, дерзость её без рассудка, потому что есть ли возможность человеку десяти лет девку, да ещё и с платьем, нести на своих руках четверы сутки?».

Прочие «пункты» были призваны развенчать созданный в показаниях «принцессы» образ. Так, на-

пример, она ссылается на оставшуюся в Иране няньку; но следствию «и нужды нет домогаться о няньке, которой она, по подлому её, конечно, рождению никогда и не имела». Она утверждает, что богата — но «по делу вышло, что она нищая», не сумевшая уплатить даже небольших долгов. Как «персидский князь» Али «ей, такому будучи робёнку, всё имение аферировал»? И сама она «подбилась к известному самого слабого ума немецкому графу» и «аферировала в заклад чужое имение». Голицын получил указание, что отрицание подследственной своей причастности к изготовлению якобы присланных к ней документов «никак принято быть не может», а потому ему надлежит изобличить её противоречиями и показаниями её спутников, а от неё добиваться «прямой подлинной истории» и данных о том, кто и когда сочинял подложные завещания.

Шестнадцатый пункт разъяснял «подлой лживице» её основные вины: «...ибо будучи рождена сущою бродягою и презрения достойною простою девою, неограниченную готовность имела нарушить всей России спокойствие тем, что называлась российской принцессою, и что будто по правам принадлежит ей Россия, и ещё к сему злу склоняла своими письмами графа Орлова, так как и писала она такие злые и вредные письма к Порте...» Кроме того, самозванка о «злодее донском казаке Пугачёве так же выводила совсем несобытное ж, как и о себе ранее, и уже называемого ею принца Али объявляла российским принцем и Разумовским, как то найдено в письмах её».

А предпоследний, девятнадцатый пункт просто кипел монаршим гневом: «...осмеливается она уверять, что она не в состоянии обманывать, в чём как бы ссылается на описанных под знаком адреса лю-

дей, и что де слухи о ней рассеяны от каких-либо любопытных и зломыслящих людей. На сие сказать, что все её о себе самой изречения основаны на самой лже и обмане, то как она может говорить, что она не склонна к обману. Буде же история о ней зломыслящими выдуманна, пусть бы это и правда, но естли б она расположена была в душе своей добродетельною женщиною, то для чего ж она за такую ложную историю увязалась? А она не только к оной привязана, но самые её письма обличают, что она всеми силами ту свою ложную о рождении своём историю утверждала повсеместно, то и неминуемо должно ей открыть прямую истинную о своей природе и жизни, равно и о всех своих конфидентах, яснее»²⁰⁹. Императрица, с её рациональным складом ума, отказывалась понимать: мало того что дерзкая преступница не показывает «ни малейшего вида к истинному признанию» — она ещё и настаивает на правдивости своей «восточной сказки», что «противно... самому здравому разуму»!

В новом «повелении» Голицыну, опять же от 29 июня, Екатерина оценила все рассказы самозванки как «презрения достойные вымыслы» и констатировала, что преступница «от своей врождённой лжи отнюдь не отстаёт». Императрица подтвердила, что никакая встреча с заключённой невозможна, и чётко потребовала добиться от неё ответа на вопрос, «когда и где самозванство на себя она приняла, и кто первые ей были в том помощники». По сути, государыня ещё раз подсказывала и следователю, и подследственной привычную и должную в подобных случаях модель поведения: обвиняемая кается в преступлении, ссылаясь при этом на свою молодость и «простоту», называет подстрекателя (например, того же Радзивилла), после чего получает право на снисхождение.

У императрицы имелись дела поважнее, чем следствие над «побродяжкой». 10 июля начались торжества в честь победы в Русско-турецкой войне. Сквозь толпы народа вереница карет проследовала в Кремль; в каретах находились государыня, её свита и прославленные военачальники — среди них не было только Алексея Орлова. В Успенском соборе Екатерина выступила благодарственный молебен; кортеж направился к Пречистенским воротам, во дворец, где произошёл торжественный приём.

На 12 июля были назначены народные гулянья на Ходынском поле, где лучшие архитекторы России Василий Баженов и Матвей Казаков возвели крепости-павильоны в «мавританском» стиле; трибуны для зрителей в виде лодок и кораблей, многочисленныеobelisks, иллюминированные разноцветными огнями. Народ ждал увеселений, однако внезапно последовало уведомление о переносе празднеств на неделю по причине болезни императрицы. Она целую неделю не покидала внутренних покоев дворца, в которые имели доступ только Потёмкин и врачи. Сама Екатерина в письмах объясняла своё недомогание употреблением невымытых фруктов, и никто, кажется, не догадался, что 12 или 13 июля она родила девочку — Елизавету Григорьевну Тёмкину, воспитывавшуюся в семье племянника Потёмкина А. Н. Самойлова, одного из свидетелей тайного брака её родителей.

В Петербурге дела шли своим чередом, однако высочайшие указания оказались бесполезными. 13 июля князь Александр Михайлович отчитался о торжественном праздновании в новой столице победы над турками — с молебном, парадом и пальбой гвардейских и гарнизонных полков²¹⁰. Но успехи следствия оказались куда скромнее: князь вынуж-

ден был доложить, что все показания и собранные доказательства «не могли принудить сию коварного свойства дерскую лживицу к истинному признанию». Заартачился было и Доманский, — отказался от своего же утверждения о том, что Елизавета сама называла себя российской принцессой. Однако его твёрдости хватило ненадолго. Чарномский эти показания подтвердил и на очной ставке уличил приятеля во лжи, после чего пан Михал попросил прощения, объясняя свой обман попыткой выгородить даму, в которую он был без памяти влюблён. Прощение было ему даровано, но в назидание шляхтич должен был на очной ставке «обличить» объект своей страсти. Однако всё было напрасно — Елизавета по-прежнему «отпиралась», да ещё и шутила насчёт того, что могла себя назвать хоть бы и принцессой, чтобы избавиться от докучливого поклонника.

Не смутила подследственную и «филологическая экспертиза». Голицын пробовал задавать ей вопросы по-польски, но безуспешно — она не понимала. На предложение следователя написать что-либо по-арабски «принцесса» тут же согласилась и нацертала несколько строчек «персидских стишков» со своим переводом на французский²¹¹. Приглашённые эксперты не обнаружили в строчках с загадочными знаками ни персидских, ни арабских слов. Высказанное князем недоумение арестованная парировала тем, что это его люди на обоих языках читать «не умеют». В итоге её «коварная душа» заслужила от Голицына неодобрение: «...не думаю, чтоб когда-либо имела грызения совести».

Единственное, что князю удалось сделать, — это опровергнуть высказанное императрицей со слов адмирала Грейга предположение о польском происхождении самозванки: оба шляхтича уверяли, что их

языка она не знала. Голицын, ответственно подходя к высочайше определённой ему роли тюремщика, информировал государыню об ухудшении здоровья заключённой (частых приступах кашля и рвоте с кровью) и сообщил заключение врача о наличии у неё апостемы* в лёгких, грозящей скорой смертью²¹².

Монаршая милость

25 июля 1775 года Голицын отправил в Москву новую реляцию. Он сообщил, что по просьбе заключённой вновь дал ей перо и бумагу. Самозванка (теперь именем Елизавета она больше не подписывалась) составила две эпистолы — Голицыну и императрице — и более подробную записку («Note») о некоторых памятных обстоятельствах своей жизни. Но и содержание этих бумаг, с сожалением отметил фельдмаршал, есть «выдумка и ложь, недостойная вероятия»²¹³.

«Я всеми мерами старалась собрать свои силы, — писала следователю его подопечная, — и так больна и опечалена, что ваше сиятельство конечно бы надомною сжалились, естли б видели всё, что я претерпеваю». Она уже готова была «проводить жизнь свою в монастыре», лишь бы вырваться из тюремной камеры: «...люди стоят и день и ночь в моей комнате; не разумею я ни слова по-русски; всё против меня, я всего лишилась — одним словом, я изнемогаю от тяжести бедств»²¹⁴.

Однако жалобные письма не соответствуют уверенному тону записки — в ней самозванка по-преж-

* Апостема (от греч. *apo* — далеко, *stemi* — идти) — абсцесс, нарыв.

нему отвергала все обвинения и заявляла, что не принимала «никакого участия в приписуемых мне делах, ибо делала тому противное». Она утверждала, что была вполне счастлива с князем Лимбургским и даже раздавала от его имени учреждённые им орден, в Венеции же оказалась затем, чтобы отдать на откуп месторождение агата в Оберштейне, а с Радзивиллом встретилась исключительно для обеспечения себе безопасного проезда на Восток — в Багдад, Тифлис и Исфахан, «дабы найти там своего покровителя Али Кирны». Все до единой компрометирующие бумаги она якобы получила по почте в Дубровнике в «безымянном конверте»; некоторые из них отправила Орлову, а другие сожгла и, «подозревая в оных бумагах быть какому скрытному мошенничеству», отправилась в Рим. Оттуда она будто бы собиралась направиться в свой Оберштейн, а к Орлову в Пизу решила поехать только для того, чтобы вручить ему эти самые злополучные бумаги для переправки их в Петербург.

Неожиданно авантюристка выдала ещё один вариант своего происхождения, не настаивая, однако, на его истинности: «Приказано мне было от моих друзей, в Азии находящихся, чтобы я сказывалась черкесскою, происходящею от древней фамилии Гаметов, владетельных князей, которые царствовали прежде взятия Астрахани Иваном Васильевичем в 1559 году». Она вновь предложила свои услуги российскому правительству: «...ибо я могла бы сделать много добра в такой земле, где народ можно ещё назвать диким и непросвещённым». Свою культурную миссию «принцесса» видела в основании на территории России французских и немецких колоний, обещая, что персидские покровители снабдят её «потребными на то суммами».

Выразив сожаление, что «имела нещастие прогневать её императорское величество», и заметив между делом, что не знает, чем именно вызвала высочайший гнев, узница завершала своё обращение вполне «по-королевски»: «Поверьте мне, кончим дело дружелюбно, и вы наверное найдёте во мне человека, который употребит остатки жизни своей для изъявления вам благодарности. Мне нет нужды в законах, ибо я ничего не имею в России, меня не знают, и я никого не знаю, следовательно, по сим самым причинам не могу я ничего делать противного вашим законам». Каково было императрице-законодательнице прочесть беспримерно дерзкое «мне нет нужды в законах»? А предложение «дружелюбно» разойтись — точно двум слегка не поладившим особам... В конце концов, призывала она российского фельдмаршала и его повелительницу, «кто бы я ни была, кем бы я быть могла, но надлежит вам быть человеколюбивым».

«Слёзы мои препятствуют продолжать далее», — пыталась узница разжалобить князя, но всё же нашла в себе силы, чтобы перечислить имёна людей, якобы оставшихся в её детских воспоминаниях: «Вот список лиц, которых, сколько помню, я видела в моём детстве. Когда мне было шесть лет, меня послали в Лион, мы проехали через страну, которую г. Поэн имел в своём управлении; мы отправились в Лион, где я осталась от пяти до шести месяцев, за мной приехали и снова отвезли в Киль. Г. Шмидт давал мне уроки в математике, других учителей нет нужды называть, только он знал домашние секреты. Г. барон Штерн с своей женой и сестрой; г. Шуман, купец в Данциге, который платил за моё содержание в Киле, вот лица, к которым надобно обратиться, я не знаю ничего вернее этого»²¹⁵.

Казалось бы, наконец-то забрезжил свет в конце тоннеля: названы конкретные люди, жившие не в Персии, а в Европе и знающие тайну происхождения самозванки, надо просто найти их и расспросить. Но где же теперь в Германии сыскать якобы знавшего семейные тайны учителя с распространённой фамилией Шмидт? Столь же трудно было определить местопребывание никому не известного барона с его родственниками. Купец же, скорее всего, был лишь комиссионером, через которого переводились деньги; возможно, их отправителя он даже не знал, а если бы и знал, то не был обязан никому называть его имя.

Письмо к императрице по форме было более жалостливым, чем первое, столь возмущившее Екатерину: «Находясь при конце жизни, вырываюся из рук смерти, дабы повергнуть свой плачевный жребий пред стопами вашего императорского величества». Самозванка молила о снисхождении — но по-прежнему настаивала на своей невинности, просила, пусть и «на коленях», о личной встрече с государыней и даже надеялась посвятить «остаток моей жизни вашему высочайшему благополучию и вашей службе»²¹⁶.

Итак, больная и как будто уже осознавшая если не вину, то, по крайней мере, серьёзность своего положения узница по-прежнему «дерзила». Едва ли она делала это намеренно; скорее всего, она была просто не способна изменить давно и прочно усвоенный тон, который позволял ей блистать в обществе и чувствовать себя на равных с сильными мира сего.

В ответ можно было бы ожидать новых раскатов монаршей грозы. Но к тому времени Екатерина II успела не только благополучно родить дочь, но и отпраздновать успешное окончание войны с турками.

Дипломаты были поражены великолепием, свидетельствующим о силе страны, выдержавшей шесть лет изнурительной войны и народное восстание. Императорский указ повелел «внутреннее возмущение, происшедшее от донского казака Емельки Пугачёва, предать вечному забвению и глубокому молчанию».

Москвичи долго помнили, как на Ходынском поле «с большими затеями... построены были разные крепости и города с турецкими названиями: где был театр, где зала для обеда, другая бальная, разные беседки и галереи. Торжество начиналось с утра и продолжалось весь день до поздней ночи, несколько дней сряду, с неделю, что ли. Все постройки были сделаны на турецкий лад, с разными вычурами: башни, каланчи и высокие столбы, как при мечетях, и чего-чего, говорят, не было. Были построены триумфальные ворота, и граф Румянцев* имел торжественный въезд на золотой колеснице, наподобие римских. Тут были на поле ярмарки, базары на восточный манер, кофейные дома, даровой обед и угощение кому угодно, театральные представления, канатные плясуны. Места для зрителей были устроены на подмостках в виде кораблей с мачтами, с парусами; и это в разных местах, которые названы именами морей: где Чёрное, где Азовское и т. п. Императрица и великий князь с супругой каждый день бывали и подолгу оставались на этом празднике»²¹⁷.

Для государыни и знатных персон приготовлен был обеденный стол, а для народа приготовлено щедрое угощение: «...на площади поставлены были на

* *Пётр Александрович Румянцев* (1725—1796) — государственный деятель, граф, генерал-фельдмаршал, командующий армией во время Русско-турецкой войны 1768—1774 годов, после её победного окончания получивший право именоваться Румянцевым-Задунайским.

амбонах четыре жареных вола с набором при них живности, хлебов и прочего, покрыты разных цветов камкою наподобие шатров; на середине же подведён был фонтан с напитками вокруг, сделаны были круговые и крашенные тридцать качелей. <...> В полдня в двенадцатом часу трижды выпалено из пушек, то народ бросился к волам, рвали, друг друга подавляючи; смешно было со стороны смотреть. Из фонтана, бьющего в вышину, жаждущие старались достать в шляпы, друг друга толкали, даже падали в ящик, содержащий в себе напитки, бродили почти по пояс, и иной, почерпнув в шляпу, покушался вынести, но другие из рук вышибали. Между тем один снял с ноги сапог и, почерпнув, нёс к своим товарищам, что видящие весьма смеялись. Полицейские принуждали народ, чтоб садились на качели и качались бездельно, пели бы песни и веселились». «Понуждать» обывателей к веселью пришлось недолго — «премного множество» народа вскоре, «взволновавшись, кабаки разграбили, харчевые запасы у харчевщиков растащили, что продолжалось до самой ночи»²¹⁸.

Отпраздновав победу над внешними и внутренними неприятелями, императрица как будто стала несколько спокойнее относиться к происходившему в Петропавловской крепости следствию по делу самозванки. К тому же в августе 1775 года она занималась разбором нашумевшей любовной истории «о генерал-поручике графе Петре Апраксине, увёзшем дочь графа Разумовского». Генерал, отсидевший полгода в крепости за роман с фрейлиной графиней Елизаветой Разумовской, которая ждала от него ребёнка, был намерен любой ценой завладеть своим «предметом», а прежнюю жену отправить в монастырь. Гнев Екатерины был вызван тем, что Апраксин, несмотря на запрещение встречаться с дамой

сердца, по выходе из крепости тайно обвенчался с ней в одной из подмосковных церквей, когда вся Москва отмечала военный триумф. Отец «опозоренной» фрейлины, Кирилл Григорьевич Разумовский, был взбешён, отрёкся от дочери и хотел отправить её в монастырь. Екатерина приказала изловить беглецов, Апраксина арестовать и запереть на покаяние в монастыре, а новобрачную вернуть отцу, но не постригать против её воли. После нескольких лет наказания за своеволие влюблённых простили, граф-тесть помирился с графом-зятем и чета влюблённых познала-таки семейное счастье.

Может быть, под влиянием этой романтической истории императрица отчасти переменила свой взгляд на гордую преступницу. 25 июля 1775 года она написала Голицыну, что ожидать от той раскаяния невозможно, но и утверждаемые ею «враки» недостойны внимания следствия. А потому можно предложить заключённой «сделку»: объявить ей, что она «должна по правосудию вечно предана быть темнице», однако может получить разрешение обвенчаться с влюблённым Доманским по любому «закону, в котором она окажется», и свободу в подарок при условии, что согласится открыть свою истинную «самозванскую историю» и «прямой свой род». Если бы означенная особа не захотела этого брака, то могла бы после освобождения уехать «для решения дела с известным принцем» — её прежним женихом Филиппом Фердинандом Лимбург-Штирумским. Впрочем, государыня могла предполагать скорую смерть преступницы; в таком случае её освобождение оказывалось не только благородным, но и безвредным делом. Вероятно, императрица сочла, что чиновники Тайной экспедиции не обладают даром убеждения, достаточным для того, чтобы склонить барышню к

принятию такого решения. Другим отправленным в тот же день письмом она рекомендовала «усоветовать» самозванку через духовника, если та считает себя православной²¹⁹.

Буквально на следующий день и генерал-прокурор А. А. Вяземский прислал Голицыну маленькое письмо: «Её императорское величество высочайше повелеть соизволила к вашему сиятельству отписать. Её величество чрез английского посланника уведомила, что известная самозванка есть из Праги трактиршикова дочь, а како посланным указом велено допустить к ней пастора, то сие обстоятельство к обличению её, конечно, послужит, и ваше сиятельство можете к опровержению её явной лжи употребить в пользу, и что откроется, её императорскому величеству донести изволите»²²⁰.

Князь действовал не спеша. 6 августа доложил: узница пожелала видеть священника греческого исповедания, и он уже было нашёл для увещательной миссии владевшего французским и немецким языками иеродьякона из Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Следовательно сообщил узнице о её «пражском» происхождении. Казалось, после этого упорство самозванки было сломлено и она готова была, наконец, рассказать правду о своей жизни. «Она, — доносил Голицын Екатерине II, — колеблясь несколько в мыслях, уверила меня с видом довольно уверительным, что она, имея ко мне совершенную доверенность и надеясь на мою помощь, конечно, откроет о себе самую истину с тем только, чтобы сие дело известно было одному мне...» Заключённая потребовала письменные принадлежности... Но процесс сочинения очередного послания был прерван таким тяжёлым приступом болезни, «что она не только писать, но и говорить с нуждой не могла»²²¹.

Когда припадок миновал, письмо было написано. Прочтя его, Голицын был разочарован. 12 августа князь доложил своей повелительнице, что самозванка хоть и «истину о себе объявить обещалась, но, вместо того, писала она то, о чём у неё не спрашивали, старалась оправдаться в подложных письмах, кои у неё найдены (в чём никак оправдаться не может, поелику они писаны её рукою и неизвестно, были ли сих писем оригиналы, может быть, те, кои найдены, заготовлены ею вчерне), жаловалась на строгость, с нею употребляемую, и на своё худое состояние, в коем она теперь находится; сказывала, что известный князь Лимбург-Стирумский её супруг; что о происхождении её знает какой-то Кейт, и напоследок повторяла всякую неправду, как человек, не имеющий ни стыда, ни совести и не исповедующий никакого закона»²²².

Судя по изложенному в реляции содержанию письма, его можно отождествить с недатированной пространной запиской самозванки, опубликованной Э. Луниным²²³. «Я не знаю, чего от меня хотят, но со мною обращаются возмущающим душу образом, меня заставляют умирать медленною смертью. Я полная владелица Оберштейна, имперского графства. Владетельный граф, правитель Лимбург-Штирума, герцог Шлезвиг-Голштинский, письменно подарил мне его» — так начиналось это письмо. Узница Петропавловской крепости в очередной раз отвергала свою причастность к злосчастным документам: «Эти копии ничего не говорят, там никто не назван, ни те, к кому всё это адресовано, ни те, против кого это должно быть направлено. Там не сказано ни о семье, ни о доме, ни об имени. Там не идёт речи ни об одном имени в России, ни в Германии, ни о какой стране света, и те, кто выдумал эту ложь, заня-

лись ею в то время, когда мир был уже прочен, следовательно, им нужна только моя погибель. Они были уверены, что я отправлюсь в Константинополь. Я не поехала туда, и всё-таки, несмотря на это, меня погубили. Следовательно, этого не знает никто во всём государстве и никто не мог сделать из этого никакого применения».

Подследственная ещё раз заверяла Голицына, что своего происхождения не знает, но в любом случае «происхождение не есть преступление, и пусть другие его доказывают, но не надо останавливаться на ложных доносах»: «Я была всегда спокойна, я никогда ничего не говорила, ни у кого ничего не осмеливалась спрашивать, говорила своим друзьям то, что мне казалось хорошим». Она по-прежнему не теряла надежды на благополучный исход своего дела: «...после того как ясно видно, что я никого не обидела, что я ни от кого ничего не требую и что я права во всех отношениях, нельзя ли мне предоставить свободу? Я вернусь в наши страны в Оберштейн, и никаких разговоров больше ни о чём не будет. Все, с кем я сюда прибыла, то есть свита, не знают ничего, кроме того, что я частная польская дама».

Ближе к концу письмо становится путаным, бессвязным: «Клянусь вам всем, что есть святого, что я никогда не обращалась к *Mr* Кейт, кроме как теперь. Меня убедили выслушать, наконец, того, кто знал, кто я такая. Мне было легко не знать о самой себе. Те, кто мне делает добро и кто даёт средства, находятся в Азии, а не в Европе». Заключение жаловалась на множество «плохих людей, которые и во Франции и в Германии старались узнать», откуда она родом и откуда у неё средства: «Было много таких, которые меня обманывали, и, не будучи в со-

стоянии больше этого делать, они выдумали тысячи сочинений против меня». Она то просила отпустить её за границу, то заявляла, что «не имела никакой другой мысли относительно России, как поселиться жить в *Circasie* («Черкассии». — *И. К.*) вследствие климата и потому что, может быть, я оттуда родом». Самозванка так и не определилась со своей конфессиональной принадлежностью — она писала, что должна быть католичкой, как и её муж граф Лимбургский, но пока «не принадлежит ни к какой религии». Но в одном пленница была до конца уверена — в том, что российские власти не имеют права сурово с ней поступать, поскольку она человек достойный, доказательством чего служат письма: «...из этих писем видно, что князья, министры, люди с положением не пишут таким образом лицу, которое их не интересует. Со мною обращаются здесь как с последнею тварью» (в помещённом в деле переводе — «здесь меня считают за последнюю из смертных»).

Главкомандующий поспешил в крепость для новой беседы с больной. Но желанного раскаяния он опять не услышал и ничего нового не узнал, кроме того, что его подследственная официально в браке не состояла — при её объяснении с Филиппом Фердинандом «попа и не было, однако князь дал ей обещание, что он на ней женится». Голицын уточнил, что названный в письме Кейт есть «тот самый милорд маришаль (лорд-маршал. — *И. К.*), которого брат служил в прежнюю турецкую войну в нашей армии. Она говорит, что видела его один раз во младенчестве, в Швейцарии, когда она туда привезена была на короткое время из Киля, а когда её отправили обратно в Киль, то он дал ей для свободного возвращения и паспорт». Речь шла о шотландском

эмигранте-якобите* Джордже Кейте, который верно служил прусскому королю Фридриху II и являлся братом состоявшего на русской службе в 1730—1740-х годах генерала Джеймса (Якова Вилимовича) Кейта. В описываемое время престарелый лорд жил в Пруссии и был для следствия недоступен — не предлагать же королю выдать для допроса своего старого слугу и приятеля!

Операцию же с усовещиванием арестованной духовным лицом пришлось отменить, поскольку она «сказала, что не имеет в нём надобности», а на вопрос, почему она прежде требовала священника, отвечала, что «настоящее её состояние так много причиняет ей горести и прискорбия, что она иногда не помнит, что говорит». Князь вновь попытался хоть что-то выяснить о происхождении своей невольной «гостыи», но добился только ответа, что о нём знают «вышеназванный Кейт и упоминающийся в последней её записке Шмидт, который учил её математике».

Узница просила разрешения написать друзьям, которые должны были выяснить правду о её рождении, но получила твёрдый отказ: «Нет никакой нужды переписываться о том с другими, о чём она сама непременно знать должна, ибо не можно стать, чтобы она по сие время столь была беспечна, дабы не спрашивать, от кого родилась, потому что всякому свойственно о том ведать и никакого нет стыда, от крестьянина, или от мещанина, или же от благородного человека кто родится».

* Якобиты — приверженцы изгнанного в 1688 году в результате революции английского короля Якова II и его потомков, сторонники восстановления на английском престоле дома Стюартов.

Самозванка — теперь уже устно — объявила, что, «может быть, родилась в Черкесах», но категорически отказалась признать себя дочерью трактирщицы: «На сие она отвечала, что всю свою жизнь никогда в Праге не бывала и если бы узнала, кто её тем происхождением поносит, то бы она тому глаза выцарапала». Нам представляется, что именно в этом обстоятельстве и кроется секрет упорства и «нераскаяния» несчастной авантюристки. Она не настаивала на родстве с Романовыми — это была лишь её проходная и, надо сказать, неудачно сыгранная роль. Но теперь для женщины, заключённой в стенах угрюмой крепости, страдавшей припадками смертельной болезни, рушился весь мир, в котором она привыкла вращаться — с аристократическим обществом, путешествиями за чужой счёт, интригами, романами, игрой в большую политику и поисками достойной «партии». Всё, что у неё оставалось, — даже не благородное имя, а лишь тайна благородного происхождения, которая создавала ей положение в обществе и привлекала внимание окружавших её лиц. Она хваталась за неё, как утопающий за соломинку, не желала и не могла сорвать с неё печать: это превратило бы блестящую образованную даму в истинную самозванку-«мужичку». Но ведь именно этого и требовала российская императрица в обмен на помилование.

Поэтому для пленницы был неприемлем брак с влюблённым Доманским. Тот, если бы знал «истинную природу» своей подруги, открыл бы её и был «готов дать такую подписку, что во всю свою жизнь никогда из сего места, в коем он ныне находится, не выходить, лишь бы только выдали её за него в замужество». Однако властительница его сердца и не мыслила завершить этот роман супружескими узами.

Дело даже не в том, что пан Михал, «обличив» на допросе возлюбленную, окончательно пал в её глазах. Венчание в крепости обрекало самозванку на роль благодетельствованной мелким шляхтичем «презрения достойной простой девки» и лишало её будущего. Даже в случае благополучного окончания дела ей пришлось бы провести остаток жизни в глухой провинции или на положении приживалки при каком-нибудь магнатском дворе. Поэтому в ответ на сделанное князем предложение «она по горделивому своему свойству не иначе отзывается, как что он (Доманский. — *И. К.*) дурак, не знающий языков, и рассказывает, что она обоих их, как Доманского, так и Чарномского, всегда не лучше сего трактовала».

Но предложение о возможном освобождении и отправке к Филиппу Фердинанду, как видно, заставило её колебаться, что не укрылось от глаз главного следователя. «Гораздо лучшее средство к убеждению её было то, что когда я многократно обнадёживал её, что буду стараться об отпуске её к помянутому князю, только бы она сказала о своей природе истину. Но она и на сие отвечала, что хотя и лестно ей такое обещание, ничего более сказать не может, как то, что она в последней записке написала». Видимо, отвечать было нечего — или ответ заставлял гордую даму навсегда расстаться с легендой о себе и пребывать отныне и до скончания века в статусе жуликоватой «ординарной женщины». Решение далось ей нелегко. «Дано мне было знать, что она, запечатывая сию записку, плакала горько, а для чего, неизвестно, — рапортовал 12 августа Голицын, попутно выражая недоумение, — кажется, в оной, кроме математика Шмидта и данцигского купца Шумана, ничего любопытного не видно, да и тому поверить сумнительно».

Для него дело самозванки становилось тягостным: учинённое по распоряжению государыни следствие зашло в тупик. Преступление было очевидно, его виновница изобличена, но опасности не представляла. Ей надо было всего лишь покаяться, чтобы получить всемилостивейшее прощение — далеко не худший исход по подобному обвинению. Но подследственная упиралась, а опытные чиновники во главе с генерал-фельдмаршалом и главнокомандующим ничего не могли поделать. «...Различные рассказы повторяемых ею басней открывают ясно, что она человек коварный, лживый, бесстыдна, зла и бессовестна. В последний раз я, её увидев, сказал, что она, как нераскаившаяся преступница, по правосудию предаётся вечно темнице, с чем её и оставил», — завершил князь свою следственную миссию. Оставалось одно — воздействовать на упрямицу «строгостью содержания, уменьшением пищи, одежды и других нужных потребностей», в том числе устранением служанки.

Князь Александр Михайлович не представляется нам, как Н. М. Молевой, таким уж «добрым следователем», который был «явно готов поверить в правоту слов молодой женщины, полон сочувствия к её положению и, кажется, верил, что Екатерину можно убедить в её невинности»²²⁴. Он, как мог, добивался от неё признания и старательно уличал в неискренности с помощью подобранных документов. Кстати, исследовательница полагает, что главный следователь по делу самозванки не имел доступа к бумагам, изъятым при её аресте и служившим одним из главных доказательств обвинения: «Голицыну этих писем увидеть не пришлось никогда. С точки зрения Екатерины, безопасней было ограничить фельдмаршала готовыми выводами, безо всяких поводов для размышлений и переоценок».

Между тем, как следует из дела, эти документы никто от князя не скрывал — наоборот, они ему были предоставлены, ведь без этих бумаг он не имел бы материала для «обличения» преступницы. Видимо, как раз коллежский асессор Василий Ушаков занимался отобранными у арестантов документами, в результате чего появилась «Переводная выписка из отмеченных французских бумаг, найденных у самозванки», включавшая главные улики — письма султану, «неизвестному министру» (Горнштейну) и Орлову. В позднее составленном дополнении указывалось, что именно Александру Михайловичу «препоручено было рассмотреть все те бумаги по присланным реестрам от графа Алексея Григорьевича Орлова» и князь выбрал из них «следующие номера, доказывающие зловерное предприятие сей шатающейся по свету под именем принцессы»²²⁵.

Только все эти усилия оказались бесплодными. Даже находясь в постоянном окружении караульных солдат, узница не сдалась, и Голицын «ничего более, кроме известных вашему величеству её сказок, из неё извлечь не мог». Оставалось лишь уповать: «...может быть, время и потерянная к свободе надежда принудят её к открытию таких дел, кои достойны будут веры». Этими словами завершил князь своё донесение императрице²²⁶.

Последний акт

Казалось бы, «дерзость» узницы и неутешительные доклады следователей должны были вызвать выражение «строгости» со стороны императрицы. Но ничего подобного мы не видим — точнее, вооб-

ще ничего: в Москве словно забыли о недавней возмутительнице спокойствия и претендентке на престол.

Екатерина наслаждалась счастливой семейной жизнью. Выдержки из её писем дорогому мужу в августе 1775 года свидетельствуют о полном взаимном доверии и духовной близости супругов:

«Кукла, или ты спесив, или ты сердит, что ни строки не вижу. Добро, душенька, накажу тебя, расцалую ужю. Мне кажется, ты отвык от меня. Целые сутки почти что не видала тебя, а всё Щербачёв и другие шушеры, что пальца моего не стоят и тебя столько не любят, те допускаются до вашего лицезрения, а меня оттёрли. Добро, я пойду в *General des Jamchiks* (ямщицкие генералы. — И. К.) возле вас, то получу вход к Высокопревосходительному...»

«Душенька, я теперь только встала и думаю, что не успею к тебе прийти, и для того пишу. Я спала от второго часа и до сего часа очень хорошо. Ужо часу в двенадцатом поеду прокатывать невестку, а он (наследник Павел. — И. К.) поедет верхом. Погода райская...»

«Батинька, сударушка. Был у меня В<еликий> К<нязь> и спросил меня с большими околичностями и несмелостию, будет ли чего завтра? И что им хочется спектакль. Я на то ему сказала, что может быть, буде поспеет, то в лесу будет “Аннетта и Любин”, но чтоб жене не открыл...»²²⁷

Императрица вела дачную жизнь: совершала прогулки в окрестностях Коломенского, участвовала в смотрах полков, присутствовала на разыгрываемых прямо на лоне природы спектаклях. «Вчера в именины великой княгини у нас в лесу была комическая опера “Аннет и Любин”... к великому удивлению

окрестных крестьян, которые, надо полагать, жили до сих пор в полном неведении, что существует на свете комическая опера», — писала она 28 августа 1775 года в Париж своему корреспонденту и комиссионеру барону Фридриху Гримму.

Конечно, как всегда, приходили известия из Петербурга: испанский купец Коломб пытался беспошлинно провезти через таможеню вино; в городе случилось очередное наводнение — когда вода поднялась на пять футов и дюйм. Императрица была довольна усердием главного столичного начальника и сообщала мужу об оригинальном способе борьбы с затоплением: «В Петербурхе великое было наводнение, чего видя, фельд<маршал> кн<язь> Голицын тотчас приказал зделать фонтаны таковые, кои, вытянув воду с улицы, кидали её в облака. И теперь, буде ветр облака не разнесёт, ожидать надлежит великие дожди»²²⁸.

Но о самозванке государыня как будто забыла — в следственном деле больше нет её повелений Голицыну. После 12 августа нет и его докладов на высочайшее имя о своей подопечной. Тщетно узница взывала: «Мой князь! Вот всё, что я могу представить, что имело бы хоть какое-нибудь основание. Умоляю ваше сиятельство быть уверенным, что нет ничего в мире, чего бы я не сделала, чтобы доказать вам истинность моего образа мыслей; защитите меня, мой князь. Вы хорошо видите, что всё против меня. У меня нет живой души, которая стала бы на мою защиту. Я не могу выразить, как меня мучают. Вы хорошо видите, что я ничего не могу сделать при этом. Я потеряла честь, счастье, здоровье. Умоляю ваше сиятельство не верить рассказням, которые вам говорят. Я опять больна, как никогда. Бросьте эту историю,

которая ничего никому не даёт. Умоляю вас именем Бога, мой князь, не покидайте меня. Бог благословит вас и всех, кто вам дорог. Бог справедлив. Мы страдаем, но он нас не покидает. Имею честь быть с самыми искренними чувствами мой князь, вашего сиятельства нижайшею и преданною слугою». В другом письме мольбы перемежались упрёками, обещания чередовались с шантажом угрозой самоубийства: «Я с изумлением глядела на то, как со мною обращаются. Где великая душа, где сердце, где разум? Я лишу себя жизни, если ваше сиятельство ещё сегодня не придёте, вы можете себе ясно представить, что я должна умереть. Прикажите удалиться этим людям, и я всё готова сделать, что ваше сиятельство пожелаете. Не может быть, чтобы вы пожелали моего несчастья»²²⁹.

Только 26 октября князь рапортовал наверх: заключённая находится в тяжёлом состоянии; «лекарь отчаивается в её излечении и рассказывает, что она, конечно, недолго проживёт». «Хотя во все время её содержания употребляется для неё строгость в присмотре, однако ж всегда производимо ей было неизнурительное пропитание, — оправдывался он перед императрицей, — следовательно, если она умрёт, то сие случиться может не иначе, как по натуральной болезни, приключившейся ей от перемены бывшего состояния»²³⁰.

В этой ситуации вновь потребовался священник, чтобы воздействовать на «безверную» даму. Образованный батюшка из храма Рождества Богородицы «на Невском проспекте» Пётр Андреев, дав подписку о неразглашении, получил инструкцию «всевозможными увещаниями довести её до того, дабы она в преступлении своём принесла чистосердечное рас-

каяние и открыла о своей природе и действиях истинную»²³¹.

Но и власть духовная в деле открытия истины не преуспела. Из представленного отцом Петром отчёта следовало: 30 ноября на исповеди (проводившейся на немецком языке) больная призналась, что крещена «в вере греческого исповедания», но «ни единожды не исповедывалась» и о родителях своих «не имеет сведения». Далее она повторила, как «сущую правду», всё ту же историю о своих странствиях по Азии и Европе, не призналась в самозванстве и не назвала сообщников — после чего «изнемогла» и священник вынужден был оставить больную. Исповедь продолжилась на следующий день, 1 декабря. Умиравшая каялась в том, что «жизнь свою с самых младых лет провождала в нечистоте телесной и во многих Богу противных делах», но ни в каких политических грехах так и не призналась²³². Приобщённый к делу рапорт обер-коменданта столицы генерал-майора Андрея Чернышёва извещал главнокомандующего, что 4 декабря «пополудни в 7 часу означенная женщина от показанной болезни волею Божию умре, а пятого числа в том же равелине, где содержана была, тою же и командою, которая при карауле в оном равелине определена, глубоко в землю похоронена»²³³.

От обольстительной, но неудачливой претендентки на российский престол остались лишь её наряды и немногочисленные принадлежности, вошедшие в «Опись имеющимся в двух баулах вещам». В описи значатся роброны и юбки разных цветов с фижмами — атласные, канифасные, тафтяные, гранитуровые, «с флёрвою выкладкою», «кофточки и юпки ж попарно», мантильи, тонкие рубашки голландского

полотна. Домашний «салоп* атласный голубой на куньем меху» вполне годился для того, чтобы в неофициальной обстановке принимать поклонников.

О «романе» самозванки с Барской конфедерацией и Радзивиллом свидетельствуют её «польские» туалеты. Должно быть, в кавалькаде шляхтичей «принцесса» эффектно смотрелась в «амазонском кафтане... с серебряными кистями и пуговицами». А «кушак сырсаковой (шёлковый. — И. К.) с серебряными и золотыми полосками и с кистями из золота и сереб-

* Роброн (от фр. *robe ronde* — круглое платье) — верхнее женское платье с очень широкой юбкой колоколообразной формы. Фишмы (от нем. *Fischbein* — рыба́ья кость) — устройство из ивовых прутьев или китового уса в виде перевернутых вверх дном корзиночек, крепящихся к талии с боков для придания юбкам пышности. Канифас (от голл. *kan-nefas* — канва) — плотная хлопчатобумажная ткань, обычно с рельефными полосками саржевого или атласного переплетения и фоном полотняного переплетения. Тафта (от перс. *taft* — ткань) — шёлковая или хлопчатобумажная материя полотняного переплетения из очень туго скрученных нитей, благодаря чему тонкая ткань была жёсткой. Гранитур (гарнитур, гродетур и т. д.) — тяжёлая шёлковая одноцветная ткань, как правило, тёмных оттенков, в которой каждая нить основы закрыта двумя нитями утка; получила название по первоначальному месту производства — городу Тур во Франции. Флёр (креп) — прозрачная ткань полотняного (тафтяного) переплетения, в которой нити утка лежат не прямолинейно, а слегка волнообразно; изготавливается из неварёного шёлка, причём чередование нитей, скрученных вправо и влево, придаёт им повышенную упругость, а ткани — шероховатый эффект. Мантилья (исп. *mantilla* от лат. *mantellum* — покрывало) — свободная кружевная накидка, заимствованная из испанского женского костюма; обычно надевалась поверх высокого гребня, вколото́го в причёску, и спускалась на спину и плечи. Салоп (фр. *salope* от англ. *slop* — свободное, просторное платье) — верхняя женская одежда, широкая длинная накидка на подкладке, ватной или меховой подсте́жка, с прорезями для рук или небольшими рукавами.

ра» — это, видимо, подарок самого князя, дорогой длинный и широкий пояс, сотканный из шёлковых, золотых и серебряных нитей и украшенный узорной каймой и богатым растительным орнаментом. Такие пояса носили богатые шляхтичи, а делали их во владениях Радзивилла, в белорусском Слутке, где отец «Пане коханку», гетман Михал Казимир «Рыбонька», создал мануфактуру по их изготовлению, на которой специалисты из Турции и Ирана ткали пояса с восточными узорами.

«Ящичек туалетный, покрытый лаком, с разными мелкими к нему принадлежащими вещами, в том числе серебряный ароматничек», 17 пар шёлковых чулок, десять пар «башмаков шёлковых надёванных» и семь пар — «шитых золотом и серебром на шёлковой материи», «ток* головной низанной перлами (жемчугом. — И. К.)», «зонтик тафтяной кофейный, лент разных цветов десять кусков целых и початых, двадцать пять пар новых лайковых перчаток» — это набор аксессуаров умевшей себя подать модницы, привыкшей «обращаться в свете». Но украшений было явно маловато — в описи фигурируют лишь «перловые браслеты с серебряными замками, подвески на склавах с осыпью» и «серьги в футляре перловые». Очевидно, их владелица быстро расставалась с драгоценностями, чтобы добыть денег. О беспокойной кочевой жизни свидетельствуют «чернильница с прибором дорожная», возимые с собой скатерть, «простыня и две наволочки полотняные», салфетки, дорожный столовый прибор с солонкой и... и «семь пар пистолетов, в том числе одни маленькие»²³⁴.

* То к (фр. *toque*) — шляпа без полей, плотно охватывающая голову.

Пистолеты, шляпа «чёрная с белыми перьями», «амазонский» камзол — готовый реквизит для пьесы о приключениях благородных героев времён *Ancien Régime**. Но в этот ряд не очень вписываются книги: «Четыре географических на иностранных языках, шестнадцать, видно, исторических на иностранных языках... один лексикон на французском, немецком и русском языках». Их наличие подтверждает отзывы собеседников «принцессы» в разных странах о её образованности и «остроте» ума. В «век Просвещения» изысканная, даровитая, энергичная дама могла бы найти иное применение своим талантам — вспомним хотя бы её современницу княгиню Екатерину Романовну Дашкову, стоявшую во главе двух академий, — но натура «авантюриеры» неизменно брала верх. Проехав пол-Европы, самозванка, кажется, сама поверила в свою легенду и готова была отправиться в Стамбул на свидание с султаном. Словно в подтверждение крушения фантастических замыслов самозванки в её бумагах оказались «три плана о победах, российским флотом над турецким приобретённых».

Печальным итогом всех надежд на благосостояние, ради достижения которого авантюристка пускалась во все тяжкие, явилась казённая ведомость об издержках на «известную женщину» и её свиту в Петропавловской крепости. Расходы на «принцессу» даже не выделили в ней отдельной строкой, как не указали и то, какие именно «покупки» предназначались узникам. Можно только сказать, что в день на

* *Ancien Régime* (фр. старый порядок) — эпоха истории королевской Франции под властью династий Валуа и Бурбонов с момента завершения централизации в конце XV века до Великой французской революции.

всех заключённых выходило от полутора до двух с половиной рублей; всего же с 26 мая 1775 года по 1 января 1776-го содержание «претендентки» и её компании обошлось российской казне в 474 рубля 33 копейки.

Судя по имеющимся в деле бумагам, смерть государственной преступницы осталась незамеченной — похоже, к тому времени её судьба уже никого не интересовала. В конце декабря 1775 года двор возвратился в Петербург. Екатерина и Потёмкин обменивались ласковыми письмами, супруг императрицы был назначен командующим Санкт-Петербургской дивизией, его мать стала статс-дамой, а племянница Саша — фрейлиной. Но придворные уже знали о ссорах между фаворитом и императрицей и о появлении нового любимца — Петра Завадовского. Все ждали перемен, и никто не предполагал, что Потёмкин — не проходная фигура в чередѣ фаворитов государыни, а второй после неё человек в империи, утвердившийся всерьёз и надолго.

После смерти «бродяжки» больше не имело смысла держать в заключении её свиту. 13 января 1776 года фельдмаршал А. М. Голицын и генерал-прокурор А. А. Вяземский решили судьбу спутников «известной женщины». Судьи снисходительно постановили, что не представляется возможным доказать участие поляков Чарномского и Доманского в преступных замыслах самозванки: и оба шляхтича оставались при ней по своему легкомыслию, а Доманский к тому же был увлечён страстью к прекрасной обманщице. А потому, решили чиновники, хотя спутники самозванки и заслужили «вечное заточение», но почти годовое тюремное заключение является для них достаточной острасткой. Их отпустили на родину с выдачей каждому по 100 рублей, взяв подписку о «веч-

ном молчании» про преступницу и своё заключение и пригрозив, что при нарушении этого обязательства они даже за тридевять земель почувствуют на себе гнев российской государыни. Слуг, и подавно ни в чём не замешанных, было решено отправить за рубеж с выдачей по 50 рублей, а служанке Франциске, особе дворянского происхождения, в счёт невыплаченного хозяйкой жалованья отдали некоторые вещи покойницы и вручили целых 150 рублей.

По российским меркам приговор можно считать весьма гуманным для дел о самозванстве: бравых шляхтичей вполне могли отправить на поселение в сибирские просторы. 19 января 1776 года за лифляндский рубеж вывезли служанку самозванки Франциску. Вслед за ней той же дорогой отправились прочие слуги. В марте расписались в получении 100 рублей и были отпущены на волю приятели-шляхтичи Доманский и Чарномский. Каждую партию выдворяемых участников дела мнимой принцессы Елизаветы сопровождал до Риги сенатский курьер с двумя конвойными солдатами и сдавал в канцелярию лифляндского генерал-губернатора Ю. Ю. Броуна. Последняя группа, включавшая Чарномского и Доманского с их слугами, была вынуждена в целях секретности задержаться. Броун доложил Вяземскому, что в связи с ожидавшимся прибытием в Ригу прусского принца Генриха удержал арестантов и посадил в крепость; «а как скоро его высочество Ригу проедет, то оне за границу с надлежащим конвоем и с крепким подтверждением о невъезде им в Россию во всю их жизнь отправлены будут без малейшего замедления»²³⁵.

Вскоре отправили и их. История «принцессы» закончилась — началась красивая легенда о любви и предательстве.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Казалось, загадочная и упрямая самозванка исчезла без следа. Её арест и смерть в заключении как будто не вызвали никаких «толков» в России и, тем более, неблагоприятных отзывов за границей. Императрица щедро наградила верных слуг, благо кстати пришлось празднование победы над турками. Князь Александр Михайлович Голицын получил украшенную алмазами шпагу с надписью «За очищение Молдавии до самых Ясс» и серебряный сервиз; отличившийся при разгроме турок под Хотинном Рязанский полк стал носить его имя. Следственная неудача не отразилась на карьере князя — он по-прежнему являлся одним из доверенных лиц государыни (тем более что в придворные интриги никогда не вмешивался); стал командующим войсками в Лифляндии, главным директором Ревизион-коллегии, присутствующим в Комиссии о строении столичных и других городов. До последних дней жизни он ос-

тавался главноначальствующим над Северной столицей и умер на этом посту в 1783 году.

Самуил Грейг был произведён в вице-адмиралы и назначен на должность главного командира Кронштадтского порта. Екатерина II наградила его и от себя лично — подарила свою дачу Сан-Энню под Ораниенбаумом со всей обстановкой, а его новорождённого сына произвела в мичманы флота. Старый моряк много лет командовал важнейшим портом Финского залива, занимался судостроением, был инженером. Во время Русско-шведской войны 1788—1790 годов адмирал разбил шведский флот в Гогландском сражении 6 (17) июля 1788 года и умер в октябре того же года на борту флагманского корабля «Ростислав».

Главный же участник захвата самозванки, граф Алексей Орлов, в 1775 году получил «похвальную грамоту» с изображением его подвигов в Средиземном море, шпагу с бриллиантами, серебряный сервиз и 60 тысяч рублей «на поправку домашней экономики». Однако карьера графа шла к закату — но вовсе не из-за недовольства государыни проведённой в Италии операцией. В том же году окончательно завершился «случай» его брата-фаворита Григория и клан Орловых при дворе стал неуютен. 2 декабря 1775 года Алексей Григорьевич был уволен в отставку полным генералом и оставшиеся годы жизни провёл в Москве. Екатерина в память о заслугах графа в марте 1776 года повелела прибавить к «секретной» пенсии, которую он получал с 1766 года, полное генерал-аншефское жалованье; общая сумма составляла теперь 29 682 рубля в год²³⁶. Мог быть доволен и его бывший подчинённый Иван Хрестинек, получивший чин подполковника и спокойное место обер-коменданта провинциального Симбирска. Бывший

консул в Ливорно Джон Дик стал «искренним приятелем» графа и его комиссионером по доставке из Англии породистых собак и лошадей.

«Пане коханку» ещё в Дубровнике понял, что проиграл: теперь, чтобы вернуть свои владения в Литве, ему оставалось рассчитывать лишь на прощение той самой императрицы, которую он готов был заменить на российском троне своей протеей. В марте 1775 года он написал Екатерине II покаянное послание, в котором писал, что «припадает к стопам» императрицы в поисках справедливости и милосердия. В порыве раскаяния воевода даже явился на обед к российскому посланнику в Венеции, где лично просил о заступничестве Алексея Орлова — как раз в тот момент, когда русская эскадра уносила от берегов Италии его недавнюю спутницу, «принцессу Елизавету».

Князь — после долгого ожидания — в очередной раз получил прощение; в 1777 году он вернулся на родину, жил по-прежнему широко, но в вожди оппозиции больше не играл, хотя и поддерживал вместе с также прощённым Михалом Казимиром Огиньским «прусскую партию» в Польше. Однако серьёзными противниками Екатерина их уже не числила — настолько, что даже не считала нужным привлекать на свою сторону. «Естьли кто из них (исключительно пьяного Радзивилла и гетмана Огиньского, которого неблагодарность я уже испытала) войти хочет в мою службу, то не отрекусь его принять, наипаче же гетмана гр<афа> Браницкого, жену которого я от сердца люблю и знаю, что она меня любит и помнит, что она русская. Храбрость же его известна. Также воеводу Русского Потоцкого охотно приму, понеже он честный человек и в нынешнее время поступает сходственно совершенно с нашим желанием», — писала императрица Потёмкину в 1788 году.

Магнат продолжал чудить: утверждал, что поймал в Налибокской пуще чёрта, которого три дня пришлось отмачивать в святой воде, чтобы нечисть из него вышла; что, путешествуя по Средиземноморью, залез в ад через вулкан Этну и видел там иезуитов, сидящих в закупоренных бутылках, куда их посадил сам Люцифер, чтобы они чертей не обратили в веру. Он умер спокойно в 1790 году, а потому не имел несчастья видеть гибели Речи Посполитой с её магнатскими группировками и шляхетскими вольностями.

Огиньский оставался великим гетманом Литовским до 1793 года, когда уехал в Вену, но под конец жизни он вернулся в уничтоженную Польшу и присягнул Екатерине. Он жил в Слониме, где устроил отличный театр и щедро тратился на строительство и украшение любимого города. Несколько миллионов им было израсходовано на строительство канала, который связал Днепр с Неманом и стал носить его имя. В историю Михал Казимир вошёл не только как неудачливый политик, но и как музыкант: он играл на скрипке и кларнете, даже усовершенствовал свой любимый музыкальный инструмент — арфу. (Правда, в этом качестве более известен его племянник и тёзка Михал Клеофас Огиньский, создавший в 1794 году один из самых известных полонезов «Прощание с родиной».)

Неутешный граф Филипп Фердинанд Лимбург-Штирумский так и не получил ни Голштинии, ни жены, ни персидских сокровищ. Его дальнейшая судьба нам неизвестна.

Вспоминали ли они на склоне дней свои встречи с загадочной и эксцентричной особой, с которой судьба столкнула их на дорогах Европы? Все они так или иначе были увлечены ею — но вовремя остановились, поскольку им было что терять. «Принцессе»

же терять было нечего, тайну своего рождения и имени она унесла с собой. Вряд ли она и в наше время будет раскрыта, ведь документы о её «деле» давно известны или уже опубликованы. Можно только предположить, что её «царское» происхождение и вообще отношение к России были мифом; но всё же вряд ли она была той, кем Екатерина II упорно пыталась её выставить, — «презрения достойною простою девкою».

Единодушные отзывы встречавшихся с ней лиц об уме, обаянии и напористости самозванки свидетельствуют о незаурядном и волевом характере, а восхищение её разнообразными талантами — о хорошем образовании. Правда, умение говорить на нескольких языках, одеваться, вести себя в свете или играть на арфе можно было приобрести, будучи прислугой или компаньонкой знатной особы; но дочь трактирщицы едва ли могла похвастаться знанием архитектуры или живописи.

Рискнём высказать мнение, что неизвестная молодая дама вполне могла быть незаконнорождённым ребёнком некоего знатного лица, возможно, из Германии, но едва ли из России. В этом качестве она и провела детство инкогнито — вдали от семьи, в чужом городе, но под надёжным присмотром и с хорошим обеспечением. А дальше, видимо, случилось нечто непредвиденное, вроде гибели родителя-спонсора; юная девушка оказалась без средств и вынуждена была сама о себе заботиться. Она не сломалась, благодаря сильному характеру, и начала свою карьеру в качестве разбивательницы сердец и разорительницы кошельков в разных странах под разными именами: госпожи Франк, госпожи Шелль, госпожи Тремуиль... Этакая евроинтегрированная искательница приключений без родины и религии, но с вы-

думанной экзотической биографией, вполне достойной любого приключенческого романа, ведь тогда в Европе всё восточное было в моде.

Так появилась якобы прибывшая из далёкой Персии Али Эмете с рассказами о «дяде» Али и несуществующем богатстве. Дела авантюристки шли с переменным успехом. К тому же молодая особа была не только обаятельна и удачлива, но и честолоубива. Сколько можно «разводить на деньги» дворянчиков и купцов! Занятие это — не только не слишком доходное, но и не престижное. А ведь она, с её умом и талантом, чувствовала себя способной исполнить более достойную роль! К тому же пора было подыскать достойного жениха и составить приличную партию. Так закручивались её романы сначала с нерешительным гетманом Огиньским, а затем с графом Лимбург-Штирумским. Последний продолжался, с точки зрения темпераментной «принцессы», слишком долго, но никаких ощутимых результатов — ни денег, ни положения в обществе — не принёс. Законный брак с имперским князем был невозможен без предоставления невестой документов, подтверждающих её благородное происхождение, в природе не существовавших.

Вот тогда — не без влияния польских эмигрантов, но едва ли по их далеко идущему замыслу — начался «русский проект» нашей героини. Как раз в это время из России приходили интригующие известия о том, что неизвестный бунтовщик объявил себя Петром III. Теперь Али Эмете, она же мадемуазель Элеонора де Волдомир, превратилась в «принцессу Елизавету», несчастную, но законную дочь императрицы Елизаветы Петровны и внучку Петра Великого. Это вам не трактирные похождения, а большая политика! К тому же неизвестной даме с сомнитель-

ной репутацией вряд ли кто ссудил бы порядочную сумму, совсем другое дело — наследнице престола.

Поэтому отношения с Радзивиллом были не любовным романом, а политическим альянсом. В Венеции наступил звёздный час самозванки: она впервые почувствовала себя настоящей принцессой; её сопровождала свита из польских дворян и французских офицеров, а впереди ждали Стамбул и надежды сыграть, пусть и второстепенную, роль на гребне Русско-турецкой войны. О последствиях она вряд ли задумывалась — далёкая Россия (как прежде Персия) была для неё всего лишь сюжетным полем занимательного романа.

Её, пожалуй, можно считать «случайной» самозванкой — в том смысле, что ни личной обиды на российскую императрицу, ни политического противостояния с ней у «авантюриеры» не было, как не было и убеждения в своём царском происхождении, существование которого предполагал знаменитый историк С. М. Соловьёв²³⁷. Просто подвернулась возможность сыграть эффектную роль — и она её использовала. Об эффективности же говорить не приходится: все её акции — воззвание к Орлову, липовые завещания российских государей, нахальные письма к султану — есть не более чем имитация политической деятельности и, говоря современным языком, агрессивный «пиар», игра на потребу европейской публике. Вот только в российских условиях всё это выглядело иначе.

Неужели в шляпе с пером, с пистолетами, в «амазонском кафтане» барышня была готова броситься на борьбу с армиями Российской империи? Или она полагала, что вдохновлённые ею польские вельможи, турецкий повелитель, «родной брат» Пугачёв и оболыщённый граф Орлов поднесут ей престол? А мо-

жет, она попросту намеревалась блистать, привлекать внимание и получить заодно несколько тысяч золотых? Этого мы уже не узнаем. Но беда была в том, что «принцесса Елизавета» не сообразила (или не нашла в себе силы) вовремя уйти из затеянного ею спектакля — что, кстати, удалось недалёкому «Пане коханку». Она всерьёз требовала отослать её письма к султану, порвала с трусливым Радзивиллом и поехала в Рим, чтобы предстать перед папской курией в качестве наследницы российского престола, пыталась соблазнить своими выдумками польского посла в Ватикане, то есть категорически не желала выходить из новой роли и развоплощаться в прежнюю особу — благородную, но частную. Но Русско-турецкая война была окончена, конфедерация разбита, политическая ситуация переменилась, и она никому в этой роли не нужна. В итоге никем не признанная самозванка без особых усилий со стороны Орлова и его людей угодила в расставленную ими западню, о возможности которой, кажется, и не подозревала.

Игра в «наследницу» завершилась настоящей тюрьмой. Здесь «принцесса» в последний раз проявила бойцовские качества, поставив в тупик саму императрицу и следователя-фельдмаршала. Она отвергла все обвинения и как будто была уверена, что судить её не за что, ведь никакого реального вреда она не принесла: «...каким образом могла бы возникнуть у меня в голове мысль сделать какое-нибудь безрассудство по отношению к народу, с которым у меня нет никакой связи, никакого отношения?» А потому дама полагала вполне возможным «кончить эту историю», из которой вынесла горький опыт: «...и я была бы всю свою жизнь благодарнейшей из смертных; я могла бы избежать всех этих неприятностей, но, так как я надо всем смеялась, то вот что

со мною случилось». Она упорно не желала принять правила чуждой ей традиции, не признавала криминалом свою театральную игру и не пошла на унижительное для неё признание в самозванстве в качестве «подлой девки» — оно разрушало весь её внутренний мир. Такой ценой она не желала ни свободы, ни брака. Возможно, как подсказывают её письма Голицыну, она всё ещё надеялась — на своё обаяние и везение, на снисходительность «доброго следователя» и милость императрицы. Надежды её были напрасными — итогом оказалась смерть в тюремной камере.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают оснований говорить ни о страстной любви к Орлову, ни о беременности и родах в тюрьме, ни о гибели в затопленной во время наводнения камере. Она так и покинула сей мир неузнанной. Но вскоре, компенсируя совсем не романтический конец сочинённой «известной (точнее сказать, неизвестной. — *И. К.*) женщиной» сказки о своей жизни, вокруг её образа начали складываться легенды.

В обществе «рассказывали, будто бы он (Алексей Орлов. — *И. К.*) из Ливорны отправил какую-то таинственную девицу в Россию, где будто бы и отдана она была в один из женских монастырей»²³⁸. Чрезвычайный посланник и полномочный министр Великобритании сэр Джеймс Харрис в 1778 году писал об имеющихся у него сведениях о смерти узницы Петропавловской крепости от «колик в желудке», впрочем подчёркивая, что сам он в эту версию не верит²³⁹. Потом появились захватывающие сочинения француза Жана Анри де Кастера и англичанина Натаниеля Рэкселла, пользовавшегося рассказами английского консула в Ливорно Джона Дика. Упомянутый в начале нашей книги М. Н. Лонгинов, кажется, установил один из источников предания о само-

званке — к тому времени ещё не опубликованные мемуары отставного подпоручика Григория Винского, угодившего в 1779 году в крепость по подозрению в «прикосновенности» к подложному получению из банка крупной денежной суммы.

Однажды, стоя у окна в своей камере в Алексеевском равелине, Винский якобы заметил, что на стекле нацарапаны алмазом слова: *O mio Dio!** Заинтересовавшись надписью, он спросил своего охранника, кто содержался в этой камере. «Некому другому написать этих слов, — отвечал сторож, — кроме барыни, которая до вас здесь сидела. Она была привезена откуда-то издалека. Была молода, собой красавица и, должно быть, знатного рода, потому что ей прислуживали и за ней ухаживали не как за простою арестанткой. Прислуги у ней было много, кушанье ей носили хорошее, с комендантской кухни. Вскоре после того, как её здесь поместили, приезжал к ней сам граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский. Оставшись с ним глаз на глаз, долго и громко она говорила с ним, так что из коридора можно было слышать всё от слова до слова. Она очень сердилась на графа, кричала и, должно быть, бранила его за что-то, даже топала ногами. О чём они говорили, понять было нельзя, потому что барыня по-русски не умела и они разговаривали на каком-то иностранном языке. Граф уехал и после того более не приезжал. А её привезли беременную, она здесь и родила. Что было с ней потом — не знаю. Я тогда отпросился к родным, в побывку, а когда после отпуска воротился к своему месту, здешнее отделение было пусто». Рассказ, конечно, интересный — его впервые опубликовал П. И. Мельников-Печерский

* О Боже мой! (ит.).

(сначала в 1860 году в заметке в «Северной пчеле», а затем, в 1867-м, в очерке «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская»²⁴⁰). Но уже Лонгинов сомневался в его подлинности²⁴¹, а в дважды изданных (в 1877 и 1914 годах) мемуарах Винского этого эпизода нет, да и сам автор указал, что находился в заключении не в «секретном» Алексеевском, а в противоположном ему Иоанновском рavelине²⁴².

Ко времени появления знаменитой картины Константина Флавицкого легенда уже сложилась. «Что касается известной под именем княжны Таракановой интриганки, которая будто бы утонула в крепости во время большого наводнения 1777 года, то она была дочерью польского еврея, и выдвигал её в качестве так называемой дочери императрицы Елизаветы князь Карл Радзивил<л>, бывший в ту пору врагом Екатерины II. Во втором томе моих “Записок” я ещё буду говорить об этой интриганке и расскажу, как граф Алексей Орлов, одно время намеревавшийся воспользоваться ею против Екатерины II, а потом сам же выдавший её, совершив тем самым едва ли не самое позорное и преступное из предательств, в котором, кроме него самого, участвовали Дик, английский консул в Ливорно, Рибас, негодяй, родом из Неаполя и испанец по происхождению, а также адмирал Грейг (дед нынешнего генерала Грейга). Эта интриганка умерла в родах в Петропавловской крепости, через два года после упомянутого выше наводнения» — так писал о ней в изданных на французском языке в 1867 году князь-эмигрант Пётр Долгоруков²⁴³. Обещанный второй том его «Записок» с подробным рассказом об интриге Орлова так и не был написан.

В сознание российской публики вошла романтическая история о любви и предательстве прекрас-

ной женщины несомненно высокого и едва ли не царского происхождения — «княжны Таракановой». Чуждая России и не знавшая ни слова по-русски «авантюриера» стала отечественной жертвой династических распрей, несчастной, коварно обманутой и погибшей от произвола. Жаль, что «известную женщину» не причислили позднее к борцам с самодержавием — какой бы эффектный мог выйти памятник...

Конечно, этот образ не имел ничего общего с реальной «принцессой Елизаветой», но мифы живут по своим законам. Пленница Петропавловской крепости затмила своей персоной ту, в отношении которой власти и исследователи, пожалуй, имели больше оснований для волнения: таинственную монахиню Досифею — предполагаемую дочь императрицы Елизаветы и Алексея Разумовского, родившуюся около 1746 года, проживавшую в почётной изоляции в московском Ивановском монастыре и похороненную в родовой усыпальнице бояр Романовых в Новоспасском монастыре. Но история законопослушной затворницы не столь авантюрна, нет в ней ни бурных страстей, ни приключений, ни уголовного дела — вот и не сложилась красивая легенда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Сомов В. А.* Французская «Росси́ка» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Л., 1986. С. 213.

² См.: *Гельбиг Г.* Русские избранники и случайные люди // Русская старина (далее — РС). 1886. № 4. С. 177—179.

³ См.: Несколько данных для истории принцессы Таракановой // Русская беседа. 1859. № 6. С. 59—76.

⁴ Примером объединения под одной обложкой такого рода повествований с официальными актами и запрещёнными переводными сочинениями может служить один из рукописных сборников, сохранившийся среди бумаг министра полиции Александра I А. Д. Балашова; он включает любопытную подборку материалов, в том числе «Манифест» по делу царевича Алексея, «Историю жизни, царствования и низвержения с престола Иоанна VI, императора России», «Рассказы о знаменитых людях России прошлого века», «Краткую историю Елизаветы Алексеевны Таракановой» (см.: Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 16. Оп. 1. № 235).

⁵ См.: *Лонгинов М. Н.* Княжна Тараканова. Эпизод из анекдотической хроники XVIII в. // Русский вестник. 1859. № 24. С. 716—736.

⁶ См.: *Мельников П.* Предание о судьбе Елизаветы Алексеевны Таракановой // Северная пчела. 1860. № 39. С. 154.

⁷ См.: *Голицын А. П.* О мнимой княжне Таракановой. Лейпциг, 1863.

⁸ См.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. № 565. Л. 1—2 об.; № 559. Л. 1; № 564. Л. 16—16 об., 29—30; Ф. 1274. Оп. 1. № 2768. Л. 1 и далее.

⁹ См.: *Лонгинов М. Н.* Заметка о княжне Таракановой по поводу картины г. Флавицкого // Русский архив (далее — РА). 1865. С. 89, 651—656.

¹⁰ См.: *Панчулидзе С. А.* Самозванка Тараканова. Бумаги о ней из Архива Государственного совета // РА. 1905. № 3. С. 425—443.

¹¹ См.: *Снегирёв И. М.* Ивановский монастырь // Русские достопамятности. М., 1862. Вып. 5. С. 15.

¹² Цит. по: *Самгин А.* О княжне Таракановой // Современная летопись. 1865. № 13. С. 13—14.

¹³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1730 по 1862 г. СПб., 1862. С. 453.

¹⁴ См.: Из записной книжки издателя «Русского архива» // РА. 1907. № 1. С. 0162—0163.

¹⁵ См.: *Панин В. Н.* О самозванке, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. По архивным источникам // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1867. Кн. 1. С. 1—91 (первая пагинация), 1—61 (вторая пагинация).

¹⁶ См.: Краткая история Елисаветы Алексеевны Таракановой // ЧОИДР. 1867. Кн. 2. С. 155—160.

¹⁷ Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Таракановой. Из Государственного архива // Сборник Императорского русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 1. С. 168—204.

¹⁸ См.: *Мельников П. И.* Княжна Тараканова и принцесса Владимирская // Русский вестник. 1867. № 5. С. 181—236; № 6. С. 674—727; № 8. С. 555—634.

¹⁹ См.: *Шпажинский И. В.* Самозванка (княжна Тараканова). СПб., 1904.

²⁰ Сине-Фоно. 1910. № 2. С. 9.

²¹ См.: *Сухонин П. П. (Шардин А.)* Княжна Владимирская (Тараканова), или Зацепинские капиталы. СПб., 1883; *Дмитриев Д. С.* Авантюристка. М., 1993; *Крючков Ю. С.* Кто вы, княжна Тараканова? Историческая повесть. Николаев, 2006; *Гримберг Ф.* Золотая чара: Исторический роман о княжне Таракановой. М., 2007.

²² См.: *Платонов А.* Княжна Тараканова. М., 1912; *Аренкова Ю.* Тайна княжны Таракановой // Наука и религия. 1964. № 6. С. 22—25; *Лакшина С.* Княжна Тараканова: легенда и действительность // Там же. 1974. № 12. С. 63; *Седов Л.* Одна в двух лицах // Окно. 1993. № 1. С. 52—57; *Алебастров И.* Три княжны Таракановых // Уральский следопыт. 1993. № 8. С. 55—57; *Плугин В.* Влюблённый вельможа, или Похищение «дочери» Елизаветы // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М., 2000. С. 41—96; *Арсеньева Е. А.* Прекрасные авантюристки. М., 2003; *Деко А.* Дело княжны Таракановой // Великие загадки истории. М., 2004. С. 411—434; *Кончин Е. В.* Трагедия княжны Таракановой // Библиотека. 2005. № 7. С. 80—84; *Сахарова Л.* Княжна Тараканова // Ларец Клио: Истории об истории. 2007. № 5. С. 7—8.

²³ См.: *Анисов Л. М.* Княжна Тараканова: тайна и ложь // Русский дом. 2008. № 2. С. 50—51; *Обухов А.* Месть княжны

Таракановой // Чудеса и приключения. 2009. № 9. С. 36—37; *Успенский В.* Монахиня Досифея // Новый журнал. 2000. № 2. С. 122—126; *Гримберг Ф.* Династия Романовых: Загадки. Версии. Проблемы. М., 2006. С. 149—150.

²⁴ *Радзинский Э. С.* Княжна Тараканова. М., 2003; *он же.* Загадка княжны Таракановой. М., 2007; *Молева Н. М.* Её звали княжна Тараканова. М., 2007.

²⁵ См.: *Елисеева О. И.* «Княжна Тараканова» от Радзинского: «Авантюрьера», или История для ослов // История России в мелкий горошек / Д. М. Володихин, Д. И. Олейников, О. И. Елисеева. М., 1998. С. 9—112.

²⁶ *Молева Н. М.* Указ. соч. С. 9, 38—39, 43, 45, 225.

²⁷ См.: *Гримберг Ф.* Династия Романовых. С. 148.

²⁸ См.: *Luninski E.* Ksiezna Tarakanova. Lwow, 1907; *Лунинский Э.* Княжна Тараканова: Исследование по актам государственного архива. М., 1908. Книга Лунинского переиздавалась в 1910—1911 годах без документальных приложений, а в 1991-м вышло репринтное воспроизведение издания 1909 года. Мы будем пользоваться последним изданием с публикацией документов: *Лунинский Э.* Княжна Тараканова. М., 1998.

²⁹ См.: *Лурье С. С.* Княжна Тараканова // Вопросы истории (далее — ВИ). 1966. № 10. С. 207—210.

³⁰ См.: *Дьяков В. А.* «Княжна Тараканова». По полузабытым архивным источникам // Славяноведение. 1994. № 1. С. 67—75.

³¹ См.: *Долгова С. Р.* Князь А. М. Голицын и княжна Тараканова // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Большие Вязёмы, 1999. С. 200—205; *она же.* Судьба архива княжны Таракановой // Памятники культуры. Новые открытия. 2000. М., 2001. С. 7—18.

³² Несчастная принцесса, или Трогательные приключения Аврелии. М., 1791. С. 3—6, 11, 31, 33.

³³ См.: *Покровский Н. Н.* Самозванный сын Петра I // ВИ. 1983. № 4. С. 186—188.

³⁴ Цит. по: *Панчулидзе С. А.* Указ. соч. С. 433.

³⁵ См.: *Мельников П. И.* Княжна Тараканова и принцесса Владимирская. № 6. С. 679.

³⁶ См.: *Голомбиевский А.* Княжна Тараканова и загадочный портрет Григория Сердюкова (об атрибуции «Портрета неизвестной» Г. Сердюкова) // Старые годы. 1911. № 5. С. 41—43.

³⁷ Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Таракановой. С. 172—173.

³⁸ См.: *Молева Н. М.* Указ соч. С. 223—224.

³⁹ См.: *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 224; Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. № 7390. Л. 8; № 7368. Л. 4 об.; № 7386. Л. 2 об.

⁴⁰ Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Таракановой. С. 190.

⁴¹ Там же. С. 173—174.

⁴² См.: *Строева Л. В.* Керим-хан Зенд и ханы // Иран: история и современность. М., 1983. С. 93—95.

⁴³ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 101. № 8061. Л. 43.

⁴⁴ Несчастная принцесса, или Трогательные приключения Аврелии. С. 40—41.

⁴⁵ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1 № 5. Ч. 5. Л. 309 об.—310, 321 об., 342, 347 об.

⁴⁶ См.: Там же. Ф. 149. Оп. 1. № 77. Л. 1—11 об.

⁴⁷ См.: Там же. Ф. 7. Оп. 1. № 1405. Л. 3; № 1423. Л. 2; № 5. Ч. 2. Л. 54 об.

⁴⁸ Цит. по: Рассказ о браке императрицы Елизаветы Петровны // ЧОИДР. 1863. Кн. 3. Смесь. С. 153—157.

⁴⁹ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 1350. Л. 4; № 1349. Л. 4 об.—5, 11 об.

⁵⁰ См.: Там же. № 1203. Л. 5—6, 88.

⁵¹ Там же. № 367. Ч. 13. Л. 60 об.

⁵² Там же. № 1179. Л. 5 об.

⁵³ Там же. № 1408. Ч. 11. Л. 52.

⁵⁴ Там же. № 1650. Л. 4.

⁵⁵ Там же. № 1408. Ч. 11. Л. 8, 141 об.

⁵⁶ Там же. № 1401. Л. 1. об. См. также: *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. М., 1999. С. 195—197.

⁵⁷ См.: *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 281—288.

⁵⁸ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 5. Ч. 5. Л. 325 об., 331, 332 об., 338 об., 344 об.; *Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 142.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 998. Л. 12—13.

⁶⁰ См.: Там же. № 860. Л. 2—165 об.; № 1069. Л. 3—11; *Арсеньев А. В.* «Непристойные речи» // ИВ. 1897. № 7. С. 71—80.

⁶¹ Цит. по: *Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 200.

⁶² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 367. Ч. 1. Л. 114 об.—115, 120, 329, 476.

⁶³ Русские повести первой трети XVIII в. М.; Л., 1965. С. 243, 246.

- ⁶⁴ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2537. Л. 1—32.
- ⁶⁵ См.: *Купцов И. В.* Род Строгановых. Челябинск, 2005. С. 85.
- ⁶⁶ См.: По поводу книги Кастера. Рассказы и заметки графа М. А. Дмитриева-Мамонова // РА. 1877. № 12. С. 390; Дневник А. С. Пушкина. 1833—1835. М., 1997. С. 3, 62.
- ⁶⁷ *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. М., 1989. С. 115.
- ⁶⁸ См.: *Васильчиков А. А.* Указ соч. С. 308—309.
- ⁶⁹ Несчастливая принцесса, или Трогательные приключения Аврелии. С. 49—50, 54—57, 60—62.
- ⁷⁰ Цит. по: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 69—70.
- ⁷¹ Цит. по: Там же. С. 72.
- ⁷² Несчастливая принцесса, или Трогательные приключения Аврелии. С. 69—70, 80—81, 99.
- ⁷³ См.: *Панин В. Н.* Указ. соч. С. 6—13; *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 80—89; диплом см.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 532. Ч. 1. Л. 276—277.
- ⁷⁴ Цит. по: *Панин В. Н.* Указ. соч. С. 35 (пер. Е. В. Колодочкиной).
- ⁷⁵ См.: Там же. С. 22.
- ⁷⁶ *Охотский Я. Д.* Рассказы о польской старине: Записки XVIII века. СПб., 1874. Т. 1. С. 125—126.
- ⁷⁷ Цит. по: Подлинные анекдоты о князе Н. В. Репнине // РА. 1865. С. 957.
- ⁷⁸ Цит. по: *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756—1768. М., 2004. С. 691.
- ⁷⁹ См.: *Borucki M.* Po radziwiłłowsku. O życiu i działalności politycznej wojewody wileńskiego księcia Karola Radziwiłła «Panie Kochanku». Warszawa, 1980. S. 148—152.
- ⁸⁰ Цит. по: *Охотский Я. Д.* Указ. соч. С. 129—130.
- ⁸¹ См.: *Borucki M.* Op. cit. S. 176.
- ⁸² Цит. по: Принцесса Владимирская в Рагузе // Минувшие годы. 1908. № 5/6. С. 496—497.
- ⁸³ См.: Братья Чоглоковы // Памятники новой русской истории. СПб., 1873. Т. 3. С. 323—333.
- ⁸⁴ См.: *Корсаков А. Н.* Дела давно минувших лет // Исторический вестник. 1888. № 10. С. 183—184.
- ⁸⁵ См.: *Блок Г. П.* Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949. С. 84—85; Ложный Пётр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачёва. М., 1809. Ч. 2. С. 84—85. Русский перевод (без указания переводчика) был напечатан в 1809 году. Это сочинение вместе с

появившимися тогда же «Анекдотами о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачёве» было сразу же запрещено цензурой (см.: Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1921. Т. 2. С. 135—136). См. также: *Степанов Л. А.* К истории создания «Капитанской дочки»: Пушкин и книга «Ложный Пётр III» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 220—234.

⁸⁶ См.: Ложный Пётр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачёва. Ч. 1. С. 117.

⁸⁷ См.: *Черкасов П. П.* Двуглавый орёл и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. М., 1995. С. 380—383.

⁸⁸ Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Таракановой. С. 180.

⁸⁹ См.: Сб. РИО. Т. 63. С. 480, 508.

⁹⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Т. 7. № 5070.

⁹¹ См.: *Павленко Н. И.* Полудержавный властелин. М., 1988. С. 360; *Вильбуа Ф.* Рассказы о российском дворе // ВИ. 1992. № 4—5. С. 139.

⁹² См.: РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. № 21. Л. 2—5. Ср.: ПСЗРИ. Т. 7. № 5070.

⁹³ См.: РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. № 21. Л. 6—7.

⁹⁴ См.: Там же. Л. 8—10, 12—14 (копии); Л. 5а (конверт с тремя печатями, записью В. П. Степанова: «Тестамент объявленной 7 мая 1727 г. и с него список моей руки» и другой записью: «Взят из Иностранной коллегии 27 ноября 1741 г.»). На л. 14 имеется запись Г. И. Головкина: «1730 августа 9 день в воскресенье в Ызмайлове ее величество государыня императрица изволила мне приказать, чтоб прислать завещательное письмо императрицы Екатерины Алексеевны с Васильем Степановым, и то письмо назафтрея 10 числа послал я в Ызмайлово к ее императорскому величеству с Васильем Степановым, запечатав, и он, отвесчи, мне сказал, что он вручил самой ей, государыне, то письмо».

⁹⁵ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 564. Л. 17—17 об.; № 559. Л. 1; Там же. Ф. 2. Оп. 1. № 21. Л. II—III.

⁹⁶ См.: Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1872. Т. 9. С. 224—225.

⁹⁷ См.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. № 388. Л. 1 об.

⁹⁸ См.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 1.

С. 5; *Ланно-Данилевский А. С.* Россия и Голштиния (очерк из истории германо-русских отношений в XVIII в.) // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 268. Кажется, это утверждение опирается на мнение француза Лаво (см.: *Laveaux J. Histoire de Pierre III.* Paris, 1799. V. 2. P. 177), ничем, однако, не подтверждённое.

⁹⁹ См.: Сб. РИО. Т. 84. С. 689.

¹⁰⁰ См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 44 (сношения России с Гамбургом). Оп. 44/1. 1733. № 3. Л. 99—99 об., 125 об., 251—251 об.

¹⁰¹ См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 69. Л. 2—4.

¹⁰² См.: *Kirchner W.* The Death of Catherine I of Russia // *American Historical Review.* 1946. № 51. P. 260—261; РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 69. Л. 3.

¹⁰³ См.: *Брикнер А. Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // *Русская мысль.* 1895. № 9. С. 28—30.

¹⁰⁴ См.: Сб. РИО. Т. 75. С. 70—71.

¹⁰⁵ См.: Там же. Т. 64. С. 576; *Брикнер А. Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I. № 9. С. 27.

¹⁰⁶ См.: АВПРИ. Ф. 2. Оп. 32/1. 1727. № 6. Ч. 2. Л. 307—308, 331.

¹⁰⁷ См.: Testament ihro kaysrl. majestat Catharina Alexiejowna selbsthalterin von Russland welche den 17 may 1727 zu Petersburg // РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. № 22. Л. 1—10.

¹⁰⁸ См.: *Феофан Прокопович.* О смерти Петра Великого императора Российского. СПб., 1725. С. 19; Юность державы / *Фридрих Берхгольц.* Геннинг Бассевич. М., 2000. С. 420, 432.

¹⁰⁹ См.: Сб. РИО. Т. 52. С. 213, 220.

¹¹⁰ См.: *Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина. 1725—1727 // *Вестник Европы.* 1894. № 1. С. 125.

¹¹¹ См.: *Вильбуа Ф.* Указ. соч. № 4—5. С. 151; *Толстой М.* Краткое описание жизни графа П. А. Толстого (сочинение французского консула Виллардо) // РА. 1896. № 1. С. 25; Сб. РИО. Т. 66. С. 81.

¹¹² См.: Сб. РИО. Т. 52. С. 349; Т. 3. С. 396.

¹¹³ Цит. по: *Молева Н. М.* Указ. соч. С. 192—195.

¹¹⁴ См.: Известие о пребывании в Риме, в 1774 или в 1775 годах, известной принцессы Елизаветы, именовавшей себя дочерью российской императрицы Елисаветы Петровны // РС. 1907. № 9. С. 557—558.

¹¹⁵ Цит. по: Принцесса Владимирская в Рагузе. С. 498—499.

¹¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. № 80. Л. 28—28 об. Письмо визирю долго странствовало по свету и только в 1859 году было куплено для архива у некоего поручика Балашевича.

¹¹⁷ Цит. по: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 268—272.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 156—157.

¹¹⁹ Цит. по: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 272—274.

¹²⁰ См.: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 159; Принцесса Владимирская в Рагузе. С. 500.

¹²¹ Цит. по: *Панин В. Н.* Указ. соч. С. 39—41 (пер. Е. В. Колдочкиной).

¹²² Цит. по: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 275—278.

¹²³ Цит. по: Там же. С. 147.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. № 80. Л. 7.

¹²⁵ См.: Там же. Ф. 7. Оп. 2. № 2075. Л. 2 об.

¹²⁶ См.: Там же. № 2070. Л. 3.

¹²⁷ См.: Там же. № 2128. Л. 3—4.

¹²⁸ Там же. № 2164. Л. 2.

¹²⁹ Сб. РИО. Т. 140. С. 25.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2061. Л. 3; № 2092. Л. 4 об.—5; № 2047. Ч. 1. Л. 168 об.

¹³¹ См.: Там же. № 2065. Л. 48—48 об.

¹³² См.: Там же. № 2047. Ч. 1. Л. 167 об. О первом и последующих самозванцах см.: *Сивков К. В.* Самозванцы в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 97.

¹³³ См.: *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. 2. С. 282, 287.

¹³⁴ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2080. Л. 4, 17.

¹³⁵ См.: Там же. № 2131. Л. 31.

¹³⁶ Там же. № 2097. Л. 3, 5 об., 8. См. также: *Джинчарадзе В. З.* Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762—1801 гг.) // Ученые записки Новгородского педагогического университета. Новгород, 1957. Т. 1. Вып. 1. С. 96.

¹³⁷ См.: *Каратыгин П.* Язык мой — враг мой // Исторический вестник. 1897. № 9. С. 786.

¹³⁸ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 351. Л. 39—41.

¹³⁹ См.: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 626. Л. 73—74, 124.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2098. Л. 1; № 2103. Л. 2, 5.

¹⁴¹ См.: Там же. Ф. 20. Оп. 1. № 21. Ч. 2. Л. 75.

¹⁴² Цит. по: *Голомбиевский А. А.* Князь Г. Г. Орлов // РА. 1904. № 7. С. 385—386.

¹⁴³ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2047. Ч. 1. Л. 169—169 об.; № 2168. Л. 1.

- ¹⁴⁴ См.: Там же. № 2043. Ч. 3. Л. 27, 39—39об.
- ¹⁴⁵ См.: *Соколов А. Б.* Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // ВИ. 1999. № 4—5. С. 127.
- ¹⁴⁶ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2152. Л. 2; № 2156. Л. 1.
- ¹⁴⁷ См.: Там же. № 2152. Л. 4, 8—8 об., 23, 28—29. Подлинник записки Екатерины II см.: Там же. № 2043. Ч. 3. Л. 49—49 об.
- ¹⁴⁸ Там же. № 2169. Л. 1—1 об.
- ¹⁴⁹ См.: Там же. № 2166. Л. 1—2 об.; 12—12 об.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 407. Л. 25 об.; № 569. Л. 47.
- ¹⁵¹ См.: Дворцовые перевороты в России 1725—1825. Ростов-н/Д., 1998. С. 440, 444.
- ¹⁵² См.: Там же. С. 422—423.
- ¹⁵³ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2153. Л. 4; № 2043. Ч. 3. Л. 66.
- ¹⁵⁴ См.: Сб. РИО. Т. 7. С. 366.
- ¹⁵⁵ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2047. Ч. 1. Л. 217 об.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 174 об.
- ¹⁵⁷ Там же. № 2188. Л. 1, 4.
- ¹⁵⁸ См.: *Барсуков А. П.* Рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1885. С. 198—199, 211, 218—220.
- ¹⁵⁹ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 407. Л. 4—5, 6 об., 25 об., 159 об.
- ¹⁶⁰ См.: Там же. Ф. 7. Оп. 2. № 2323. Л. 5—6 об.
- ¹⁶¹ См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 411. Л. 7, 22, 124, 126, 220—221.
- ¹⁶² См.: Там же. Ф. 7. Оп. 2. № 2043. Ч. 11. Л. 40—41.
- ¹⁶³ Там же. Л. 39, 44.
- ¹⁶⁴ См.: *Спирков В. А.* Участие пленных польских конфедератов в Крестьянской войне в России 1773—1775 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1963. № 14. Серия истории, языка, литературы. Вып. 3. С. 19—30; *Латыпова В. В.* Участие ссыльных польских конфедератов в Крестьянской войне 1773—1775 годов // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева: Всероссийская научно-практическая конференция, посвящённая 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева. 3 июня 2004 г. Уфа, 2004. С. 220—225.
- ¹⁶⁵ Известие о пребывании в Риме... С. 556.
- ¹⁶⁶ См.: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 169—170; *Панин В. Н.* Указ. соч. С. 47.
- ¹⁶⁷ См.: Известие о пребывании в Риме... С. 557—558; *Шереметев С. Д.* Записка о пребывании в Риме Таракановой // РА. 1915. № 5. С. 6, 8.

¹⁶⁸ См.: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 182—183; *Панчулидзе С. А.* Указ. соч. С. 430—431. Известие о пребывании в Риме... С. 559—560.

¹⁶⁹ См.: *Панин В. Н.* Указ. соч. С. 56.

¹⁷⁰ Дневник графа Бобринского, ведённый в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границу // РА. 1877. № 10. С. 145.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 122.

¹⁷² См.: *Голомбиевский А. А.* А. Г. Орлов-Чесменский // РА. 1904. № 8. С. 504—505, 512.

¹⁷³ См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 845. Л. 21—22, 54, 55.

¹⁷⁴ См.: *Соколов А. Б.* Указ. соч. С. 119.

¹⁷⁵ См.: *Порошин С. А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. С. 264; Сб. РИО. Т. 22. С. 488; Т. 46. С. 189, 636.

¹⁷⁶ Несчастная принцесса, или Трогательные приключения Аврелии. С. 114, 117, 121.

¹⁷⁷ Цит. по: *Панин В. Н.* Указ. соч. С. 58—60.

¹⁷⁸ См.: РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. № 80. Л. 13—13 об.

¹⁷⁹ См.: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 198.

¹⁸⁰ Цит. по: Там же. С. 197.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 234.

¹⁸² Цит. по: *Панин В. Н.* Указ. соч. С. 63—65.

¹⁸³ Несчастная принцесса, или Трогательные приключения Аврелии. С. 125, 143, 147.

¹⁸⁴ Цит. по: Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. 12. С. 311—312.

¹⁸⁵ См.: *Долгова С. Р.* Судьба архива княжны Таракановой. С. 9—13.

¹⁸⁶ См.: Исторические рассказы и анекдоты о императрице Екатерине II и современных ей деятелях // РС. 1874. № 8. С. 773—774.

¹⁸⁷ Несчастная принцесса, или Трогательные приключения Аврелии. С. 156—157, 164, 167—168.

¹⁸⁸ См.: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 278—279.

¹⁸⁹ См.: *Панин В. Н.* Указ. соч. С. 66—67.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 29—30.

¹⁹¹ Сб. РИО. Т. 23. С. 20—21.

¹⁹² Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка. 1769—1791. М., 1997. С. 72.

¹⁹³ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 36, 47, 48, 51—52, 55.

- ¹⁹⁴ См.: Сб. РИО. Т. 19. С. 466—467.
- ¹⁹⁵ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2290. Л. 10—14.
- ¹⁹⁶ См.: Там же. Л. 10—14, 91.
- ¹⁹⁷ Екатерина II и Г. А. Потёмкин. С. 70.
- ¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 57—60.
- ¹⁹⁹ См.: Там же. Ф. 7. Оп. 2. № 2049.
- ²⁰⁰ См.: Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1775. СПб., 1775. С. 67.
- ²⁰¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 76—78 об.
- ²⁰² См.: Там же. Л. 103—111.
- ²⁰³ Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Тарakanовой. С. 182—184.
- ²⁰⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 120.
- ²⁰⁵ См.: Там же. Л. 121—124 (доношение Голицына Екатерине II от 18 июня 1775 года).
- ²⁰⁶ См.: Там же. Л. 127—128. Перевод см.: Там же. Л. 130—133, 320—322 об.
- ²⁰⁷ См.: Там же. Л. 124—126.
- ²⁰⁸ См.: Там же. Л. 131.
- ²⁰⁹ Там же. Л. 137—149.
- ²¹⁰ См.: Там же. Ф. 5. Оп. 1. № 105. Л. 48—49.
- ²¹¹ См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 378.
- ²¹² См.: Там же. Л. 169—178.
- ²¹³ См.: Там же. Л. 179—179 об.
- ²¹⁴ Там же. Л. 204—204 об.
- ²¹⁵ Там же. Л. 206—215. Оба письма и «Note» помещены в деле не после реляции Голицына от 25 июля, а после его доношения от 12 августа.
- ²¹⁶ См.: Там же. Л. 205—205 об.; Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Тарakanовой. С. 191.
- ²¹⁷ Цит. по: Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово. М., 1989. С. 161.
- ²¹⁸ Цит. по: *Травин Л.* Записки. Псков, 1998. С. 51—52.
- ²¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 183—184.
- ²²⁰ Там же. Л. 186.
- ²²¹ Там же. Л. 188—189.
- ²²² Там же. Л. 190—193.
- ²²³ См.: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 287—291. Современный следствию перевод находится в деле (см.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 374—377).
- ²²⁴ *Молева Н. М.* Указ. соч. С. 210.

²²⁵ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 150—168 об., 225—234.

²²⁶ Там же. Л. 190—193 об.

²²⁷ Екатерина II и Г. А. Потёмкин. С. 78—79.

²²⁸ Там же. С. 78.

²²⁹ Цит. по: *Лунинский Э.* Указ. соч. С. 283—284.

²³⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 216.

²³¹ Там же. Л. 218—218 об., 219.

²³² См.: Там же. Л. 221—221 об.

²³³ Там же. Л. 222—223; Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Таракановой. С. 192—193.

²³⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531. Л. 236—237 об.

²³⁵ Там же. Л. 281.

²³⁶ См.: Сб. РИО. Т. 27. С. 43; *Голомбиевский А. А.* А. Г. Орлов-Чесменский. С. 519.

²³⁷ См.: *Соловьёв С. М.* Заметки о самозванцах в России // РА. 1865. С. 272.

²³⁸ *Глинка С. Н.* Записки // Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания. М., 1996. С. 143.

²³⁹ См.: *Стороженко Н. Н.* Материалы для истории России, извлечённые из рукописей Британского музея в Лондоне // ЧОИДР. 1870. Кн. 3. Отд. 4. С. 39.

²⁴⁰ См.: Северная пчела. 1860. № 53; *Мельников П. И.* Княжна Тараканова и принцесса Владимирская. № 8. С. 634.

²⁴¹ См.: *Лонгинов М. Н.* Заметка о княжне Таракановой по поводу картины г. Флавицкого. С. 655.

²⁴² См.: *Винский Г. С.* Записки // РА. 1877. Т. 2. С. 122.

²⁴³ Цит. по: Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 556.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ САМОЗВАНКИ, ВПОСЛЕДСТВИИ НАЗВАННОЙ ЕЛИЗАВЕТОЙ ТАРАКАНОВОЙ*

Между 1745 и 1753 — возможная дата рождения самозванки; место рождения, имена и социальный статус родителей неизвестны.

1761—1770 — согласно показаниям на следствии, после детства, проведённого в голштинском Киле, скиталась во владениях России, Турции и Персии.

1769 — якобы отправилась из Персии через российские Астрахань, Петербург и Ригу в прусский Кёнигсберг с покровителем, «персидским князем Гали».

1770 — жила в Берлине под именем девицы Франк.

1771 — пребывала в Генте под именем девицы Шелль и в Лондоне под именем госпожи де Тремуйль.

1772, начало года — переехала в Париж под именем Али Эмете, познакомилась с литовским великим гетманом М. Огиньским.

Конец года — объявилась во Франкфурте-на-Майне.

1773, июнь — 1774, 13 мая — находилась во владениях графа Лимбург-Штирумского под именами Али Эмете, Элеоноры, владельницы Азова и княжны Волдомир.

1774, май — прибыла в Венецию под именем графини Пиннеберг, познакомилась с польским магнатом князем К. Радзивиллом.

16 июня — отправилась из Венеции с князем Радзивиллом в путешествие, конечным пунктом которого должна была стать Персия.

30 июня — самозванка со свитой прибыла в Дубровник.

8 июля — якобы получила из Венеции от неизвестного отправителя письма турецкому султану Абдулгамиду I и графу А. Г. Орлову и подложные завещания Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны, впоследствии ставшие главными уликами её обвинения.

* Для событий, происходивших за границей, даты приводятся по григорианскому календарю, а в России — по юлианскому.

Лето — составила два письма султану, в которых назвала себя дочерью Елизаветы Петровны.

Сентябрь — командующий русским флотом на Средиземном море А. Г. Орлов получил в Ливорно письмо самозванки с обоснованием её прав на русский престол.

6 декабря — переехала в Рим.

1775, 16 января — встретила в Риме с польским посланником маркизом Античи.

28 января — в письме графу Орлову из Рима выразила готовность передать свою судьбу в его руки.

15 февраля — прибыла в Пизу под именем графини Зелинской.

12 (23) февраля — арестована капитаном гвардии Литвиновым на российском адмиральском корабле «Святой великомученик Исидор».

14 (25) февраля — русская эскадра под командованием контр-адмирала С. К. Грейга вышла в море.

11 мая — корабль с пленницей на борту прибыл в Кронштадт.

26 мая — заключена в Петропавловскую крепость.

Конец мая — составлены девять «вопросных пунктов» и началось следствие.

Начало июня (?) — написала фельдмаршалу А. М. Голицыну и Екатерине II.

7 июня — императрица, возмущённая поведением самозванки на следствии, дала Голицыну указание разлучить её.

Середина июня (?) — второе письмо заключённой Голицыну.

29 июня — присланы 20 новых «вопросных пунктов» и новая инструкция императрицы Голицыну.

Около 25 июля — снова написала Голицыну и императрице и составила более подробную записку («Note») с изложением обстоятельств своей жизни.

25 июля — Екатерина II через Голицына предложила пленнице освобождение в обмен на правдивую информацию о её происхождении.

Между 6 и 12 августа — написала новое послание Голицыну.

26 октября — Голицын доложил императрице о тяжёлой болезни подследственной.

30 ноября — 1 декабря — исповедовалась православному священнику.

4 декабря — скончалась в Петропавловской крепости в седьмом часу пополудни от лихорадки.

5 декабря — похоронена на территории Алексеевского равелина Петропавловской крепости.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 531, 532.

Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Таракановой. Из Государственного архива // Сб. РИО. СПб., 1867. Т. 1. С. 168—204.

Литература

Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»).

Лунинский Э. Княжна Тараканова. М., 1998.

Молева Н. М. Её звали княжна Тараканова. М., 2007.

Панин В. Н. О самозванке, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. По архивным источникам // ЧОИДР. 1867. Кн. 1. С. 1—91 (первая пагинация), 1—61 (вторая пагинация).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. О «предмете, представляющем столько ужасного и поэтического»</i>	5
<i>Глава первая. Дворцовые тайны</i>	24
«Тысяча сказок», или Девица ниоткуда	24
Чехарда на троне	39
<i>Глава вторая. Явление «принцессы»</i>	54
Европейские странствия — в романе... ..	54
...и в жизни	61
Бетти из Оберштейна, или Лимбургские страсти	66
«Пане коханку»	74
Поляки и казаки	89
«Елизавета Вторая»	99
Страхи империи	125
На пути к краху: Рим—Пиза—Ливорно	145
Конец романа	162
<i>Глава третья. Государыня и самозванка: дамский поединок</i>	177
«Принцесса» в клетке	177
Гнев императрицы	196
Монаршая милость	209
Последний акт	224
<i>Послесловие</i>	234
<i>Примечания</i>	246
Основные даты жизни самозванки, впоследствии названной Елизаветой Таракановой	258
Библиография	261

Курукин И. В.

К 93 Княжна Тараканова / Игорь Курукин. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 262[10] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 11).

ISBN 978-5-235-03405-1

Та, которую впоследствии стали называть княжной Таракановой, остаётся одной из самых загадочных и притягательных фигур XVIII века с его дворцовыми переворотами, колоритными героями, альковными тайнами и самозванцами. Она с лёгкостью меняла имена, страны и любовников, слала письма турецкому султану и ватиканскому кардиналу, называла родным братом казацкого вождя Пугачёва и заставила поволноваться саму Екатерину II. Прекрасную авантюристку спонсировал польский магнат, а немецкий владетельный граф готов был на ней жениться, но никто так и не узнал тайну её происхождения. Неудивительно, что её биография обросла многочисленными легендами.

Книга доктора исторических наук Игоря Курукина, написанная на основе документов, рассказывает о подлинной истории отчаянной искательницы приключений, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, претендовавшей на русский престол, которая даже в каземате Петропавловской крепости предпочла смерть признанию вины.

**УДК 94“17”-055.2
ББК 63.3-284.3**

Курукин Игорь Владимирович
КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

Редактор Е. А. Никулина
Художественный редактор И. И. Сулов
Технический редактор М. П. Качурина
Корректоры Т. И. Маляренко, Л. М. Марченко

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 02.09.2010. Подписано в печать 16.11.2010.
Формат 70х100/32. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 11,05+0,65 вкл. Тираж 5000 экз.
Заказ 10385

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127994, Москва, Сушёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>
E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано в типографии АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушёвская ул., 21

ISBN 978-5-235-03405-1

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Чайковская
«ТЫШЛЕР»

А. Пантажене
«МЭРИЛИН МОНРО»

А. Ливергант
«КИПЛИНГ»

В. Попов
«ДОВЛАТОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Кузичева
«ЧЕХОВ»

З. Прилепин
«ЛЕОНИД ЛЕОНОВ»

Н. Бодрихин
«КОЖЕДУБ»

Н. Петрова
«СКОПИН-ШУЙСКИЙ»

Л. Лосев
«ИОСИФ БРОДСКИЙ»

И. Желвакова
«ГЕРЦЕН»

В. Миленко
«АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

С. Рыбас
«ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ»

И. Пожарская
«ЮРИЙ НИКУЛИН»

М. Вострышев
«ЛЮДМИЛА ЦЕЛИКОВСКАЯ»

А. Воронцов-Дашков
«ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА»

Ю. Боров
«ЛУНАЧАРСКИЙ»

В. Шубинский
«ЛОМОНОСОВ»

А. Познанский
«ЧАЙКОВСКИЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Пьер Деке

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СЮРРЕАЛИСТОВ В 1917—1932 ГОДАХ**

В. Наумов

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ЕГО
СПОДВИЖНИКОВ**

В. Бокова

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ**

Г. Андреевский

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Курукин, А. Булычев
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО**

О. Семенова
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА**

Е. Глаголева
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПИРАТОВ И КОРСАРОВ АТЛАНТИКИ**

Н. Борисов
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА
В ЭПОХУ БЕЗДОРОЖЬЯ**

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. П. Кузичева

ЧЕХОВ

Интерес к личности Чехова, определившей своеобразие его творческого метода, огромен, поэтому в разных странах появляются все новые его биографии. Самая полная из них на сегодняшний день — капитальное исследование известного литературоведа А. П. Кузичевой, освещающее общественную активность писателя, его личную жизнь, историю создания его произведений. Книга, выходящая в серии «ЖЗЛ» к 150-летию со дня рождения Чехова, рекомендуется к прочтению всем любителям и знатокам русской литературы.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**М. Д. Беленький
МЕНДЕЛЕЕВ**

Дмитрий Иванович Менделеев известен большинству читателей как «отец» русской водки и автор Периодического закона, а между тем он писал книги по экономике и социологии, конструировал высокоточные приборы, разрабатывал таможенные тарифы, летал на воздушном шаре, исследовал спиритизм, возглавлял русскую метрологию, выступал экспертом на судебных процессах об отравлениях. Книга рассказывает о непростых семейных отношениях Менделеева, о его истинной роли в изобретении русской водки и бездымного пороха и раскрывает суть конфликта с академической средой, в результате которого всемирно признанный ученый не получил на родине звания академика.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03405-1

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ